

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ РУДАКИ**

На правах рукописи

**МУХАМЕДХОДЖАЕВА РАХШАНДА
АХМАДЖОНОВНА**

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
«МАНТИК-УТ-ТАЙР» АТТОРА НИШОПУРИ**

Специальность: 10.02.19 - Теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
член-корреспондент
Национальной академии
наук Таджикистана,
доктор филологических наук
Султонов М.Б.

Душанбе - 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАСНАВИ «МАНТИК-УТ-ТАЙР» («ЯЗЫК ПТИЦ») АТТОРА	14
1.1. Фаридуддин Аттор и его маснави «Мантик-ут-тайр».....	14
1.2. Лексический состав маснави «Мантик-ут-тайр» с точки зрения происхождения.....	25
1.2.1. Исконные слова.....	25
1.2.2. Заимствованная лексика.....	32
1.2.2.1. Согдийские заимствования.....	33
1.2.2.2. Арабские заимствования.....	34
1.2.2.3. Заимствования из других языков.....	39
1.3. Лексический состав маснави «Мантик-ут-тайр» с точки зрения сферы употребления.....	42
1.3.1. Лексика, связанная с животным миром (фауной).....	42
1.3.2. Лексика, связанная с растительным миром (флорой).....	51
1.3.3. Географическая лексика (топонимия)	53
1.3.4. Астрономическая лексика	63
1.3.5. Лексика, обозначающая камни, руды и металлы.....	67
1.3.6. Религиозно-мистическая лексика	67
1.3.6.1. Лексика, связанная с именами пророков и исторических личностей (антропонимы).....	77
ГЛАВА II. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАСНАВИ «МАНТИК-УТ-ТАЙР»	
2.1. Полисемические особенности слов	86
2.2. Особенности омонимов.....	94
2.3. Особенности антонимов.....	113
2.4. Особенности синонимов	140
2.5. Лексические повторы: виды и функции повторов	156
2.6. Метафора и её использование в тексте «Мантик-ут-тайр».....	159
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	168
БИБЛИОГРАФИЯ	173

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Углубленное изучение языка и стиля творческого наследия прошлого, наряду с выявлением особенностей таджикского литературного языка, поможет наблюдать за процессом развития этого языка в разные исторические периоды. Более того, язык как один из важнейших средств человеческой коммуникации и общения, неразрывно связан с развитием и прогрессом общества. В связи с этим изучение истории языка на основе богатого и многообразного наследия прошлого является одним из важнейших вопросов таджикского языкознания, поскольку на основе глубоких научных исследований выявляются высокие познания культуры и художественный вкус носителей языка. Кроме того, изучение и усвоение рассматриваемого вопроса и эффективного использования его результатов будет способствовать дальнейшему развитию и расширению возможности государственного языка.

Таджикский язык имеет древнюю и богатую историю, а пик его формирования и развития приходится на IX-X века. Именно в этот период под руководством и при поддержке эмиров династии Саманидов (875-999) этот язык, как государственный язык, сыграл важную роль в политической, социальной и культурной жизни таджикского народа и получил небывалое и беспрецедентное развитие, масштабы влияния и весомости которого распространяются до нашего времени.

Следует отметить, что в богатом классическом наследии, наряду с красотой, изысканностью и богатым потенциалом, отражены лучшие традиции художественного выражения таджикского языка, которые до сих пор привлекают внимание ученых с точки зрения формы, содержания и стиля выражения. Поэтому изучение языка таджикской классической литературы, в том числе мистической и аллегорической поэзии, на примере маснави «Мантик-ут-тайр» Фаридуддина Аттора Нишопури имеет первостепенное значение – оно позволит выявить предпосылки, изучить процесс и определить факторы его развития.

Научные исследования по истории таджикского языка классического периода показывают, что языковые особенности таджикской литературы того периода в произведениях отдельных авторов еще не изучены в полной мере, хотя исследования по выявлению тенденций и процессов развития таджикского литературного языка классического периода являются ценным источником научного и литературного характера.

Следует отметить, что исследование особенностей лексического состава, стилистических приемов языка поэзии в таджикском языкознании имеет давнюю историю. Этой теме посвящено немало полезных для науки работ, авторами которых, в основном, были лексикографы и составители антологий. В связи с этим, в большинстве словарей, при интерпретации лексического значения слова и представлении его стилистических нюансов, составители словарей, для подкрепления идеи и аргументации, чаще используют фрагменты из поэтических произведений. Кроме того, в литературных источниках и ранних антологиях (тазкирах), где речь идёт о теории литературы или литературной критике, также содержится ценная информация о некоторых их лингвистических особенностях.

В качестве примера можно упомянуть ряд более ранних антологий и словарей, в которых обсуждаются особенности произведений, язык и стиль поэзии выдающихся поэтов и писателей таджикской классической литературы: “Лубоб-аль-албоб” Мухаммада Ауфи Бухорои, “аль-Му`джем фи-ма`ойир-ил-аш`ор-иль-Аджам” Шамси Кайси Рози, “Тарджумон-аль-балоба” Мухаммада Родуёни, “Хадоик-ус-сехр фи-дакоик-уш-ше`р” Рашидуддина Ватвота (XII век), “Маджма`-ус-саное`” Низомиддина Ахмада, “Нафахот-аль-унс” и “Бахористон” Абдуррахмона Джоми, “Маджолис-ун-нафоис” Алишера Навои, “Хафт иклим” Ахмада Рози (XVI век), “Калимат-уш-шуаро” Мухаммадафзала Сархуша (XVII век), “Оташкада” Лутфалибека Озара (XVII век), “Наштари ишк” Хусайнкулихона Азимободи, “Бутхона” Мирзобека Хони (XVII век), “Хулосат-аш-шуаро” Абдуллатифа Гуджароти (XVII век), “Мирот-уль-алам” Бахтовархона (XVII век), “Намунаи адабиёти

точик” (“Образцы таджикской литературы”) Садриддина Айни; из словарей: “Лугати фурс” Асади Туси, “Донишномаи Кадархон” и “Тухфат-уль-Ахбоб” Хофиза Убахи (XV век), “Мадор-уль-афозил” Файза Дакани (XVII век), “Фарханги Джахонгири” Хусайна Инджу (XVI век), “Фарханги Рашиди” Абдурашид ат-Таттави (XIX век), “Бурхони коте” Мухаммада Хусайна, “Гиёс-уль-лугот” Мухаммада Гиёсуддина и другие.

Во все времена благоприятная культурная среда способствует развитию науки, литературы, искусства и общества в целом. Современное таджикское языкознание, которое является логическим и прямым продолжением советской лингвистической школы, за период государственной независимости Республики Таджикистан добилось значительных успехов и идет в ногу со временем. Среди множества вопросов лингвистики успешно развивается раздел теории языка, особенно область текстологии. Из важных научных достижений, полученных в этом направлении, следует особо выделить труды таких исследователей, как А. Мирзоев, Н. Масуми, М. Косимова, Р. Гаффоров, Б. Камолиддинов, С. Сабзаев, М. Султонов, С. Назарзода, О. Косимов, А. Хасанзода, Д. Ходжаев, З. Мухтори, К. Мухтори, Р. Шодиев, М. Саломов, Ф. Шарифова, Ж. Гулназарова и другие, которые пополнили фонд теоретического языкознания.

Хотя изучение лексических, семантических и стилистических особенностей языка классической таджикской литературы в таджикской лингвистике - не совсем новая неизученная тема, но языковые особенности и стиль сочинения многих выдающихся представителей таджикско-персидской литературы Низоми Ганджави, шейха Наджмиддина Кубро (XII-XIII), шейха Наджмуддина Багдоди (XII-XIII вв.), Абдулкодира Гелони (XII век), Фаридуддина Аттора (XII-XIII вв.) и др. не были объектом отдельного системного рассмотрения и анализа.

Исходя из этого, основываясь на исследованиях и трудах ведущих таджикских исследователей А. Мирзоева [Мирзоев, 1949. с.7-14], Т.Зехни [Зехнӣ, 1958], Н. Масуми [Маъсумӣ, 1954], Б. Камолиддинова

[Камолиддинов, 1967], З. Мухтори [Мухторӣ, 2001], М.Н. Косимовой [Косимова, 2003], К. Мухтори [Мухторӣ, 2006] и др., в этой диссертации мы решили провести исследование лексических и семантических особенностей одного из наиболее ярких и привлекательных мистических маснави нашей литературы – «Мантик-ут-тайр» Шейха Фаридуддина Аттора.

В качестве **теоретической базы** послужили исследования и статьи зарубежных и отечественных ученых, таких как К.Г. Залеман, В. Жуковский, Э. Браун, А. Смирнова, В.В. Виноградов, Б.В. Томашевский, А.Н. Гвоздѣв, А.И. Ефимов, И.В. Арнольд, Д.Е. Розенталь, И.Р. Галерин, М. Бахор, посвященные особенностям стилистической сферы языка и научные работы по лексико-семантическим особенностям персидско-таджикских слов, написанные Ж. Лазаром, В. Минорским, М.Н. Шанским, Д.Н. Шмелёвым, Л. Пейсиковым, А.Л. Новиковой и др., а также научные труды таджикских ученых А. Мирзоева, Н. Масуми, Д.Т. Таджиева, Б. Камолиддинова, Х. Маджидова, Р. Гаффорова, Р. Джураева, М. Файзуллоева, Б. Сиёева, С. Халимова, М. Султонова, С. Хошимова, М. Саидова, М. Давлатовой, С. Анвари, А. Давронова, С. Сабзаева, Г. Джураева, М. Мухаммадиева, Т. Бердиевой, С. Арзуманова, К. Тохировой, С. Назарзода, О. Косимова, О. Мухаммаджонова, М. Саломова, Ж. Гулназаровой, Ф. Шарифовой, Р. Шодиева, З. Мухторова, К. Мухторова и др.

Выбор в качестве предмета исследования лексико-семантических особенностей текста «Мантик-ут-тайр» шейха Фаридуддина Аттора (конец XII - начало XIII вв.) обусловлен тем, что, на наш взгляд, маснави «Мантик-ут-тайр» Фаридуддина Аттора - это не только один из важных, интересных и влиятельных произведений мистицизма, но и один из признанных шедевров средневекового таджикского языка и литературы. Язык поэтических произведений Аттора, в том числе язык маснави «Мантик-ут-тайр», является лучшим образцом хорасанского стиля таджикского языка.

Известный иранский ученый Забехуллох Сафо в своей книге «Ганджинаи сухан», приводя веские аргументы в пользу красноречия и

таланта Аттора Нишопури, называет маснави «Мантик-ут-тайр» “венцом всех маснави Аттора”: “Аттор выделяется среди суфийских поэтов своими многочисленными стихотворениями... Среди всех этих проникновенных маснави, каждый из которых раскрывает мистические вопросы и сопровождается многочисленными иносказаниями и аллегориями, самым важным и красноречивым маснави, которого следовало бы назвать венцом всех маснави Аттора, - это «Мантик-ут-тайр» [Сафо, 1374. с.425-432]. Исследователь Карим Замони, обращая внимание на язык Аттора, отмечает следующее: “Знакомство с описаниями маснави «Мантик-ут-тайр» создает достоверное впечатление о том, что, действительно, мир мысли и духовности Аттора был настолько обширен, что он смог завоевать столько умов и мотивировал учёных к комментариям” [Замонӣ, 1395. с.388].

Следует отметить, что среди поэтического наследия таджикской классической литературы произведения мистического и суфийского характера занимают главенствующее положение и здесь маснави “Мантик-ут-тайр” Фаридуддина Аттора принадлежит особая роль.

Маснави «Мантик-ут-тайр» - это символическая поэма, состоящая из более 4600 бейтов, общая сюжетная линия которой является сбор птиц, чтобы найти Симурга. Изучение языка таджикско-персидской суфийской поэзии на примере маснави «Мантик-ут-тайр», который является наилучшим образцом стиля поэтического выражения таджикского языка, имеет большое значение для определения художественной и философской ценности этого произведения и особенностей языка того периода, его развития, стиля и манеры поэтов-мистиков при выражении идейных замыслов, а также для выявления и решения вопросов взаимовлияния языков, культурных и религиозных традиций разных цивилизаций и их отражения в поэтических произведениях суфизма.

Степень изученности темы. На сегодняшний день отечественными и зарубежными исследователями проведены обширные исследования по изучению языковых особенностей того или иного произведения из наследия

классической литературы. В частности, Э. Барун, Ж. Лазар, В. Минорский, Л.П. Смирнова, В. Иванов, Р. Джураев, М. Бахор, Б. Сиёев, М.Н. Косимова, С. Халимов, С. Хошимов, М. Саидов, М. Давлатова, К. Каландаров, С. Анвари, С. Сабзаев рассматривали язык и грамматические особенности произведений таджикско-персидской суфийской литературы и классической литературы в целом. Помимо этого отдельным вопросам становления и развития таджикского литературного языка классического периода и его лексико-грамматических особенностей посвящены труды таких ученых, как К.Г. Залеман, В. Жуковский, Н. Масуми, А. Мирзоев, Д. Таджиев, М. Фозилов, В.А. Капранов, З. Мухторов, М. Саломов, К. Мухтори и другие.

Был создан ряд научных трудов, посвященных толкованию, обзору и изучению суфийских произведений, имеющих большое научное значение, в том числе “Тафсири “Маснави ма’нави” Р. Николсона, “Шархи асрор” Муллоахада Сабзавори, “Шархи маснави шариф”, “Аходиси маснави” Бадеуззамона Фурузонфара, “Шархи кабир” Исмоила Анкарави, “Шархи чомеи “Маснави-и ма’нави” Карима Замони и другие. Востоковеды и исследователи, такие как Е.Э. Бертельс, Шибли Нумони, Саид Содик Гавхароин, Абдулхусайн Зарринкуб, Шафеи Кадкани, Г. Каримов, М. Хазраткулов, К. Олимов, З.А. Кулизода и другие провели ряд исследований мистической поэзии и ее отдельных представителей. Существуют также отдельные ценные исследовательские работы современных литературоведов и востоковедов Эдуарда Брауна, Гельмута Риттера, Бадеуззамона Фурузонфара, Мухаммада Истеломи, Ризо Ашрафзода, Сухайло Сорамии, Насруллоха Пурджаводи, Забехуллоха Сафо, А. Мухаммадходжаева и других, посвященных жизни и творчеству Фаридуддина Аттора.

Цели и задачи исследования. Основная цель диссертации - глубокое и всестороннее лингвистическое изучение мистического маснави «Мантик-ут-тайр» Фаридуддина Аттора.

Исходя из вышеуказанной цели, мы считаем необходимым решение следующих задач :

- определить лексический состав маснави «Мантик-ут-тайр»;
- изучить значения и положения слов, употребляемых в маснави;
- составить лексические группы в маснави (географические, астрономические названия и др.);
- определить способы использования синонимов, антонимов и омонимов в рассматриваемой мистической поэме;
- охарактеризовать лексический состав маснави с точки зрения происхождения;
- проанализировать полисемантические свойства слов в маснави «Мантик-ут-тайр»;
- исследовать лексический состав маснави с точки зрения употребления;
- определить и проанализировать лексический повтор в поэме;
- выявить метафоры и ее типы в маснави;
- определить этимологические особенности слов и истории их семантического изменения;
- выявить религиозные и мистические термины в маснави.

Объект исследования – критический текст «Мантик-ут-тайр» Фаридуддина Аттора, составленный под редакцией Али Мухаммади Хуросони с введением, словарем и комментариями; иранские и афганские издания, подготовленные к печати Ахмадом Джовидом (1337 г.х.), Ахмадом Ранджбаром (1374 г.), Мухаммадризо Шафеи Кадкани (1374 г.), а также одна из полных версий данного маснави, находящаяся в Фонде восточных рукописей Центра письменного наследия при Президиуме Национальной академии наук Таджикистана под № 103 (написано 25 зульхиджа 1037 хиджры эквивалентно 26 августа 1628 г. по григорианскому календарю).

Предмет исследования – лексико-семантические особенности маснави «Мантик-ут-тайр» Фаридуддина Аттора.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.
Диссертация соответствует специальности 10.02.19 – Теория языка.

Диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности: *пункт 8* - Сравнительно-историческое языкознание; *пункт 9*. - Основные особенности истории и современного состояния языковой ситуации в ареале, распространенные в его пределах языковые семьи, важнейшие структурные черты соответствующих языков и ареальные типологические особенности; *пункт 11*. - Языковые тенденции; *пункт 13*. - Лингвистические традиции. Соотношение словаря и грамматики, выделение основных единиц в различных традициях. Формирование сравнительноисторического языкознания. Понятия духа языка, внутренней формы языка.

Новизна темы исследования заключается в том, что в предлагаемой работе впервые рассматриваются лексико-семантические особенности мистико-аллегорического маснави «Мантик-ут-тайр» Фаридуддина Аттора. В результате лингвистического исследования были выявлены основные лексико-семантические группы данного произведения и в целом дается наиболее полная характеристика лексико-семантических особенностей этого мистического произведения.

В данном исследовании впервые наряду с изучением лексико-семантических особенностей маснави «Мантик-ут-тайр» Фаридуддина Аттора также были выявлены и проанализированы заимствованных слов, синонимов, антонимов, омонимов, географических названий и т.д.

Практическая значимость исследования заключается в том, что материал диссертации может служить научным руководством при изучении теоретической и практической лексикографии, семасиологии, истории языка и источниковедения.

Материал диссертации также может служить основой для научной работы исследователей по изучению лексико-семантических особенностей других представителей персидско-таджикской литературы.

Некоторые разделы диссертации могут быть использованы в спецкурсах по лингвистике и истории языка, при написании учебников и учебных

пособий по истории таджикского языка, составлении словарей и проведении работ в области терминологии.

Теоретическое значение исследования определяется тем, что, полученные результаты углубляют сведения о лексико-семантическом пласте и стилистических особенностях маснави Фаридуддина Аттора «Мантик-ут-тайр», уточняют и конкретизируют сведения о характере основных лексико-семантических групп данного произведения и о тенденциях развития современного таджикского литературного языка. В работе дается наиболее полная характеристика лексико-семантических особенностей этого мистического произведения.

Результаты, полученные в ходе изучения лексического материала «Мантик-ут-тайр», написанное в XII-XIII вв. в стиле хорасани таджикского языка, имеют особое значение для обогащения и совершенствования лексического состава современного таджикского языка, поскольку язык данного маснави является ценнейшим памятником таджикско-персидского языка классического периода.

Методы исследования. В диссертации в основном применялись методы синхронного, сравнительно-исторического анализа, а также метод стилистического анализа текста. Для получения достоверных результатов при анализе и сравнении некоторых научных источников использовались также другие методы исследования.

Источником исследования является критический текст «Мантик-ут-тайр» Фаридуддина Аттора, составленный под редакцией Али Мухаммади Хуросони с введением, словарем и комментариями и для сравнения оригинального текста были использованы иранские и афганские издания, подготовленные к печати Ахмадом Джовидом (1337 г.х.), Ахмадом Ранджбаром (1374 г.), Мухаммадризо Шафеи Кадкани (1374 г.), а также одна из полных версий данного маснави, находящаяся в Фонде восточных рукописей Центра письменного наследия при Президиуме Национальной

академии наук Таджикистана под № 103 (написано 25 зуль-хиджа 1037 хиджры эквивалентно 26 августа 1628 г. по григорианскому календарю).

Изучение лексико-семантических особенностей маснави «Мантик-ут-тайр» Фаридуддина Аттора, наряду с другими мистическими произведениями персидско-таджикской классической литературы, является одним из важнейших вопросов современного таджикского языкознания. Потому что, как уже было сказано, «Мантик-ут-тайр» Фаридуддина Аттора представляет собой первое мистическо-аллегорическое маснави среди всех сочинений этого известного поэта-мистика, а его язык признан одним из ярких примеров персидско-таджикской литературы классического периода.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Исследование лексических особенностей мистического маснави «Мантик-ут-тайр» Фаридуддина Аттора и характеристика языка и стиля поэтического выражения важно для определения мастерства поэта в использовании лексических единиц языка.

2. Изучение семантических и лексических особенностей «Мантик-ут-тайр» очень ценно для определения языка и системы познавательных элементов мистической поэзии.

а) В этом мистико-аллегорическом маснави, который содержит широкий спектр мифологических, религиозных и исторических сведений в форме символических приёмов, изучение синонимов, антонимов и омонимов помогает определить языковые особенности и способ их выражения.

б) Маснави «Мантик-ут-тайр» имеет аллегорический характер, и воззрения мыслителя адресованы различным слоям общества посредством аллегории и иносказаний, в основе которых изложена концепция богопознания и самопознания. Поэтому изучение языка произведения очень важно для повышения уровня языковых знаний и лингвистических изысканий.

3. Изучение лексических особенностей маснави «Мантик-ут-тайр» также способствует выявлению мистических и религиозных терминов.

4. Изучение лексического материала «Мантик-ут-тайр» имеет особое значение для обогащения и совершенствования лексического состава современного таджикского языка, поскольку язык данного маснави является ценнейшим памятником таджикско-персидского языка, как художественное произведение XII-XIII вв., которое написано в стиле хорасани таджикского языка.

Личный вклад соискателя. Задачи исследования были сформулированы научным руководителем работы, который оказывал консультативное содействие и осуществлял верификацию результатов в процессе выполнения работы.

Автору диссертации принадлежат аналитические результаты по определению лексического состава маснави «Мантик-ут-тайр»; способов использования синонимов, антонимов и омонимов в рассматриваемой мистической поэме, выявлению религиозных и мистических терминов в данном маснави.

Апробация диссертации. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании отделов языка, лексикографии и терминологии Института языка и литературы им. Рудаки Национальной академии наук Таджикистана (**протокол заседания № 5 от 25.06.2021 г.**).

По теме диссертации опубликовано 4 научные статьи в ведущих журналах рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Структура диссертации: Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии.

ГЛАВА I.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАСНАВИ «МАНТИК-УТ-ТАЙР»

1.1. Фаридуддин Аттор и его маснави «Мантик-ут-тайр»

Известно, что средние века были важным и плодотворным периодом в истории развития языка персоязычных народов. Начало нового периода в истории таджикского литературного языка, восходящего к VIII-IX векам, - это период устойчивого формирования дари или персидско-таджикского языка. В этот период таджикский язык сформировался, развивался и функционировал как литературный, научный и культурный язык на обширной территории, а также в качестве официального и государственного языка и делопроизводства в концеляриях Тахиридов, Саффаридов, Саманидов и других местных династий.

В частности, в IX-X веках во время правления Саманидов таджикский язык на территории государства Саманидов и даже за пределами этого великого таджикского государства, в значительной части Азии как официальный деловой и государственный язык, язык науки, культура и общения и всемирно известной литературы достиг пика своего расцвета. Поэтому большинство лингвистов считают IX-X вв. периодом завершения формирования таджикского персидского языка. Во времена правления Саманидов, вместе с формированием таджикского народа, сформировался и таджикский литературный язык, который продолжает развиваться, расширяться и распространяться в наши дни, выполняя свою функцию во всех сферах жизни, в соответствии с требованиями времени и развитием общества.

Во времена Саманидов язык поэзии особенно достиг наивысшего уровня развития и совершенства, выдающимся примером чего является бессмертное творчество Устода Рудаки и его современников. Язык и стиль раннесредневековых произведений таджикской литературы (IX-X вв.) был очень простым, общепонятным и свободным от иностранных заимствований.

Стабильность лексического состава, сохранение первоначальных значений слов, простота и плавность речи, общедоступность слов и выражений языка свидетельствует о высоком уровне развития таджикского языка в этот период.

Известный исследователь таджикского языка М.Н. Косимова верно отмечает, что язык IX-X веков был настолько прост и общепонятен, что его понимали «от царя до нищего». В этот период литературный язык был свободен от всякой помпезности, высокопарности и арабизмов [Косимова, 2003, с. 11].

Язык, будучий продуктом человеческого общества, формируется и развивается в связи с течением времени и эпохи или, наоборот, в результате политических событий в обществе, подвергается влиянию доминирующего языка, или, как иранские языки среднего периода - бактрийский, согдийский, хорезмийский, парфянский, хотанский и другие выходит из сферы употребления и со временем попадает в разряд вытесненных языков. Естественно, что в зависимости от периодов и этапов исторического развития языка слова, как правило, не употребляются в той же неизменной форме и значении, напротив иногда приобретают новые значения, становятся синонимами, омонимами и обогащают лексико-семантический состав языка. В связи с изменениями в общественной жизни слова меняют свое значение: «со временем значения слов убавляются или, наоборот, слова приобретают новые оттенки и содействуют обозначению новых понятий» [Камолиддинов, 1999, с. 62, 65]. Лексикология, как наука о словесных явлениях, «исследует способы и средства формирования лексики», отвечает на вопрос: «как происходят качественные и количественные изменения в лексическом составе?» [Пейсиков, 1975, с. 15].

В общем, язык - это явление, которое служит как средство человеческого общения, выражения мысли, передачи человеческих чувств и эмоций и т.д.

Изучая лексико-стилистические особенности поэзии Рудаки, лингвист К. Мухтори также считает язык продуктом общества и отмечает, что: “он в человеческой речи приобретает индивидуальный характер и носители языка вносят свой вклад в развитие и изменения лексического состава языка. Такой вклад (с точки зрения индивидуальной идеи и мысли) осуществляется индивидами на разных уровнях [Мухтори, 2006, с.12]. С этой точки зрения, вклад, который внес представитель таджикско-персидской литературы второй половины XII в. и первой половины XIII в., выдающийся мастер слова и всемирно известный поэт-мистик шейх Фаридуддин Аттор Нишопури (1148/51-1221) в развитие и обогащение таджикского персидского языка, уникален.

Хотя до Аттора Нишопури на поэтическом поприще таджикско-персидской литературы о себе заявили такие великие поэты, как Рудаки, Хаким Фирдавси, Носир Хусрав, а в области суфийской литературы - Джунайд Багдоди, Наджмуддин Кубро, Маджуддин Багдоди, Абулкосим Гургони, Абулхасан Харакони, Абулфазл Сарахси, Бобо Тохир Урэн, Санои Газнави, Абдулкодир Гелони и другие, без преувеличения можно сказать, что язык и красноречие Аттора в создании прозаических произведений, таких как “Тазкират-уль-авлия” и в его поэтических сочинениях, в том числе в диване касид, газелей, душевных рубаи и тринадцать полных маснави отличаются своей самобытностью.

Конечно, Аттор Нишопури, будучи последователем мистической школы, прошедший духовный путь от мюрида (ученика) и салика (путника) до истинного муршида (наставника) - высшего суфийского титула и изведавший “семь долин любви”, не мог быть в отрыве от суфийской дидактической поэзии предшествующих поэтов-мистиков, таких как Санои Газнави, Наджмуддин Кубро, Маджуддин Багдоди и др., мистический опыт и теософские изыскания которых оказали существенное влияние на формировании его мировоззрения.

Поскольку язык и стиль выражения атторского периода (вторая половина XI и XII веков), который явился логическим продолжением развития таджикского языка в начале средневековья, то в языке поэта и его стиле выражения и речи наблюдается та же плавность стиля, красноречие, сладкословие, общепонятность выражения мысли прежних мистиков, таких как Абусаид Абулхайр, Наджмуддин Кубро и Бобо Тохир Урён.

Действительно, плавность речи, общедоступность языка и своеобразие стиля прослеживаются во всех произведениях Аттора, которых насчитывается 40, особенно в диване его кесыд, газелей, мистических месневи и его прозаической антологии “Тазкират-ул-авлия”.

В этой связи исследователь Забехуллох Сафо тоже отмечает: «Аттор уникален своими многочисленными произведениями среди персоязычных суфийских поэтов. Его диван кесыд, газелей и стихов полон точных и высоких мистических смыслов, особенно в его газелях наблюдается особая и значительная эволюция мистических газелей. В дополнение к полному дивану Аттора и его прозаического произведения “Тазкират-ал-авлия”, которые имеют привлекательный стиль речи и языка и уникальный стиль выражения, пользуются популярностью его многочисленные месневи, такие как “Асрорнома”, “Илохинома”, “Мусибатнома”, “Васиятнома” и “Панднома”, “Мантик-ут-гайр”, “Булбулнома”, “Уштурнома”, “Мухторнома” (четверостишия), “Хусравнома”, “Мазхар-ул-аджоиб”, “Васлатнома”, “Лисон-ул-гайб”, “Мафотих-ул-футух” и их тридцать глав и частей [Сафо, 1374, с.424-436].

Глубина содержания произведений Аттора, его великолепный стиль и оригинальные мистические идеи убеждают, что он оказал огромное влияние на творчество более поздних поэтов.

Иранский ученый Саид Нафиси, который исправил и издал сборник кесыд и газелей Аттора, описывая его и его положение в таджикско-персидской литературе, пишет следующее: «Аттор - не только один из величайших персидских поэтов, но и один из величайших иранских

мыслителей и мистиков. Он вывел суфизм на высшую степень совершенства в персидском языке, и по этой причине он всегда считался в Иране соратником Санои Газнави и Джалолиддина Мухаммада Балхи – Мавлави” [10. с.Алиф].

Среди известных мистиков, в духовном воспитании которых шейх Аттор оказал определенное влияние, является Мавлоно Джалолиддин Мухаммад Балхи, высокое положение которого в мировой литературе и культуре неоспоримо. Мавлави Джалолиддин Балхи, который в детстве вместе со своим отцом шейхом Бахоуддином Валадом (учеником шейха Наджмуддина Кубро из Хорезма) на пути из Балха в Кунию в городе Нишапур удостоился встречи шейха Аттора (мюрид шейха Маджудидина Багдоди – из местечки Багдадак в Хорезме, который был из числа мюридов Наджмуддина Кубро) и получил благославление этого совершенного духовного наставника (пир) и последователя суфийского ордена кубравия, назвав его «духом» мистической литературы, то есть суфизма (Аттор был душой, а Санай – его двумя глазами»), тем самым признает величие Аттора таким образом:

Ҳафт шаҳри ишқро Аттор гашт,

Мо ҳанӯз андар хами як кӯчаем.

(Семь городов любви объездил Аттор,

Мы все еще на изгибе одной улицы.)

(здесь и далее подстрочный перевод)

Углубленное и детальное изучение языка произведений Аттора Нишапури и их лексического состава может пролить свет на вопросы, которые очень важны для современной лингвистики. Во-первых, умение, способность и талант поэта, представителя мистической классической литературы в использовании словаря, то есть красочных слов, словосочетаний и стилевых и языковых конструкций; во-вторых, определение богатства лексического состава нашего языка на определенном этапе его исторического развития; в-третьих, анализ и определение стиля

повествования и изложения поэта с учётом творческой индивидуальности поэта в правильном употреблении слов и выражений.

Маснави «Мантик-ут-тайр» является первым совершенно символическим маснави славной таджикско-персидской классической литературы содержит богатый и красочный словарный состав. Изучение данного произведения представляет значительный интерес и ценность для понимания значений религиозно-мистических понятий и иносказательного стиля выражения поэта. Создание этого маснави в изысканном мистическом стиле демонстрирует неповторимую индивидуальность и уникальность речи Аттора. Помимо этого, углубленное изучение величайшего маснави «Мантик-ут-тайр», известного как «венец всех маснави» по выражению Забехуллох Сафо и лучшего примера символического и аллегорического произведения таджикской и персидской литературы, может помочь в осмыслении религиозно-мистических воззрений Аттора и социально-политической и культурной жизни эпохи мыслителя.

В связи с этим в данной диссертации рассматривается лексический состав маснави «Мантик-ут-тайра» Аттора с точки зрения происхождения (оригинальные слова, заимствованная лексика из арабского, тюркских и других языков, слова древних и средневековых иранских языков), сферы употребления (географическая лексика, лексика, связанная с религией, с именами пророков и исторических личностей (антропонимы), религиозно-мистическая лексика) и стилистической лексики (литературная книжная лексика, поэтическая лексика и т. д.).

Фундаментальное исследование языка классического средневекового наследия, в частности изучение особенностей языка и стиля выражения, также представляет весьма важное значение с точки зрения того, что в этот период истории после падения государства Саманидов таджикский язык оказался заполненным арабским заимствованиям. Из-за негативного воздействия политических событий, связанных с распадом государства Саманидов, стабильное состояние развития и распространения таджикского

языка подверглось существенному изменению, и прочные основы и возможности его дальнейшего развития были в некоторой степени ослаблены и ограничены.

Развитие и распространение таджикского литературного языка в этот период связано со многими факторами и включает в себя множество проблем, некоторые из них еще должным образом не исследованы, тогда как их серьезное изучение обретает немаловажное значение не только для исследования и изучения таджикского литературного языка (фарси и дари), но других иранских языков (как западно-иранских, так и восточно-иранских).

История становления таджикского языка на каждом этапе своего развития неразрывно связана с развитием литературы, научными достижениями таджикского народа, его жизненной философией и гуманистической культурой, возникновением крупных политических, экономических и культурных центров, развитием городов, повышением уровня образования местного населения, и сочинениями представителей науки и литературы на родом языке.

Таджикский литературный язык к этому времени пережил целую эпоху своего развития. В X веке персидско-таджикский язык принял законченную письменно-книжную форму и стал официальным государственным языком на обширной территории государства Саманидов, на которой было создано множество поэтических произведений и прозы, а также огромное количество научных работ.

Во время правления Саманидов литературный таджикский язык дари, который полностью сформировался и приобрел большой престиж и влияние, распространился на другие земли распространения иранских и неиранских языков, стал языком государственных учреждений, литературы, философии, геометрии и математики, языком научных, исторических, мистических и религиозных произведений.

Таджикский лингвист С. Халимов справедливо замечает, что: «Наши лингвисты мало обращают внимания на состояние таджикского языка в

средние века, который был литературным языком всей территории Ирана, особенно на таджикский язык XI-XII веков и начало XIII века, который испытал на себя очень стабильный период развития. История нашего языка в каждой эпохе, включая XI-XII века и начало XIII века, охватывающая произведения в разных жанрах и стилях, еще полностью не изучена. [Халимов, 2002, 3-4].

Совершенно верно, что отдельное исследование в стилистическом аспекте каждого произведения указанного периода может более полно выявить лингвистические особенности и путь развития персидско-таджикского языка.

Таджикский литературный язык сформировался на обширной территории проживания персоязычных народов (от Кавказа до Китая) и приобрел определенную форму, в определенной мере изолированную от особенностей языков и диалектов других местностей и провинций. Ученые и писатели, особенно известные представители мистицизма и суфизма на всей территории распространения таджикского персидского языка, от Багдада до Китая, Хорасана и Фараруда (ар. Мавареннахр, лат. Трансоксания), создали произведения на языке, который сегодня является государственным языком Республики Таджикистан. Конечно, этот литературный язык не был защищен от влияния диалектов и местных языков.

Известный таджикский поэт и философ Носир Хусрав в своей книге “Сафарнома” пишет, что таджикский персидский литературный язык в XI веке в Западном Иране даже не был известен литературной среде во всех его лексических особенностях. Носир Хусрав по этому поводу отмечает: «И в Тебризе я встречался с поэтом по имени Катрон (Катрон Тебризи), который писал хорошие стихи, но плохо знал персидский язык. Он посещал меня и приносил собой диван Мунджика и диван Дакики, читал мне и спрашивал значения слов, вызывающих затруднение. Я истолковал, он записывал...» [Носир Хусрав, 1970, с. 11].

Следует отметить, что язык произведений Абуабдулло Рудаки, Мунджик Тирмизи, Дакики, Санои Газнави, Абусаида Абулхайра, Носира Хусрава, Аттора Нишопури, Джалолиддина Балхи Руми, Саади Шерози, Хафиза Шерози и других сегодня для каждого таджика понятен как язык сочинений на общепринятом таджикском языке, то есть на таджикском книжно-литературном языке. Потому что основу этого языка составляет тот же литературный язык, основы которого были заложены в X веке в Фароруде (Мавареннахр) и Хорасане.

К счастью, после падения государства Саманидов во времена правления других неиранских династий, таджикский язык продолжал играть важную роль и использовался в качестве официального языка государства, языка публичного общения, а также как международный язык. Во дворцах и литературных кругах Газни, Герата, Ферганы, Мерва, Багдада, Нишапура, Дели, Бухары, Самарканда, Худжанда, Тебриза, Исфахана, Термеза, Хорезма, Закавказья собирались образованные люди из числа поэтов, ученых, лингвистов, которые были блестящими знатоками таджикского литературного языка и этот литературный язык, как отмечалось выше, выполнял различные общественные функции.

Как писал Садриддин Айни, культура коренных народов, живущих в городах Мавераннахра, Хорасана и Хорезма, достигла высокой зрелости еще до монгольского нашествия: «В каждом из этих городов и больших деревень данных территорий были медресе и библиотеки, где собирались ученые студенты, изучающие естественные науки. Здесь они изучали разные дисциплины и создавали свои всемирно известные научные и литературные произведения» [Айни, 1963, с. 148].

Таким образом, таджикский литературный язык функционировал и развивался самостоятельно на своей исконной и исторической территории, являющейся колыбелью таджикской цивилизации, и получил дальнейшее распространение благодаря появлению там новых политических и культурных центров.

Следует отметить, что в результате политических событий того времени и постоянных нашествий тюркско-монгольских племён политическая ситуация в таджикских культурных центрах часто менялась и, несмотря на дезинтеграционные и интеграционные процессы, происходящие в то время на территории нынешней Средней Азии, Ирана и Афганистана, таджикскому литературному языку удалось сохранить свои орфографические, стилистические и грамматические нормы. И «факт существования единого литературного языка (таджикского дари) в огромной географической территории иранских народов в период правления степных тюркских племён в XI-XII веках на территории Фароруда и Большого Хорасана зависил от правления государств Газневидов, Каракитаев, Караханидов, Сельджукидов, Огузов и Хорезмшахов» [Халимов, 2002, с. 7].

Аттор родился и вырос в литературной среде Хорасана в XI-XII веках, а язык его произведений, наряду с наследием других классических писателей, созданных в период развития таджикского языка дари (XI-XII вв.), является лучшим образцом таджикской письменности.

Как было отмечено, язык является продуктом общества, он не может существовать без общества, и в зависимости от развития общества, гармоничной среды и высокой культурной и духовной атмосферы его лексический состав улучшается за счет введения новых слов и терминов. .

Известно, что «постоянное количественное развитие лексического состава и его качественные изменения есть проявление закономерностей объективного развития лексики языка» [Пейсиков, 1975, с. 14]. Поэтому на этой основе можно изучить особенности лексического состава произведений Аттора Нишопури на примере его мистического маснави «Мантик-ут-тайр». Только через глубокое изучение лексического состава произведений каждого писателя и поэта можно раскрыть различные стороны творчества поэта, его сильные и слабые стороны, определенные успехи и достижения, то есть индивидуальность и талант поэта или писателя проявляется в его творчестве.

Лексический состав мистических произведений Аттора на примере крупнейшего символического и мистического маснави «Мантик-ут-тайр», который является лучшим письменным произведением таджикской классической литературы с большим словарным запасом в данный период развития таджикского литературного языка (XI-XII) обязывает нас как наследников этого словесного и духовного сокровища сделать это достояние предметом пристального исследования. Большинство слов, словосочетаний и выражений, использованных в этом маснави, до сих пор не утратили своего значения и имеют широкое употребление. Некоторые слова этого произведения не имеют синонимов, другая часть слов приобрели архаико-исторические и диалектные свойства и так далее. Самое важное то, что это произведение написано на языке, который является сегодня нашим родным и литературным. Исходя из вышеупомянутого мы поставили перед собой цель изучить и проанализировать текст «Мантик-ут-тайр» Аттора с точки зрения специфики его лексического состава.

1.2. Лексический состав маснави “Мантик-ут-тайр” Аттора с точки зрения происхождения

Лексический состав маснави Фаридуддина Аттора «Мантик-ут-тайр» содержит большое количество слов, выражающих разные понятия, в частности в нем изобилуют преимущественно мистические, религиозные и философские слова, изучение которых может способствовать выяснению несколько нерешенных еще вопросов. Во-первых, стиль мистико-этического выражения Аттора отличается безукоризненным вкусом и творческим талантом поэта. Во-вторых, углубленное изучение лексической структуры маснави «Мантик-ут-тайр» может раскрыть перед читателем духовно-религиозную жизнь в эпоху Аттора, которая отражена в аллегорической и художественной форме. В-третьих, при исследовании лексического состава можно понять истинную суть и смысл маснави, который является полностью символическим.

Исходя из этого, лексический состав маснави “Мантик-ут-тайр” изучается в контексте исконных и заимствованных слов, преимущественно из арабского, иврита и других языков.

1.2.1. Исконные слова

Состав исконно таджикских слов исторически отличается большим разнообразием. Среди них, помимо слов, принадлежащих к индоевропейскому пласту, есть общеиранские и чисто таджикские слова [Мачидов, 2007. с.87]. В этом маснави широко используются исконные таджикские слова. Многие из этих слов имеют корни из средневековых и древних языков и по сей день составляют основную часть лексического состава нашего языка. Фактически, эти слова играют ключевую роль в формировании лексики и словосочетаний и создании художественных образов в поэзии поэта. Исконные таджикские слова можно легко отличить

по их лексическим и грамматическим особенностям и они считаются основой лексического состава таджикского языка, относясь ко всем частям речи. Такая классификация слов была произведена лингвистом Х. Маджидовым и мы, используя классификацию этого исследователя, сгруппировали исконные таджикские слова, которые наблюдаются в стихах Аттора, следующим образом:

а) **термины родства**: слово *писар* в древнеперсидском *pidra // putra*, авестийском *pidra*, среднеперсидском: *pus // pur*. парфянском: *puhr* [Саймиддинов, 2001. с.107].

Падар, писар (отец, сын):

Пеши тобути **падар** мешуд **писар**,

Ашк мебориду мегуфт: - эй **падар** [Аттор, 2014, с.143].

(Перед гробом отца стоял сын,

Лил слёзы и говорил: - О, отец!) (здесь и далее подстрочный перевод)

Модар, духтар (мать, дочь):

Модаре бар хоки **духтар** мегирист

Роҳбине сӯйи он зан бингарист [Аттор, 2014, с.229].

(Мать оплакивала свою дочь на её могиле.

Некто прохожий смотрел в её сторону.)

б) **названия горных пород и животных**:

санг (камень), *ақиқ*, *лаъл* (агат, шпинель):

Пора-пора **сангро** дар хун гирифт

То **ақиқу лаъл** аз он берун гирифт [Аттор, 2014, с.18].

(Разбитый вдребезги камень кровоточил,

Пока из него агат и шпинель извлекал).

гурба (кот), *саг* (собака):

Гаҳ **сагеро** раҳ дихад то пешгоҳ,

Гаҳ кунад аз **гурбае** макшуф роҳ.

Чун **сагеро** марди он курбат кунад,
 Шерамардеро ба **саг** нисбат кунад [Аттор, 2014, с.19].
 (То собаку пустит на порог,
 То кошке открывает дверь.
 Коль хозяин приблизил собаку к себе,
 Ведь относит он отважного человека к числу собак.)

в) названия частей тела:

чаши (глаза):

Аз Ҳамоқат рафту **чаши** ақл дӯхт,
 Дилбари худро ба диноре фуруҳт [Аттор, 2014, с.166].
 (По глупости пошел и закрывая глаза разума,
 И продал свою возлюбленную за динар.)

Чашм бикшоед ай асҳоби ман,
 Бингаред охир ба хурду хоби ман [Аттор, 2014, с.72].
 (О, сподвижники мои, – открывайте глаза
 Обратите внимание на мое времяпрепровождение.)

даст (рука):

Дил зи **дасташ** рафту дар хун уфтод,
 Акли ӯ аз парда берун уфтод.
 Ақл рафту ишқ бар вай зӯр ёфт,
 Қони ширинаш зи талхӣ шӯр ёфт [Аттор, 2014, с.277].
 (Выпало её сердце, истекающее кровью,
 Её разум вышел из-под занавеса.
 Но ум ушел и любовь покорила ее.
 Его сладкая душа была засолена горечью)

г) простые слова:

об, хок (вода, почва, земля):

Следует отметить, что слово “об” (вода) – это вещество с жизненно важными свойствами, представляющее собой прозрачную бесцветную

жидкость, которая в чистом виде состоит из химической смеси водорода и кислорода и слово «об» является исконно таджикским словом, пережившим очень длительные исторические периоды. Лингвист Д. Саймиддинов интерпретирует это слово следующим образом: авастийский - *āri* – вода, среднеперсидский-*ab*. Единственный женский род - *ārieā* [Саймиддинов, 2001. с.106]. По мнению исследователей, слово «вода» занимает особое место в творчестве поэтов, в том числе шейха Аттора:

Обро бигдохт дар таслими хеш,
Хокро афсурда кард аз бими хеш [Аттор, 2014, с.18].
 (Он воду расплавил, в покорность себе приведя,
 И за страха перед ним застыла земля.)

Об - наряду со словами *хок*, *бод* и *оташ* (почва, ветер и огонь), то есть, с другими тремя стихиями в мистических произведениях, используется как термин:

Аршро бар **об** бунёд *ӯ* ниҳод,
Хокиёнро умр бар **бод** *ӯ* ниҳод [Аттор, 2014, с.18].
 (Он установил трон на воде,
 И передал ветру жизнь землян.)

В творчестве Аттора символизмы занимают особое место и поэт сам, имевший опыт духовной практики и проходивший этапы суфийского духовного пути, использует самые утонченные иносказательные приёмы, как метафора. Одно из наиболее широко используемых понятий – это **оби хаёт**, (живая вода), **оби зиндагӣ** (живая вода), **оби Хизр** (живая вода Хизра), всегда ассоциирующая с Пророком Хизром (согласно исламским преданиям Хизр, выпивший из этой воды, стал бессмертным):

Хизри мурғонам аз онам сабзпӯш,
 То тавонам ман зи **оби Хизр** нӯш.
 То наёрам дар бари Симурғ тоб,
 Бас бувад аз чашмаи Хизрам як об [Аттор, 2014, с.67].
 (Я сам Хизр птиц в зеленом наряде,

И жаждую вкусить из источника воды Хизра.
 Не по силу мне добраться до Симурга,
 Мне воды одной достаточно из источника Хизра.)

замин (земля):

Осмон чун хаймае бар пой кард,
 Бесутун гирди **заминаш** чой кард [Аттор, 2014, с.18].
 (Небо установил словно шатер,
 Затем поместил его вокруг земли без опор.)

кӯҳ (гора):

Теги **кӯҳ** аз лола хунолуд кард,
 Гулшани нилуфарӣ аз дуд кард [Аттор, 2014, с.18].
 (Он хребет горы сделал алым из тюльпана,
 И небо сделал лазурным из дыма.)

гул, пул, оташ (цветок, мост, огонь):

Гоҳ **гул** бар рӯйи **оташ** даста кард,
 Гоҳ **пул** бар рӯйи дарё баста кард [Аттор, 2014, с.18].
 (То из цветов сделал букет над огнем,
 То мост возводил над морем.)

рӯз, шаб, Хуршед, Моҳ (день, ночь, Солнце, Луна):

Дар сучудаш **рӯзу шаб** Хуршеду **Моҳ**
 Ҳишта пешонии худ бар рӯйи хок [Аттор, 2014, с.19].
 (Ему поклоняют днем и ночью Солнце и Луна,
 Прикоснувшись лбом к земле.)

чарх (колесо):

Чархро даври шабонрӯзӣ диҳад,
 Шаб барад, рӯз оварад, рӯзӣ диҳад [Аттор, 2014, с.19].
 (Он вращает вселенную круглосуточно,
 Уносит ночь, приносит день и хлеб насущный даёт.)

мурғ (птица, курица):

Доми танро мухталифаҳвол кард

Мурғи чонро хок бар дунбол кард [Аттор, 2014, с.18].
 (Разнообразным сделал силки тела,
 Предал земле птицу души.)

танӯр (печь):

Аз асое оварад суъбон паид
 В-аз **танӯре** оварад тӯфон паид [Аттор, 2014, с.19].
 (И посох превращает в дракон,
 И печь превращает в тайфун.)

намоз (молитва):

Аз набӣ дархост марде пурниёз
 То гузорад бар мусаллояш **намоз** [Аттор, 2014, с.195].
 (Некто сильно нуждающийся просил пророка,
 Чтобы он разрешил ему на его коврике намаз совершать.)

дил (сердце):

Доги **дил** овар, ки дар майдони дард,
 Ахли **дил** аз дог бишносанд мард! [Аттор, 2014, с.195]
 (Приноси обожженное сердце, ибо в поле страдания,
 Влюбленные по этой отметке узнают мужчину.)

фарзона, девона (знающий, сумасшедший):

Булхусайне буд бас **фарзонае**,
 Лек марди бедилу **девонае** [Аттор, 2014, с.191].
 (Некто Булхусейн был очень умён,
 Но сумасшедшим и смельчаком.)

сипоҳ (армия):

Мегузашт ӯ дар миёни он **сипоҳ**,
 Чун бидид аз дур ӯро подшоҳ [Аттор, 2014, с.191].
 (Похаживал он среди войск,
 Заметил его падишах из далека.)

д) **производные слова:**

пастӣ (низина):

Осмонро бар забардастӣ бидошт
 Хокро дар ғояти **пастӣ** бидошт [Аттор, 2014, с.18].
 (Он искусно держал небо на высоте,
 И землю держал в самом низу.)

хокиён (земляне):

Аршро дар об бунёд ӯ ниҳод,
Хокиёнро умр бар бод ӯ ниҳод [Аттор, 2014, с.18].
 (Он установил трон на воде,
 И передал ветру жизнь землян.)

дастурӣ (разрешение):

Хоча **дастурӣ** надод ӯро дар он,
 Гуфт: - Регу хок гарм аст ин замон [Аттор, 2014, с.195].
 (Господин отказался ему в этой просьбе,
 «Горячие сейчас песок и земля» - сказал он.)

е) **сложные слова**: В произведениях шейха Аттора иногда встречаются сложные слова, которые образуются из двух простых существительных. Например:

ганҷнома (книга сокровищ):

Амр бин Усмони Маккӣ дар Ҳарам
 Оварид ин **ганҷнома** дар қалам [Аттор, 2014, с.197].
 (Амр бин Усман ал-Макки в Хараме,
 Составил книгу сокровищ.)

раҳнамо (путеводитель):

Меҳтарину беҳтарини анбиё,
Раҳнамову асфиёву авлиё [Аттор, 2014, с.31].
 (Самый выдающийся и лучший из пророков,
 Путеводитель, святой и провидец.)

ҷонофарин (творец):

Офарин **ҷонофарини** покро,
 Он ки ҷон бахшиду имон хокро [Аттор, 2014, с.18].

(Хвала Чистейшему, дающему жизнь,
Даровавшему душу и веру земле.)

хунолуд (кровавый):

Теги кӯх аз лола **хунолуд** кард,
Гулшани нилуфарӣ аз дуд кард [Аттор, 2014, с.18].
(Он хребет горы сделал алым из тюльпана,
И небо сотворил лазурным из дыма.)

Как видно из этих кратких примеров, в маснави Фаридуддина Аттора «Мантик-ут-тайр» широко используются исконно таджикские простые, производные и сложные слова, и эти слова сегодня имеет применение не только в литературном языке, но и в народной речи. Аттор в своем маснави очень уместно и целесообразно использует исконно таджикские слова при создании красивых образов, описании созидательной силы Творца и красоты природы. Фактически, язык поэзии Аттора с точки зрения лексического состава подобен духовному музею сокровищ, полный уникальных смыслов и понятий.

1.2.2. Заимствованные слов

В лексическом составе таджикского языка, наряду с исконными словами, также можно выявить заимствованные слова, которые занимают особое место при изучении мистического произведения «Мантик-ут-тайр». Изучая заимствования в этом маснави, мы установили два фактора при использовании слов: первый - это то, что шейх Аттор исчерпал слова, входящие в лексический состав таджикского языка, которые адаптировались на протяжении длительного исторического пути, а второй - то, что сам поэт ввёл в свое творчество иностранные слова. Аналогичной точки зрения придерживается исследователь М. Бахор: “ Во первых, в язык проникали те слова, в применении которых была необходимость, поскольку некоторые из них не имели персидских вариантов” [Хукуқӣ, 1337. с.21].

Хотя произведения поэта написаны в хоросанском стиле, который требует более простого, доступного для понимания и использования преимущественно исконных слов, тем не менее заимствования составляют определенную часть словарного состава маснави «Мантик-ут-тайр» Фаридуддина Аттора. Большинство заимствований в этом маснави составляют арабские слова. Кроме арабских слов также использованы заимствования из согдийского, греческого, иврита и других языков.

1.2.2.1. Согдийские заимствования

Выявление и изучение согдийских слов в мистическом маснави «Мантик-ут-тайр» имеет практическое значение, поскольку согдийский язык относится к северо-восточной группе среднеиранских языков. В наскальных надписях Дария, в частях Мехрияшту и Вандидада использование слов *Suuba* и *Suuba-Sayana* свидетельствует о том, что процесс проникновения заимствованных слов из согдийского языка в другие иранские языки и наоборот происходил ещё в те древние времена [Garib, 1995]. Труды таких исследователей как К.К. Замелман, Ф.А. Фрейман, Н. Боголюбов, В.Б. Хенинг, В.А. Лившиц, А.Л. Хромов и другие, внесшие большой вклад в исследовании среднеиранских языков, в частности в изучении согдийского языка, заслуживают особенного внимания.

В маснави шейха Аттора нами обнаружены следующие согдийские слова:

оғоз (это слово используется в маснави 15 раз и означает начало, вступление, старт):

Баъд аз он Худхуд суханро боз кард,

Бар сари курсӣ шуду **оғоз** кард [Аттор, 2014, с.120].

(Тогда Удод поднялся на трон,

Свой речь начал произносить.)

Боз гашту дафтари худ боз кард
 Васфи ӯ дархурди фаҳм **оғоз** кард [Аттор, 2014, с.288].
 (Равернулся снова и открыл свою книгу,
 Принялся описать её достойные понимания.)

нағз (хороший):

Посбонро ошиқӣ **нағз** уфтод,
 Кори беҳобиш дар мағз уфтод.
 Он ки беҳобӣ хубу **нағзаш** бувад
 Хобро ҳаргиз сари мағзаш бувад [Аттор, 2014, с.0]
 (Стражнику влюбленность пришлась по душе,
 Бессоница закрепила в его уме.
 Тому, кто бессоница пришлась по душе,
 Никак не захочет связывать свой ум со сном.)

1.2.2.2. Арабские заимствования

Мы уже упоминали выше, что арабские слова составляют абсолютное большинство заимствований в маснави «Мантик-ут-тайр» Фаридуддина Аттора. Арабские слова входят в большинство лексических групп, используемых в маснави:

а) религиозные и мистические заимствования:

имон (вера):

Офарин чонофарини покро
 Он ки чон бахшиду **имон** хокро [Аттор, 2014, с.18].
 (Хвала Чистейшему, дающему жизнь,
 Даровавщему душу и веру земле.)

арш (трон, небо, небеса):

Аршро бар об бунёд ӯ ниҳод,
 Хокиёнро умр бар об ӯ ниҳод [Аттор, 2014, с.18].
 (Он провёл трон на воде,

Передал ветру жизнь землян.)

солик (путник):

Соликонро бин бар даргоҳ омада,
 Чумла пуштопушт ҳамроҳ омада [Аттор, 2014, с.22].
 (Смотри на путников, прибывших в дворец,
 Все прибыли вместе один за другим.)

восиф (хваляющий, воспеватель):

Восифонро васфи ӯ дарх(в)ард нест,
 Лоики ҳар марду ҳар номард нест [Аттор, 2014, с.22].
 (Не соответствует восхваляющим его похвалы.
 Не достоин каждого мужчины и младушного.)

социд (коленипреклонённый), *масҷуд* (объект почитания):

Гуфт:- Ай Одам, ту баҳри чуд бош,
Социданд инону ту **масҷуд** бош [Аттор, 2014, с.22].
 (Сказал: - О, Адам, будь ты для благородства,
 Эти коленипреклонённые, а ты будь объектом почитания.)

муъмин (верующий), *кофар* (неверующий):

Муъмину кофар ба хун оғаштаанд,
 Бо ҳама баргашта ё саргаштаанд [Аттор, 2014, с.28].
 (Как верующие, так неверующие истекают кровью,
 Со всеми повернувшиеся или отвернувшиеся.)

анбиё, *асфиё*, *авлиё* (пророки, праведники, святые):

Меҳтарину беҳтарини **анбиё**,
 Раҳнамои **асфиёву авлиё** [Аттор, 2014, с.31].
 (Самый выдающийся и лучший из пророков,
 Путеводитель, святой и провидец.)

салот, *савм* (молитва, пост):

Худ **салоту савми** беҳад дошт ӯ
 Ҳеҷ суннатро фурӯ нагзошт ӯ [Аттор, 2014, с.78].
 (Читал он молитвы и держал пост чрезмерно,

И все предписания Сунны последовал он.)

б) заимствования, связанные с животным миром (флорой):

суьбон (большая змея; дракон)

Аз асое оварад **суьбон** паидид,

Аз танӯре оварад тӯфон паидид [Аттор, 2014, с.19].

(И посох превращает в дракон,

И печь превращает в тайфун.)

анкабут (паук):

Анкабутеро ба хикмат дом дод,

Садри оламро бад-ӯ ором дод [Аттор, 2014, с.18].

(Мудростью своей дал пауку паутину,

И предводитель мира приобрел от неё покой)

ноқа (верблюдь)

Ноқа аз санге паидор оварад,

Гови зар дар нолаи зор оварад [Аттор, 2014, с.19]

(Камня превращает в верблюдицу,

Золотого тельца доводит до стенения.)

с) заимствования, обозначающие птиц:

худхуд (удод):

Тутиеро тавқ аз зар сохта

Худхудеро пайки рахбар сохта [Аттор, 2014, с.19]

(Попугаю ошейник сделал из золота,

Удода сделал предводителем.)

дурроҷ (турач, птица из семейство фазановых)

Хах, хах, эй **дурроҷи** меъроҷи аласт,

Дида бар фарқи бало тоҷи аласт [Аттор, 2014, с.49]

(Хвала тебе, о турач - приверженец аласта,

Увидавший на макушке «да» корону аласт.)

г) заимствования, выражающие названия растений (фауной):

(гули) раъно (цветок):

Дар сарам аз ишки гул савдо бас аст,
 3-он ки маъшукам гули раъно бас аст [Аттор, 2014, с.56]
 (Страсти любви к цветку мне достаточно,
 Ибо любимый мне прекрасный цветок достаточно.)

д) **заимствования, обозначающие минералы и драгоценные камни:**

ақиқ (агат), *лаъл* (шпинель) – арабизированная форма таджикского слова “лол”, означающая ярко-красный драгоценный камень:

Пора-пора сангро дар хун гирифт,
 То **ақиқу лаъл** аз он берун гирифт [Аттор, 2014, с.18]
 (Разбитый вдребезги камень кровоточил,
 Пока из него агат и шпинель извлекал.)

ёқут (рубин) - один из нескольких видов драгоценных камней, которые могут быть красного, желтого, зеленого и белого цветов:

Бахро аз ташнагӣ лаб хушк кард
 Сангро **ёқуту** хунро мушк кард [Аттор, 2014, с.18]
 (От жажды осушил у море губы,
 Камня превратил в рубин, а кровь-мукус.)

е) **арабизированные слова таджикско-персидского происхождения:**

фустуқ (фисташка) от *писта*:

Тутӣ омад бо даҳоне пуршакар,
 Дар либоси **фустуқӣ** бо лавхи зар [Аттор, 2014, с.58]
 (Попугай прибыл с полным сахара клювом,
 В наряде фисташкового цвета с золотым ожерельем.)

чуллоб от таджикского *гулоб* - сахарный сироп, смешанный с лепестками розы, обладающими лечебными свойствами.

Бо муваккал шарбатам чун х(в)аш бувад,
 Ин на **чуллобе** бувад, к-оташ бувад [Аттор, 2014, с.146]
 (С таким опекуном если я выпью шербет,
 Не джуллаб, а пламенном будет мне он.)

В маснави “Мантик-ут-тайр” встречаются арабские фразы, предложения и фрагменты, которые имеют преимущественно религиозный оттенок:

“*ва хува хайр-ул-хақ фй хайр-ул-қурун*” (и он лучший из созданий в лучшие времена):

Гашта дар хайрулбилод ў рахнамун

Вахва хайрулхалқ фй хайрулқурун [Аттор, 2014, с.34]

(Он стал предводителем в самых лучших городах,

Он лучший из созданий в лучшие времена.)

«*утлуб-ул-илма ва лав би-с-Син*» (ищите знание даже в Китае - из хадисов Пророка (с):

Ҳаст он пар дар нигористони Чин,

“**Утлуб-ул-илма ва лав би-с-Син**” аз ин [Аттор, 2014, с.54].

(По сей день то перо находится в хранилище Китая

Вот почему говорят: «Ищите знание даже в Китае».)

«*аналҳақ*»: (возглас) «*اناالحق*». *ист.* “Я есть истина, я есть Бог” (фраза Хусейна ибн Мансура Халлоджа, за которую ортодоксальное духовенство обвинило его в притязании на самообожествление и он был казнен в 922 г. в Багдаде).

Чун шуд он Ҳаллоҷ бар дор он замон,

Чун “**Ан-ал-Ҳақ**” менарафташ бар забон [Аттор, 2014, с.139].

(Когда Халладжа повесили на виселице,

Кроме “Я есть Истина” он ничего не произнес.)

“*Ариҳно ё Билол*” (Арихна, о Билял) (“О Билял! Призови всех к намазу, чтобы мы отдохнули в нём”. Это отсылка к тому факту, что Пророк Ислама, когда уставал, просил Биляля читать Коран или произносить азан):

Дар шудан гуфтӣ “**Ариҳно ё Билол**”,

То бурун оем аз ин зикки хаёл [Аттор, 2014, с.35]

(Говоря “О, Билял призови всех к намазу”,

Чтобы мы отдохнули от навязчивых мыслей.)

бисмиллоҳ (во имя Аллаха):

Он ки “**бисмиллох**” дар минкор ёфт,
 Дур набвад, гар базе асрор ёфт [Аттор, 2014, с.52]
 (Несший в своем клюве «бисмиллах»,
 Не далек тот день, когда узнает все тайны.)

каллиминӣ ё Хумайро (поговори со мной, о Хумайра):

Боз дар боз омадан ошуфта ӯ,
 “**Каллиминӣ ё Хумайро**” гуфта ӯ [Аттор, 2014, с.35].
 (Возвращаясь снова расстроенный он,
 “Поговори со мной, о Хумайра” - говорил он.)

умматӣ (мой народ):

Рӯзи Ҳашр аз баҳри муште беамал,
 “**Уммати**” гуяд базе аз ин қибал [Аттор, 2014, с.33].
 (В Судный день ради горстки бездействующих,
 «Мой народ» - скажет многим из таких.)

иснайн из хумо фи-л-ғор (второй из двух в пещере):

Хочаи аввал, ки аввалёри ӯст,
 Сонӣ **иснайн из хумо фи-л-ғори** ӯст [Аттор, 2014, с.39].
 (Первый господин - его первый сподвижник,
 Он же второй из двух в пещере.)

1.2.2.3. Заимствования из других языков

а) из иврита:

1) имена пророков, имеющие корни на иврите:

Иброҳим (Авраам):

Боз **Иброҳимро** бин дилшуда,
 Манчанику оташаш манзил шуда [Аттор, 2014, с.26]
 (Смотри на Ибрагима влюбленного,

Манджаник и пламя стали его домом.)

Исмоил (Самуил):

Боз **Исмоилро** бин сӯгвор,
Кӯши ӯ қурбон шудан бар кӯйи ёр [Аттор, 2014, с.26].
(Смотри на Исмаила печального,
Его баран стал жертвой на улице любимой.)

Айюб (Иова):

Боз **Айюби** ситамкашро нигар,
Монда дар Гургону Кирмон пеши дар [Аттор, 2014, с.26].
(И смотри на Айюба угнетенного,
Оставшегося в Гургане и Кирмане у порога.)

Яъқуб (Иаков):

Боз дар **Яъқуби** саргардон нигар,
Чашм карда дар сари кори писар [Аттор, 2014, с.26]
(Смотри на Якуба скитальца,
Ослепленного слёзами о своем сыне.)

Юсуф (Иосиф):

Боз **Юсуфро** нигар дар доварӣ,
Бандагиву чоҳи зиндон бар саре [Аттор, 2014, с.26].
(Смотри на Юсуфа рассудительного,
Побывавшего в рабстве, в темнице и в тюрьме.)

В маснави также упоминаются иудейские имена таких как *Юнус* (Ион), *Мусо* (Моисей), *Довуд* (Давид), *Сулаймон* (Соломон), *Закариё* (Захария), *Яҳё* (Иоанн), *Исо* (Иисус) [Аттор, 2014, с.26-27] и *Ҷабраил* (Гавриил) [Аттор, 2014, с.35].

2) названия иудейских религиозных книг:

Таврот ва Инчил (Тора и Евангелия):

Кирдгораш аз барои эҳтиром
Бурда дар **Тавроту** дар **Инчил** ном [34]
(Творец в знак уважения

Его имя упоминал в Торе и Евангелии.)

б) из греческого языка:

қакнус:

Ҳаст **қакнус** турфа мурге дилситон,
 Мавкеи он мурғ дар Ҳиндустон [Аттор, 2014, с.141].
 (Есть птица феникс - редкостная и пленительная,
 Место ее обитания Индостан.)

Это слово происходит от греческого слова Φοίνιξ, - мифологической птицы. Слово «феникс», которое хорошо известно в русском и других европейских языках, тоже происходит от этого слова.

файласуф, мусиқӣ (философ, музыка):

Файласуфе буд дамсозаш гирифт,
 Илми **мусиқӣ** зи овозаш гирифт [Аттор, 2014, с.141].
 (Некий философ завел с ней душевную дружбу,
 Постиг глубины музыки из ее голоса.)

Слово *философия* заимствовано от греческого - φιλοσοφία (от сложения φιλέω - *люблю* и σοφία – *мудрость*). Хотя это слово впервые было использовано в трудах Пифагора (570 – 490 до н.э.), но в значении специальной науки его в обиход ввел Платон (428/27 - 348/47 до н.э.) [Султон, 2008, 187]. Слово “мусиқӣ” (музыка) - это греческое μουσική субстантивированное прилагательное от греческого μουσα - муза – вид искусства.

магнотис - от греческого слова магнетис – камень, обладающий свойствами притягивать железо и сталь:

Гуфт: - **магнотиси** ушшоқи аласт,
 Ҳиммати олист, кашфи ҳар чӣ ҳаст! [Аттор, 2014, с.158]
 (Тяга влюбленных к Аласту - сказал удод,
 Это великодушие и откровение всего что есть!)

1.3. Лексический состав маснави “Мантик-ут-тайр” с точки зрения сферы употребления

Лексический состав маснави «Мантик-ут-тайр» Фаридуддина Аттора охватывает различные лексические пласты и группы с точки зрения сферы употребления. В частности, использование лексики, относящейся к животному миру (птицам и животным), лексики, связанной с растительным миром, лексики, связанной с географией, лексики, связанной с драгоценными камнями, минералами и металлами, и т. д. занимает особое место в этом маснави.

1.3.1. Лексика, связанная с животным миром (фауной)

а) лексика, связанная с птицами

Этот раздел посвящен анализу названий птиц, то есть класса позвоночных, у которых передние лапы превратились в крылья, и их задние лапы развивались по-разному в зависимости от образа жизни. Их тела покрыты перьями, кожа тонкая, и не имеют желез. Предками птиц считаются псевдозухии – рептилии, обитавшие в нижнем триасе. Различные виды птиц обитают в основном в тропических лесах. По современной классификации в мире известно более 9000 видов ныне живущих птиц. Орнитологи классифицируют их 35-40 отрядов. В Таджикистане насчитывается 385 видов птиц, которые относятся к 16 видам (<https://allinweb.ru/zoologiya/7008/>).

В маснави “Мантик-ут-тайр” также есть определенное описание мира птиц, повествуемое Аттором в аллегоричечкой форме языком самых птиц. “Мантик-ут-тайр” означает “язык птиц” или “беседа птиц”, а птицы в маснави являются символическими образами, каждый из которых воплощает в себе челевеческие идеалы, актуальные в современном обществе.

Следует отметить, что в маснави встречаются упоминания тысячи птиц, но в нем приводятся имена 17 реальных птиц: *худхуд* (удод), *андалеб*

(соловей), *қумрӣ* (горлинка), *мусича* (горлица), *тӯтӣ* (попугай), *кабк* (куропатка), *боз* (ястреб), *дурроҷ* (турач), *товус* (павлин), *тазавр* (фазан), *фохта* (кольчатая горлица), *хумо* (хумой), *бутимор* (цапля), *бат* (утка), *куф* (сова), *саъва* (завирушка), а также названия мифических птиц, таких как *симурғ* (симорг), *қақнус* (феникс). В маснави также встречаются современные таджикские названия птиц, включая *мусича* (горлинка), *саъва* (завирушка), *кабк* (куропатка) и.д.:

мусича (горлинка) - птица, похожая на горлину, кукушку, вяхиря из семейства голубиных:

Чаҳ-чаҳ эй **мусичаи** Мӯсосифат

Хезу мусикор зан дар маърифат [Аттор, 2014, с.48].

(Хвала тебе, о, горлица, подобная Мусе

Поднимайся и сыграй на флейте в познании.)

худхуд (удод) - арабское слово, обозначающее небольшую птицу с хохолком; в таджикском языке ее также называют пулхишшак, худхудак, пӯпишак, шонасарак.

Мархабо эй **худхуди** ходишуда,

Дар хақиқат пайки ҳар водӣ шуда [Аттор, 2014, с.47].

(Приветствую тебя, о удод, ставший путеводитель,

Воистину, ставший вестником каждой долины.)

тӯтӣ (попугай) – птица с ярко окрашенным опереньем и способностью подражать человеческому голосу:

Мархабо ай **тӯтии** тӯбонишин,

Пӯшишат хулласту тавқат оташин [Аттор, 2014, с.54].

(Приветствую тебя, о павлин-обитатель рая,

В новом наряде с золотым ожерельем.)

кабк (куропатка) - птица с приятным голосом, кеклик:

Ҳаҳа, ай **кабки** хиромон, дархиром,

Хуш-хуше аз кӯҳи ирфон дархиром [Аттор, 2014, с.55].

(Куропатка появилась бодрая, кокетливая

Горделивая, опьяненная с холмов мистицизма.)

боз (сокол) - птица с крепкими когтями и длинным клювом, охотится на птиц и мелких животных:

Мархабо, эй тунг бози тангчашм,

Чанд хоһй буд тунду тезхашм [Аттор, 2014, с.55].

(Приветствую тебя, о сокол ускоглазий

До каких пор будешь ты в гневе и ярости.)

дурроҷ (турач, дуррадж) - птица из семейства фазановых, у которой вкусное мясо. Этот вид птиц лингвист О. Косимов относит к отряду декоративных и певчих птиц [Косимов, 2014, с.190]. В «Кратком словаре Шахнамы» слово «дурродж» также интерпретируется как перепёлка - “бедона”, “будана” [FMSH, 1992], а в словаре Муина это слово отнесено к куропаткам [Муин, 2007]. В мире обитают более 40 видов “дурраджа”. Эта птица также называется *зарч*, *зарроҷ*, *зарач*:

Хах, хах, ай **дурроҷи** меъроҷи аласт,

Дида бар фарқи бало тоҷи аласт [Аттор, 2014, с.49].

(Хвала тебе, о турач - ты приверженец аласта,

Увидевший на голове «да» корону аласта.)

Следует отметить, что в произведениях представителей классической литературы, таких как Фирдоуси, широко используются слова “*дурроҷ*” (турач) и “*тазарв*” (фазан):

Бинолад хаме булбул аз шохи сарв,

Чу **дурроҷ** зери гулон бо **тазарв** [Фирдавси, 247]

(Рыдает соловей на ветки кипариса,

Как турач по фазану из-под цветов.)

андалеб (син. булбул, хазордастон, хазорово) - соловей. пер. певец:

Мархабо, эй **андалеби** боги ишк,

Нолае кун хуш зи дарду доғи ишк [Аттор, 2014, с.49].

(Приветствую тебя, о соловей, из сада любви

Сладостно пой о муках и печалях любви.)

товус – павлин: 1. *суц.* Крупная птица с красивыми перьями и некрасивым голосом, хвост самца которой распускается как веер (*пер.* (красивый человек)).

Хах, хах, ай **товуси** боги хаштдар,
 Сӯхтӣ аз захми мори хафтсар [Аттор, 2014, с.50].
 (Хвала тебе, о павлин из восьмидверного сада,
 Истерзанный весь из ран семиглавого змея.)

тазарв (*син.* мурғи титав) – фазан. Степная птица, по сказкам влюбленная в стройного кипариса. В словарях также встречаются другие формы этого слова, таджикское *туранг* или *дуранг*, а также арабское *тадарҷ*:

Мархабо, ай хуш **тазарви** дурбин,
 Чашмаи дил ғарки баҳри нур бин [Аттор, 2014, с.50].
 (Приветствую тебя, о прекрасный и зоркий фазан,
 Увидь источник сердца, погруженный в море света.)

кумрӣ - горлинка. 1. Род птиц с “ожерельем” на шее. 2. *зоол.* Сладкоголосая птица меньше голубя с полукольцом на шее:

Хах, хах, ай **кумрии** дамсоз омада,
 Шод рафта, тангдил боз омада [Аттор, 2014, с.50].
 (Прекрасно, горлинка наперсница прибыла,
 Улетала ты, радуясь, а воротилась в печали.)

фохта – горлица, дикая серая птица размером меньше голубя с черным незамкнутым кольцом на затылке; дикий голубь;

Мархабо, эй **фохта**, бикшой лаҳн,
 То гуҳар бар ту фишонад хафт сахн [Аттор, 2014, с.50].
 (Приветствую тебя, о горлица, сыграй мелодию так,
 Чтобы семь небес осыпали тебя жемчугами.)

хумо (хома / хумай) мифическая птица из иранских преданий. Считалось, что тот на кого падает ее тень, будет владеть богатством и властью:

Хитоб бо хумой:

Мархабо, эй **мурғи заррин**, х(в)аш дар ой,
 Гарм шав кору чун оташ дар ой.
 Хар чӣ пешат ояд, аз гармӣ бисӯз,
 З-офариниш чашми чоне кул(л) бидӯз [Аттор, 2014, с.51].
 (Обращение к хумай:
 (Приветствую тебя, о птица-золото, добро пожаловать,
 Приступай к делу и зажгись подобно огню.
 Все, что тебе повстречается пламенем сожги
 Закрывай глаза души от творения.)

симург (симург) - в иранской мифологии вещая птица, которая якобы жила на самых высоких вершинах горы Коф; *срав.* Анка. 1). Симург. авестийский - *mərəyušaēn* (птица Саэна), пехлевийский - *Sēnmurw*. персидский – *سیمرغ*, таджиксий – Симург.

Маснави “Мантик-ут-тайр” считается аллегорической поэмой, в которой и мистические идеи Аттора выражены на языке птиц, а *Симург* - царь птиц является символом человека с мистическим знанием. В самом суфизме *Симург* символизирует Совершенного человека, обладающего знанием божественной сущности:

Номи ӯ **Симурғ** султони туюр,
 Ў ба мо наздику мо з-ӯ дури дур [Аттор, 2014, с.53].
 (Его зовут Симург, царь птиц.
 Он рядом, а мы от него слишком далеко.)

В Авесте слово *Симург* встречается редко и только в одной части яштов упоминается эта мифическая птица (Часть 14, 41). В поэме «Шахнаме» Фирдоуси в сказание о Золе и его сыне Рустам *Симург* занимает центральное место, а, по словам исследователя О. Касимова в “Шахнаме” эта птица встречается 53 раза [Косимов, 2014, с.210]:

Худованд меҳре ба **Симурғ** дод,
 Накардӣ ба хурдан аз он бача ёд.
 Фуруд омад аз абр **Симурғ** чанг,

Бизад, баргирифташ аз он гармсанг [Фирдавсӣ, 218].
 (Любовь, которую Бог дал Симургу,
 Не позволила ему подумать съесть мальчика.
 Спустился Симург с облаков,
 Схватил и поднял мальчика с того горячего камня.)

Образ птицы Симург также имеет трактовку как вещая птица справедливости и счастья. Это птица часто встречается в мифах иранских и тюркских народов, её также называют царем птиц, но в некоторых легендах есть страж Симург, живущий в горах и отделяющий потусторонний мир.

бат (утка). В Толковом словаре таджикского языка это слово упоминается в двух значениях: первое - охар, а второе значение - утка:

Бат ба сад покӣ бурун омад зи об
 Дар миёни чамъ бо хайрусиёб [Аттор, 2014, с.60].
 (Утка выбралась из воды в сто раз чище
 В опрятном наряде приблизилась к собранию)

бутимор (цапля) - белая аистообразная птица, которая живет у воды, где ее добычей становится рыба:

Пас даромад зуд **бутимор** пеш,
 Гуфт:- Ай мурғон ману тимори хеш
 Бар лаби дарёст доим чойи ман
 Нашнавад ҳаргиз касе овойи ман [Аттор, 2014, с.67].
 (Цапля быстро вышла вперёд,
 “О птицы, это я со своим недугом”- сказала она.
 Моё постоянное место у моря,
 Никто никогда мой голос не услышит.)

куф (сова) - ночная птица с когтями крупнее сипухи, которую люди считают уродливой и непривлекательной:

Куф омад пеш чун девонае,
 Гуфт:- Ман бигзидаам вайронае.
 Очизам, андар харобӣ зода ман,

Дар харобӣ меравам бе бода ман [Аттор, 2014, с.69].

(Сова вышла на пьедестал словно сумасшедший,

«Я выбрала себе руины» - сказала она.

Бессилная я родилась в развалинах,

Похаживаю опяненной без вина.)

саъва (зяблик) - маленькая красная птичка размером с воробья:

Саъва омад дил наҳифу дил низор,

Пой то сар хамчу оташ беқарор.

Гуфт: - Ман хайрону фартут омадам,

Бедилу беқуввату кут омадам [Аттор, 2014, с.70].

(Прилетел зяблик хилый со слабым сердцем,

С головы до ног беспокойный как огонь.

«Я прилетел изумленный и дряхлый» - произнес он,

Трусливый, бессилный и голодный.)

б) лексика, обозначающая животный мир:

Классификация животного мира очень широка, состоящая из ряда систематических единиц, основными из которых являются: вид, класс, тип, семейство, род. Аналогичную классификацию можно увидеть в среднеперсидском языке, имеющем большую научную ценность. В соответствии с проведенными исследованиями действовал определенный принцип, позволяющий классифицировать животных по классам и подразделам. Согласно материалам этих исследований, фауна в среднеперсидском языке была классифицирована, прежде всего, по средам обитания и разделена на три группы: 1. Pad-pay - степь и пустыня; 2. Gerisar - в горах (быстробегающие и летучие - wayendag); 3. Abigudunig – живущие в воде и в колодце [Саймиддинов, 2001, с.92].

В изучении лексической группы названий животных особого научного внимания заслуживает также работа другого таджикского исследователя Олимджона Косимова «Лексика Шахнамы». В своем исследовании

исследователь достаточно глубоко изложил классификацию животного мира среднеперсидского периода, относенной к домашним, водным, наземным, летающим, диким животным. Например, в подразделе «Словарь домашних животных» он дал следующее научное объяснение: “самая большая группа состоит из домашних животных, которых в Шахнаме обычно называют собирательным существительным “дом” (домашнее животное) в противоположность диким животным, которые выражаются собирательным именем “dad/дада” [Косимов, 2011, с.122].

Следует отметить, что в среднеперсидском языке животные были разделены на определенные группы, которые получили название “сарда” [Саймиддинов, 2001, с.310].

В маснави «Мантик-ут-тайр» упоминаются как домашние животные (коровы, верблюды, козы), прирученные животные (собаки, кошки), так и дикие животные (львы, лисы, гепарды...) и другие животные:

а) домашние животные:

бузгола: 1. козленок, козел; 2. *астр*. Козерог (зодиакальное созвездие):

Даъвати хайвон чу кард ӯ ошкор

Шохидаш **бузгола** буду сусмор [Аттор, 2014, с.33].

(Когда он открыто призвал животных,

Его свидетелями были козленок и варан.)

ноқа - арабское слово, означающее верблюдица; *гов* - корова, телец:

Ноқа аз санге падидор оварад,

Гови зар дар нолаи зор оварад [Аттор, 2014, с.19].

(Камень превращает в верблюдицу,

Золотого телца доводит до стенания.)

б) прирученные звери:

саг (собака), *гурба* (кошка). Домашние млекопитающие из группы волков, лисиц, тигров, львов и др:

Гаҳ **сагеро** раҳ диҳад аз пешгоҳ

Гаҳ кунад аз **гурбае** макшуф роҳ [Аттор, 2014, с.19].

(То собаку пустит на порог,
То кошке открывает дверь.)

в) дикие животные:

шер (лев): 1. сильное и хищное животное с желтоватой шерстью, сильными лапами и когтями и с гривой у самцов; обитает в лесах и лугах Африки и Азии; лев считается царем хищников и всех животных; 2. *пер.* храбрый, отважный, герой:

Ҳар ки ин сагро ба мардӣ кард банд,
Дар ду олам **шер** орад дар каманд [Аттор, 2014, с.120].
(Тот, кто мужественно обуздал эту собаку,
В двух миров льва заарканит.)
Чун Алӣ **Шери** Ҳақ асту тоҷи сар,
Зулм натвон кард бар **шер**, эй писар [Аттор, 2014, с.51].
(Ибо Али почтенный - Лев Всевышнего,
Невозможно угнетать льва, сын мой!)

паланг (тигр): 1. Крупное хищное млекопитающее из семейства кошачих с полосатой шкурой; 2. шкура тигра; шуба из тигровой шкуры; 3. *пер.* разноцветный, пестрый:

Буд мачнуне ачаб дар кӯхсор,
Бо **палангон** рӯзу шаб карда карор [Аттор, 2014, с.222].
(Был странный безумец в горах,
Жил он днем и ночью среди тигров.)
Пӯст охир даркашидан аз **паланг**,
Даркашанд аз чисми ту ҳам бедаранг [Аттор, 2014, с.151].
(Сняли в конечном итоге с тигра шкуру,
И у тебя тоже снимут без промедления.)

рӯбоҳ (лиса) - это хищное млекопитающее, относится к семейству псовых, тело которого покрыто в основном желтого или рыжего цвета и имеет большой пушистый хвост:

Он ду **рӯбах** чун ба ҳам ҳамбар шуданд

Пас ба ишрат ҷуфти якдигар шуданд [Аттор, 2014, с.121].

(Эти две лисы как только встретились,

Так сразу от восторга стали парой друг другу.)

юз (леопард). В Толковом таджикском словаре слово *юз* трактуется в следующих значениях: 1. охотничья собака: 2. хищник размером меньше тигра, обученный для охоты:

Хусраве дар дашт шуд бо **юзу** боз,

Он ду рӯбахро зи ҳам афканд боз [Аттор, 2014, с.121].

(Некий хосрав прибыл на поле с гепардом и соколом,

И отлучил двух лис друг от друга вновь.)

г) другие животные:

хук (свинья): 1. Домашное и дикое животное, производящее много мяса и жира; 2. Название года по двенадцатилетнему циклу китайского календаря с именами животных:

Ин бигуфту рӯй аз ёрон битофт,

Хукбониро сӯи **хукон** шитофт [Аттор, 2014, с.91].

(Сказав это, он отвернулся от друзей,

Удалился торопливо пасти свиней.)

мӯр (муравей): Муравьи это тип небольших насекомых, которые живут колоннами и имеют множество видов: крилатые муравьи, муравьи-лошадки и т.д.

Гох асоеро сулаймонӣ дихад

Гох **мӯреро** сухандонӣ дихад [Аттор, 2014, с.19].

(То посохом Саломону дает опору,

То муравьям дает умение говорить.)

1.3.2. Лексика, связанная с растительным миром (флорой)

Флора - это совокупность фитоценозов (совокупность растений, на однородных участках территории, характеризующаяся сложными

взаимоотношениями друг с другом с окружающей средой - леса, степи, пустыни, луга и т.д.), которая покрывает Землю или отдельные ее регионы. Растительный мир является важной частью биосферы и тесно взаимосвязано с климатом, водной системой, почвой, топографией и т.д.

Уд месӯзонд он ғофил бaсе,
 Ох мезад аз хушӣ он чо касе.
 Мардро гуфт он азизи номдор,
 То ту ах гӯйӣ бисӯхт ин удзор.
 Бӯйи ту бад гар насӯзӣ уд хам
 Менасоёмад машома аз алам [Аттор, 2014, с.160].
 (Неведующий бальзамовый кустарник обжигал,
 “Ах” восклицал другой от радости.
 Некто известный благородный заметил ему,
 Пока ты восклицал «ах», сгорела бальзамовая роша.
 От тебя пойдет зловоние, если даже кустарник не обжечь,
 И не успокоит не одно обоняние от тоски.)

В маснави «Мантик-ут-тайр» встречаются лексические единицы, являющиеся названиями растений и трав, большинство из которых являются названиями цветов. Например:

ёсамин (жасмин): 1. Садовый кустарник с ароматными белыми, синими и желтыми цветками; 2. *поэт.* лик, щека.

лола (тюльпан, степной мак) - это в основном степной и горный красный цветок с множеством разновидностей, цветет ранней весной и имеет черное пятно в середине лепестков.

Ёсаминро чор тарке барнихад
Лоларо аз хун кулах бар сар нихад [Аттор, 2014, с.19].
 (Жасмину наносит четыре трещины,
 Тюльпану наденет на голову шапку из крови.)

гул (цветок): 1. распустившийся бутон или почка растения или дерева, распустившийся цветок, соединенные между собой лепестки, которые

образуются на ветвях некоторых деревьев и растений, а через некоторое время вместо них появляется семя или плод; 2. роза, цветок красной розы, часто с шипом; 2. *поэт.*, румянность щеки, лик, лицо.

Гох гул бар рўйи оташ даста кард,

Гох пул бар рўйи дарё баста кард [Аттор, 2014, с.18].

(То из цветов сделал букет над морем,

То мост возводил над морем.)

нарчис (нарцисс) - название небольшого нежного лукового растения с ароматными белыми или желтыми цветками:

Гох нихад бар фарки **нарчис** точи сар,

Гох кунад дар точаш аз шабнам гухар [Аттор, 2014, с.19].

(Иногда на голову нарцисса надевает корону,

Иногда украшает его корону жемчугами из росы.)

1.3.3. Географическая лексика

Под географической лексикой наряду с общеупотребительными словами обозначающими землю, горы, реки, моря, пустыни, источники и т.д., также подразумевают специальные слова-термины для обозначения различных географических объектов.

Раздел языкознания, изучающий имена собственных, по европейской терминологии называется «ономастикой», а раздел ономастики, изучающий географические названия - «топонимия». Слова, выражающие географические названия, то есть географическая лексика, занимает особое место в маснави “Мантик-ут-тайр” Фаридуддина Аттора. Автор маснави при описании событий, происшествий и эпизодов в зависимости от линии действий, эпизодов, событий, упоминает географические названия мест, регионов и стран.

В маснави “Мантик-ут-тайр” упоминаются аллегорические мистические названия семи долин, а именно: Долина искания (талаб), Долина любви

(ишк), Долина (обретения) знания (ма`рифат), Долина ненуждаемости, состоятельности (истигна), Долина единения (тавхид), Долина удивления (хайрат) и Долина нищеты и гибели (факр ва фано), от которых зависит решение первостепенных вопросов суфийского учения о познании истины и «единстве бытия» (вахдат-ул-вуджуд), и этот суфийский путь состоит из четырёх этапов: шариат, тарикат, хакикат и марифат. Иными словами, в маснави Аттора эти четыре духовные стадии включают семь долин и путь из одной долины в другую предполагает прохождение четырёх этапов - шариата, тариката, хакиката и ма`рифата и между каждым из этих этапов для аргументации приводятся рассказы на языке Симурга. Рассказы и притчи, которые представлены в маснави на языке птиц, включает географические названия места, где произошли события.

Аттор начинает свою поэму с прославления Всевышнего и Его Посланника, упоминания библейских персонажей и четырёх преемников Мухаммада, а также назиданий и нравоучений в иносказательной форме, сбивания в стаи птиц и истории их путешествия в поисках Симурга во главе с удодам. На своем пути птицы сталкиваются с множеством трудностей. Аттор повествует поучительные и ёмкие рассказы и притчи, которые звучат от имени (языка) удода как пояснения суфийской теории познания истины. На основе этой теории лежит концепция “тарикат”, т.е. путь достижения истины, который отражается Аттором в маснави “Мантик-ут-тайр” с использованием символических приёмов и созданием мистических образов. Стадии достижения самопознания и богопознания посредством шариата, тариката, хакиката и ма`рифата в маснави рассматриваются через описание долин духовного пути.

В пути достижения своей цели птицы сталкиваются не только с наводнениями, дождями и другими трудностями, но некоторые из них, в том числе соловей при виде цветника, куропатка при виде гор и зелёных лугов, утка при виде голубого озера и горлица при виде рощ прекращали дальнейшее странствие в поисках Симурга и отказались от достижения цели. Описание

путешествий птиц по долинам составляет географическую часть маснави, каждую из которых мы рассмотрим отдельно.

Еще с древних времен и средневековья ученые в исторических и географических источниках, путевых заметках, антологиях, словарях, научных, литературных и религиозных трактатах и различных документах и надписях освещали различные аспекты географических названий и они заложили основу топонимики. В древних рукописах, в том числе в Авеста, древних персидских рукописах Ахеменидов, таких как Бесутунская надпись (надпись Дария), Накши Рустам (Рисунки Рустама), Надписи Тахти Джамшед и трактат Бундахишн, «Шахристаны Ирана», «Словарь пехлеви», «Словарь оим-евак», «Корномаки Артахшери Попакон» (Книга деяний Ардашира сына Попака), «Драхти Ассурик-уд-вуз» (Ассирийское дерево), «Чатарнома», «Денкард» (Динкард), а также в согдийских документах с горы Муга были найдены различные виды географических топонимов, которые являются надежными источниками для изучения и сравнительного анализа топонимов иранских языков с точки зрения этимологии [8]. Таджикский исследователь Б. Тураев в своей статье «Комментарии к некоторым топонимам в поэме «Шахнаме» Фирдоуси» подверг этимологическому анализу некоторые географические названия этой бессмертной поэмы [Тураев, 2016, с.36-48].

Несомненно, можно отметить небольшое количество произведений, в которых не упоминаются географические названия, то есть топонимы.

Аттор в начале маснави «Мантик-ут-тайр» упоминает древние иранские города Гурган и Керман:

Боз Айюби ситамкашро нигар

Монда дар **Гургону Кирмон** пеши дар [Аттор, 2014, с.26].

(Смотри на Аюба угнетенного,

Оставшийся в Гургане и Кирмане у порога.)

Гурган или Джурджан, согласно источникам, является историческим городом и провинцией Ирана и расположен на берегу реки Гурган и на юго-восточном берегу Каспийского моря [Таджикская советская энциклопедия,

т.2. - Душанбе, 1980, с.107.]. Слово “Турган” существовал на языке пехлеви в форме *Vurkan*, а в греческом имеет форму *Hurkania* [Деххудо, т.39. с.225]. Название этого региона связано с известным словом “*гург*” («волк») и в народе его называют “тургон” (множественное число от слова «волк»). Вторая столица государства Хорезмшахов после Коса и один из крупнейших городов Хорезма. В средневековых источниках Тургандж также встречается в форме «Куркондж» и в арабской форме «Джурджандж» [Муин, т. 6, с. 1691].

Керман это регион, который граничит на востоке с Синдом, на юге с Великим морем, на юго-западе с провинцией Фарс, а на севере с провинцией Сиистан [Хасанзода, 2018, с.231].

В другом стихе Аттор упоминает название священной горы “Тур”, на которой пророк Муса (Моисей) имел общение с Богом. Гора Тур находится на границе Израиля и Палестины:

Хамчу Мусо дидай оташ зи дур,
 Лочарам мусичаи дар кӯхи **Тур**.
 Хам зи фиръавни баҳимӣ дур шав,
 Хам ба микот ову мурғи Тур шав [Аттор, 2014, с.48].
 (Подобно Мусе, ты видел огонь издалека,
 Поневолу ты как мусича (горлянка) на горе Тур.
 Держись подальше от фараона зверя,
 И приходи на назначенное место и стань птицей Туры.)

В Маснави “Мантик-ут-тайр” упоминается топоним **Миср** (Египет), который является названием одного из древнейших государств на земле. В надписи Бесутун, которая является наскальным клинописным текстом эпохи Ахеменидов на древнеперсидском языке, название **Миср** встречается в форме **Mudraya**, которая была одной из стран, находящейся под властью Ахеменидской империи. Фактически, Египет – страна, расположенная на Ближнем Востоке, на Северо-Восточной Африке и на Синайском полуострове Азии [Энциклопедия. ч.4 с. 422]. В нижеследующем стихе

Аттор упоминает Пророка **Юсуфа (Иосиф)** и употребляет образное выражение **Мисри иззат** (Почетный Египет), означающее высший почёт и статус, имея в виду то факт, что Юсуф завоевал уважение и стал царем Египта:

Ҳамчу Юсуф бигзар аз зиндону чоҳ,
То шавӣ дар **Мисри иззат** подшоҳ [Аттор, 2014, с.50].
(Как Юсуф пройди через тюрьму и яму,
Чтобы стать в почетном Египте царем.)

Аттор в рассказе о нищем, влюбившим в правителя также использовал топоним Миср (Египет) в следующем бейте:

Буд дар **Миср** подшоҳе номдор,
Муфлисе бар шоҳ ошиқ гашт зор [Аттор, 2014, с.117].
(Правил в Египте известный царь один,
Влюбился в царя безумно некий нищий.)

В маснави встречается топоним **Чин** (Китай) – страна, расположенная в Центральной и Восточной Азии. Таджикский исследователь Мирзо Хасан Султон предполагает, что слово Чин связано с названием правящей династии Синь и первоначально использовалось на языке наших предков для выражения названия этой страны, а затем это слово подверглось небольшой трансформации и приняло форму “China” на латыни и других европейских языках, включая английский (China), итальянский (Cina), немецкий (China), французский (China), и т.д. [Султон, 2018, с.3]. Слово “Чин” (Синь) означает «центральный», “средний”, то есть страна, расположенная в центре Азии.

Аттор в эпизоде о пребывании Симурга в Китае использует слово Чин в следующем стихе:

Ибтидои кори Симурғ, ай ачаб,
Чилвагар бигзашт дар **Чин** ними шаб.
Дар миёни **Чин** фитод аз вай паре,
Лочарам пушӯр шуд ҳар кишваре [Аттор, 2014, с.54].
(Когда впервые Симург, вот странно,

Появился полночь в Китае.
 Среди Китая он уронил одно перо,
 Поневоле приводя в волнении все страны.)

В другом стихе поэт вместе с Китаем упоминает **Рум** (Древний Рим) и **Хинд** (Индия):

Чун сабо аз зулфи у мушкин шудӣ
Рум аз у озарми **Хинду Чин** шудӣ [Аттор, 2014, с.79].
 (Когда зефир стал благоухающим от аромата ее лакон,
 Рим от ее робкости стал Индией и Китаем.)

В следующем стихе также наряду с древним Римом использует топоним **Араб**, означающий общее название арабских стран:

Чумла сӯйи **Рум** рафтанд аз **Араб**
 Муътакиф гаштанд пинхон рӯзу шаб
 Бар дари Ҳақ ҳар якеро сад ҳазор
 Гаҳ шафоат, гоҳ зорӣ буду кор [Аттор, 2014, с.93].
 (Все отправились из Аравии в сторону Рима,
 Проживали там тайно днем и ночью.
 У порога Истины по сто тысячу раз,
 То милосердия просили, то лили горькие слезы.)

В другом случае, Аттор вместе со словом Рим употребляет священное место Кааба:

Мешуданд аз **Каъба** то ақсои **Рум**
 Тавф мекарданд сар то пойи Рум [Аттор, 2014, с.79].
 (Побывали они Каабу и далекий Рим,
 Изъездили Рим вдоль и поперек.)

В маснави также был использован топоним **Бағдод** (Багдад). Этот город был основан в 762 году и являлся политическим, религиозным и культурным центром исламского мира, столицей халифата Аббасидов. Багдад - столица Королевства Ирака с 1921 года и с 14.07.1958 по настоящее время столица

Республики Ирак [Ҳасанзода, 2018. с. 51]. (Ҷойномҳои қаламрави Сомониён, Абдуҷамол Ҳасанзода, Худжанд, «Нури Марифат», 2018. С. 51).

Аттор упоминает этот город в нескольких рассказах своего маснави, в том числе в следующем стихе:

Суфие мерафт дар Бағдод зуд
 Дар миёни роҳ овозе шунуд [Аттор, 2014, с.112].
 (Некий суфий шел скорым шагом в Багдаде,
 Среди дороги он услышал голос вдруг.)

Слово Багдад - сложное слово, уходящее своими корнями в древнеперсидский язык. Профессор Д. Саймиддинов интерпретирует это слово следующим образом: «Слово Багдод состоит из двух частей, первая часть - это слово **баг**, а в древнеперсидском - *bhaq* - Бог, авестийский *baq//baṇa* - “часть, счастье, удача”; др. инд. *bhaga*—“даритель счастья”; в составе древнеперсидских имен: *Baqābiqna*-*Baqabuša*- *Baqāyadi*:- (согдийский - *Baṇa*); среднеперсидский - *baq / baṇ*. 1. Худо; 2. —*šahryār?* *Xvadāy*; в ситуациях: *baqa /c Nom* -мужское единственное число; *baqāha Nom* - множественное число; *Baqānām Gen* – множественное число; - *Baqaibiš Inst* - множественное число [Саймиддинов, 2007. с.166].

Вторая часть слова “багдод” – “Дад” (*Data*), также является древнеперсидским словом. В клинописных текстах оно употреблялось следующим образом: *dāta* «закон», авестийский - *Data*, среднеперсидский – *dāt*, новоперсидский - *dād* “создавать; давать”; авест. *dā-dāta Nom*.- множественное число среднего рода – “законы”. Полное значение древнеиранского слова Багдод: “Бог справедливости”, “Место бога справедливости”.

Другой исследователь Б. Тураев значение данного слова интерпретирует следующим образом: «... слово или топоним “Багдод” означает “Бог, дарующий справедливости, Бог, дарующий счастье, Властелин справедливости, место Бога дарующего счастья и справедливости». Это

слово, которое в народном языке веками передавалось из уст в уста, означает “сад справедливости”, “сад”, сад справедливости и правосудия” (“боги адл”, “бог”, “чаманистони адлу дод”), “ангел” или “поверенный в правосудии и справедливости”(“фаришта” ё “муваккали адлу дод”, “город благодати” и “место справедливости” (“шахри пурфайз” ва “чойгохи адлу дод”). Слово «Багдод» (настоящая форма Baqā + dāta) является формой его арабского произношения. Поскольку в арабском языке не существует буква «г» (гоф), слово Baqādāta // Baqdāta стали писать и произносить – “Багдод”.

Первая часть слова в согдийском языке существует в форме Вақа, что означает “Бог” и “заместитель Солнца”, а на хинди она используется как Bhaqa.

Гум шуд аз **Багдод** Шиблй чанд гох,
Кас ба сӯйи ӯ кучо мебурд рох [Аттор, 2014, с.116].
(Пропал из Багдада Шибли на какое-то время,
И никто не мог точно знать, где он.)

В этом маснави встречается использование топонима Басра, который был одним из наиболее известных городов исламского мира в эпоху Аттора:

Рафт шайхи **Басра** пеши Робиа,
Гуфт: - Ай дар ишк сохибвокеа.
Нуктае к-аз ҳеч кас нашнидай,
Бар касе на хондаву на дидай [Аттор, 2014, с.127].
(Пошел шейх Басры к Рабийе,
“О, знающая все о любви” - сказал он.
Расскажи мне о том, чего не слышал от других,
О том, чего никому не говорила и не видела сама.)

Одно из других названий, используемых Аттором в маснави “Мантик-ут-тайр”, - астионим **Туркистон** (Туркестан). По мнению исследователей, тюркские племена Мовареннахра в раннем средневековье пришли из Восточного Алтая, Восточной Сибири и Китая и поселились в низовьях Сырдарьи и коренное население Мавароуннахра - согдийцы, хорезмийцы и

бактрийцы, т.е предки таджиков эту территорию, расположенную в низовьях реки Сырдарья, стали называть Туркестан. Наршахи в своей книге “История Бухары” (“Таърихи Бухоро”), в описании событий 536 года (1141-42 гг) в Туркестане пишет следующее: Территория Туркестана состоит из Кашгара, Баласагуна, Хутана, Тираза и его окрайных территорий до границ Мовареннахра. Туркестан также название города в середине бассейна реки Сырдарья, который в XII-XIV веках назывался Яса и в это же время там проживал знаменитый суфийский мистик Ахмади Ясави. Ясу в честь Ахмада Ясави, призывавшего тюркские племена к исламу, также стали называть “Хазрати Туркистон”, “Туркистанбобой”, а затем “Туркистон”. [Ҳомидов, 2017. с.102]. В этой связи Аттор использует сочетание “пири Туркистон” в следующем стихе, имея в виду известного суфия шейха Ахмада Ясави:

Дод аз худ пири **Туркистон** хабар,

Гуфт: - Ман ду чиз дорам дӯсттар [Аттор, 2014, с.155].

Туркестанский пир сообщил о себе,

“Люблю я две вещи больше всего” - сказал он.)

Согласно исследованию Т. Султанова, слово “Туркистон” впервые встречается в письме, написанном в 639 году на согдийском языке. В письме из двадцати пяти строк речь идет о продаже самаркандских девушек в рабство [Султанов, 2006. с.129].

В маснави в разделе “Рассказ о том, как сумасшедший увидел рабов эмира в Хорасане” использован топоним Хуросон.

Дар **Хуросон** буд давлат бар мазид

3-он ки пайдо шуд **Хуросонро** амид [Аттор, 2014, с.168].

(В Хурасане было богатство в изобилии,

Ибо Хурасан обрел нового правителя.)

Согласно источникам, Хорасан - исторический регион, часть которого находился в Туркменистане, а часть - в Восточном Иране, упоминавшийся с периода империи Сасанидов. Его буквальное значение – “восход солнца”, “восток”. Столицей Хорасана был город Мерв.

Другой астионим, использованный в этом маснави, является Газнӣ (Газни). Газни - город в Афганистане, юго-западнее Кабула, на пути в Кандагар. Он расположен на востоке, в 145 км к юго-западу от Кабула. Газни или Газнин также упоминается в географических и исторических источниках как “Ғазак””, “Ғазна”, “Ғазнӣ”, ”Ғазнав”, “Ганча”, “Ҷазна” [Деххудо, т. 34, с. 2170]. По мнению отдельных исследователей, слово “Ғазнин” происходит от согдийского слова **gaznak**, означающего “сокровище”, “клад”. Средневековые географы, такие как автор “Худуд-ал-олам” упоминают Газни также с названиями “Зобулистон” и ”Кобулистон” [Ҳасанзода, 2018. с.153-154]. В маснави “Мантиқ-ут-тайр” топоним Газни упоминается в рассказе о том как Султан Махмуд разгромил индийскую армию, это история связана с одним из завоеваний султана Махмуда на территории Индии:

Гуфт: - Махмуд чу шоҳи хусравон
 Рафт аз **Ғазнӣ** ба ҳарби ҳиндувон,
 Ҳиндувонро лашкари анбӯҳ дид,
 Дил аз он анбӯҳ пурандӯҳ дид.
 Назр кард он рӯз шоҳи додгар,
 Гуфт: - Агар ёбам бар ин лашкар зафар.
 Ҳар ғанимат к-афкандам зи ин чойгоҳ,
 Ҷумларо бидхам ба дарвешони роҳ [Аттор, 2014, с.191].
 (“Махмуд как цар царей” - сказал он,
 Отправился из Газни на битву индусов он.
 Увидел он огромную армию индусов,
 И сердце от увиденного наполнилось грустью.
 «Если одержу победу над этой армией» - сказал он,
 Весь трофей, что достанется мне на этом месте,
 Отдам дервишам пути все до единого.)

В маснави Аттор также использует топоним **Аҷам** (Аджам) вместе со словом Араб:

Дар **Аҷам** афтод марде аз **Араб**

Монд аз расми **Ачам** андар ачаб [Аттор, 2014, с.208].

(В Аджам попал некто из Аравии,
Обычаям Аджамы он был поражен.)

Таким образом, можно сказать, что в этом произведении употреблено множество слов, выражающих географические понятия, и в зависимости от возможности и ограниченности объема исследования в этом разделе диссертации подверглась рассмотрению некоторая часть.

1.3.4. Астрономическая лексика

В изучаемом маснави часть использованных научных наименований относится к астрономическим объектам. Наши предки, оставившие великое наследие в области астрономии и астрологии, проявляли уникальные способности в этих областях и достигли больших достижений в познании звёзд и различных небесных тел. В своих трудах Абу Райхан аль-Бируни неоднократно подчеркивал превосходство персов в астрономии над другими народами, особенно арабами [аль-Бируни, 1923. с.339].

Астрономия имеет древнюю историю, и наши предки еще с давних времён хорошо были осведомлены о многих астрономических явлениях, вращении небесных тел, а также об использовании телескопа и других астрономических приборов. Следует отметить, что один из величайших памятников в области астрономии, в котором содержатся древние астрономические термины, считается труд Абу Райхана Бируни “Китаб-ул-тафхим” (“Книга вразумления начаткам науки звёзд”). Эта тема наиболее полно и глубоко раскрыта в книгах известного исследователя таджикской терминологии Мирзо Хасана Султана [Султон, 2008; Султон, 2011].

В маснави “Мантик-ут-тайр” астрономические термины немногочисленны, но тем не менее, отдельные из них, в частности - Меҳр (солнце), Хуршед (солнце), Офтоб (солнце), Мох (луна) и др. отличаются широкой употребительностью:

Дошт Ҳақ он нурро чун **Мехру Мох**,
 Дар баробар бечихат то дергоҳ [Аттор, 2014, с.32].
 (Истина имела этот свет, как Солнце и Луна,
 Беспеременно, чрезмерно и надолго.)

Слово *мехр* означает солнце и оно вместе со словами *офтоб*, *хуршед*, *шамс* и *оламтоб* составляют синонимический ряд. Согласно Толковому словарю таджикского языка (Фарханги забони тоҷикӣ) *мехр* – II. 1. седьмой месяц солнечного календаря, который является первым месяцем осени и в григорианском календаре соответствует 23 октября – 22 ноября; 2. Название шестнадцатого числа каждого месяца солнечного календаря [ФЗТ, 1969. с.684]. Аттор использует слово *хуршед* (солнце) в следующем стихе:

Чун намояд рӯй **Хуршеди** мачоз,
 Мо ба зулмат ошён бинмуда боз.
 Дар шабон тобад чун **Хуршеди** Илох,
 Хуфта дар зулмат набошад марди роҳ [Аттор, 2014, с.196].
 /Если покажет свой облик Солнце прекрасный,
 Мы снова погрузимся во тьму,
 Если ночью сияет Солнце Божьей,
 Не погрузится во тьму путник.)

Слово *Бадр* означает полную фазу луны, полнолуние, четырнадцати или пятнадцатидневная луна. Луна - это небольшая планета, которая вращается вокруг себя и Земли и получает свет от Солнца. Аттор употреблял это слово в разных ситуациях:

Аз қазо мерафт дарвеше асир,
 Чашм афтодаш бар **бадри мунир** [Аттор, 2014, с.65].
 (По иронии судьбы шел бедный дервиш,
 Его взгляд упал на светящуюся полную луну.)

Бадри мунир – приведенное выше изафетное словосочетание означает светящееся полнолуние, лучезарное полнолуние.

Приведем другой пример:

Хочаи дунёву дин, ганчи вафо,
Садру бадри хар ду олам –Мустафо [Аттор, 2014, с.33].
 (Господин мира, религии и сокровище преданности,
 Глава и полнолуние обоих миров - Мустафа.)

В маснави использованы слова, выражающие небесные объекты и явления, такие как *осмон* (небо), *ситора* (звезда), *чарх* (небосвод), *фалак* (сфера), *шабонрӯз* (сутки, день и ночь):

Чархро даври **шабонрӯзӣ** дихад,
 Шаб барад, рӯз оварад, рӯзӣ дихад [Аттор, 2014, с.19].
 (Он вращает вселенную круглосуточно,
 Уносит ночь, приносит день и хлеб насущный даёт.)

Топоним **офтоб** (солнце) – это освещающая звезда, центр солнечной системы, от которого исходит свет и температура Земли; Синонимы: Хуршед, Мехр, Шамс [ФЗТ, 1969. с.939]. Солнце - огромная космическая планета, это слово употреблено в стихах поэтов для выражения религиозных и философских мыслей и создания новых красивых и образных выражений и терминов. Это слово встречается гораздо чаще других астрономических терминов, используемых в маснави, оно встречается 9 раз. Аттор описывает Солнца следующим образом:

Чун дар омад духтари тарсо зи хоб,
 Мавч зад нур аз дилаш чун **офтоб**
Офтоб он гоҳ бикшода зафон,
 Гуфт: - Ҳон, шав аз пайи шайхат равон [Аттор, 2014, с.113].
 (Когда проснулась красавица христианка,
 Волны света брызнули из ее сердца как лучи Солнца.
 И тогда Солнце подало голос:
 «Эй, отправся по стопам своего шейха» - сказало оно.)

Слово *ситора*– (звезда) в Толковом словаре таджикского языка толкуется как небесное тело, которое видна в ночном небе, как яркая точка [ФЗТ, 1969. с.250]. Синонимами этого термина являются: *кавкаб*, *ахтар*.

Астрономическая лексика в маснави несёт полезную смысловую нагрузку, которая имеет особое значение для пополнения и развития словарного состава нашего языка:

Зарраи ӯ фитнаи мардум шуда
 Дар дарунаш сад **ситора** гум шуда.
 Чун **ситора** раҳ намояд дар ҷаҳон,
 Сӣ даруни зарра чун бошад ниҳон! [Аттор, 2014, с.308]
 (Его частица привела людей в смятение,
 В ней исчезли сотни звёзд.
 Если звезда укажет путь в мире,
 Как могут тридцать исчезнут в частице!)

В маснави “Мантик-ут-тайр” были обнаружены несколько слов и топонимов, связанных с древним мифологическим и религиозным мировоззрением таджикского народа:

Чун **замин** дар пушти гов истод рост,
 Гов бар моҳию моҳӣ бар хавост [Аттор, 2014, с.20].
 (И когда земля на спину коровы стояла,
 Корова на рыбе была, а рыба в воздухе.)

Смысл этого стиха, в частности основан на мифах и легендах о том, что Земля стоит на быке, а бык на ките.

Аттор использовал в своем маснави фразу “хафт анчум” (семь звёзд), то есть семь звёзд – это намек на семь планет солнечной системы: Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер и Сатурн. Итак можно сделать вывод, что богатое наследие наших предков в области астрономии является бесценной сокровищницей словесности нашего литературного языка и обилие астрологических терминов в “Мантик-ут-тайр” тому доказательство.

1.3.5. Лексика, обозначающая камни, руди и металлы

Эта лексическая группа также имеет определенные границы использования в рассматриваемом маснави. В частности, слова *зар* (золото), *сим* (серебро), *санг* (камень), *лаъл* (шпинель), *ёкут* (рубин), *ақиқ* (агат)... достаточно часто встречаются в тексте маснави:

ёкут - рубин:

Бахро аз ташнағй чун хушк кард

Сангро *ёкуту* хунро мушк кард [Аттор, 2014, с.18].

(От жажды осушил моря он,

Камня превратил в рубин, а кровь - в муксус.)

ақиқу лаъл – агат и шпинель:

Пора –пора сангро дар хун гирифт,

То *ақиқу лаъл* аз он берун гирифт [Аттор, 2014, с.18].

(Разбитый вдребезги камень кровоточил,

Пока из него агат и шпинель извлекал.)

санг - камень:

Бахро аз ташнағй чун хушк кард,

Сангро *ёкуту* хунро мушк кард [Аттор, 2014, с.18].

(От жажды осушил моря он,

Камня превратил в рубин, а кровь - в муксус.)

1.3.6. Религиозно-мистическая лексика

Лексика, выражающая религиозно-мистические понятия, занимает важное место не только в рассматриваемом нами аллегорическом маснави “Мантик-ут-тайр” Аттора, но и во всех других многочисленных поэмах и стихотворениях этого известного поэта - мистика. Аттор Нишапури, религиозно-философское воззрение которого формировалось в раннем возрасте под влиянием известных духовных наставников мистицизма того

времени и суфийского наследия своих предшественников, не мог представить свою духовную жизнь без мистической мысли и мистической среды.

В произведениях Аттора, наполненных абсолютно мистицизмом, в том числе в маснави “Мантик-ут-тайр”, ключевая позиция принадлежит лексическим единицам, выражающим религиозно-мистические понятия.

Следует отметить, что с самого начала человеческой жизни религия и вера в различных формах были в центре человеческой мысли и сознания и были единственным способом справиться с социально - психологическим напряжением, связанным с материальным миром.

Мистицизм и суфизм, если с духовной точки зрения являются особым способом достижения высшего духовного совершенства, то есть интуитивного познания в абсолютной истине, то с точки зрения общественной жизни были формой протеста борьбы с социальной несправедливостью и нравственного воспитания.

С другой стороны, поэты суфии и в целом все мастера художественного слова использовали религиозно-мистическую терминологию, как действенное и красочное средство в создании художественных образов в поэзии.

Известно, что относительно происхождения слово *тасаввуф* (суфизм) существуют разные интерпретации. Имеется предположение, что оно произошло от арабского слова “*суф*”, что означает шерсть, так как суфии надевали накидки из грубой шерсти. В таджикском языке слово “*суф*” имеет другое значение: тонкая ткань, изготовленная из хлопкового волокна, а “*суфий*” означает человек, который носит белую одежду. В эпоху *джахилия* группу слугителей Каабы, которые отличались отрешением от всего мирского и обращением к своему внутреннему миру называли “Ахль ас-суф” (“люди скамьи”) и поэтому происхождение слово “тасаввуф” связывают с этим. Есть также версия о том, что слово “суфий” происходит от греческого слова “софия” (мудрость). Слово суфий берёт свое начало с VIII века, когда

стали формироваться терминология и понятия суфизма. По сути, суфизм – это сложное социальное явление, пережившее длинный период становления и развития. В частности, первые признаки зарождения суфизма были связаны с классовым антагонизмом, межрелигиозными рознями и противодействиями в мусульманской общине во время правления Омейядов. Это было время, когда появились первые зачатки аскетизма.

Вначале мистицизм был своего рода протестом среднего и низшего классов общества против обогащения правящего класса, и у него не было единой идеологии. Практика суфизма имеет три стадии: шариат, тарикат и хакикат. Именно большое влияние религиозных, философских учений и традиций способствовало появлению ряда произведений мистицизма. Аттор использовал в маснави лексику, связанную с религиозными понятиями, которые были очень популярны в его эпоху, для отражения учения суфизма, то есть путь практического познания, свод морально-психологических приёмов и стадий совершенствования в иносказательном стиле выражения. Таким образом, Аттор обогатил словарный состав маснави “Мантик-ут-тайр”, используя коранические термины, связанные со священными ценностями ислама и учениями суфизма. Значительную часть лексики этой группы составляют арабские религиозно-мистические слова, имеющие определенные смысловые особенности. Поэтому мы сочли необходимым учесть некоторые семантические особенности данной группы слов в данном маснави.

Исследователь К. Мухтори верно отмечает, что поэзия - это высокохудожественное или образное слово и мысль (воображение, желаемое воображение, мечтательные мысли) и функция художественного слова, художественного мышления противоположена научному мышлению” [Мухтори, 2006, с. 47]. Другими словами, при сочинении стихотворения авторс целью привлечения внимания читателя обращается к художественности и с помощью метафор и других приёмов и средств поэтического искусства доводит слово и мысль до гиперболы, что “познание

мира и то что окружает мир, основано на изучение и творческой реконструкции” [Виноградов, 1941. с.199].

По мнению этого исследователя, при анализе лексико-семантических особенностей произведений необходимо обращать внимание на научную сторону произведения, а не на художественную сущность произведения, поскольку определение художественной сущности произведения является работа литературоведов. Поэтому “при анализе религиозной лексики, в особенности религиозно-мистической лексики творчества каждого поэта, этот аспект художественного выражения следует строго принять во внимание” [Мухторй, 2006, с. 47].

Религиозная лексика и слова, выражающие религиозные учения, такие как *кофир* (неверующий), *имам*, *намаз*, *арш* (трон), *курси* (престол), *зот* (сущность), *умма* (народ), *масжид* (мечеть), *махшар* (судный день), *чаннат* (рай), *адн* (вечный рай), *Кааба*, *зохид* (аскет), *Кавсар* (Каусар – река в Раю) и т. д., имеют широкое применение в маснави..

Например, в маснави слово *дин* (религия) используется чаще других религиозно-мистических слов маснави. У Аттора это слово имеет глубокий философский смысл, способом познания Творца и вселенной, то есть путь, приводящий к осознанию единства бытия:

Кас чй донад, то дар дар ин бахри амик,
 Сангреса кадр дорад ё акик.
 Аклу чону **дину** дил дарбохтем
 То камоли заррае бишнохтем [Аттор, 2014, с.25].
 (Кто знает, что в этом глубоком море,
 Что имеет цену галька или агат.
 Мы потеряли разум, душу, религию и сердце,
 Пока познали совершенство частицы.)

Или он говорит:

Пешвоёне, ки рахбин омаданд,
 Гоху бегоҳ аз пайи **дин** омаданд [Аттор, 2014, с.26].

(Пришедшие предводители, знающие путь,
Время от времени за религией следовали.)

Или, где в разделе маснави “О достоинствах амира аль-муминина Али ибн Аби Талиба” поэт говорит:

Хочаи Ҳақ, пешвои ростин,
Кӯхи хилму боби илму қутби дин.
Сокини Кавсар, имоми раҳнамо,
Ибни амми Мустафо шеъри Худо [Аттор, 2014, с.46].
(Ходжа Истины, настоящий предводитель,
Гора терпения, врата науки и полюс религии.
Хранитель Кавсара, путеводитель молитвы,
Сын дяди Мустафы - Лев Всевышнего.)

Необходимо отметить, что “*амир аль-муминин*” (повелитель правовенных) - это титул халифов и многим других мусульманских правителей на Востоке. В маснави “Мантик-ут-тайр” Аттор использует словосочетание “амир аль-муминин” в основном по отношению к праведным халифам (араб. аль-хилафат ар-Рашидия), а именно Абу Бакру, Умару, Усману и Али.

Рифъате, к-аз рояти имон гирифт,
Аз **амир-ул-муминин** Усмон гирифт [Аттор, 2014, с.41].
(Возвышение, который он получил от знамени веры,
Получил он его от Амир-ул-муминина Усмана.)

В современном литературном и разговорном языке слова *дин* (религия), *намоз* (молитва), *куфр* (неверие), *кофир* (неверный), *чаҳаннам* (ад), *дӯзах* (ад), *тавба* (покаяние), *сирот* (мост), *ҷаннат* (рай), *биҳишт* (рай), *имон* (вера), *дуо* (молитва), *шукр* (благодарение), *масҷид* (мечеть) т.д. также широко используются и очень распространены.

Исконное таджикское религиозное слово *намоз*, синоним и элементы которого в арабском языке являются такие слова *какибодат* (поклонение), *салот*(саят, молитва) *саҷда* (земной поклон), *руку* (поклон) и *қиём* (стоять

на ногах, вставать) встречается в маснави, первоначально в разделе “Во славу Посланника Аллаха”, в котором Аттор указывает на то, что намаз стал обязательным для народа (умма) Пророка. В этом разделе слово *намоз* используется наряду с его арабскими синонимами:

Чун шуд он нури муаззам ошкор,
 Дар **сучуд** афтод пеши Кирдгор.
 Қарнхо андар **сучуд** афтода буд,
 Умрхо андар **рукуъ** истода буд.
 Солхо ҳам буд машғули **қиём**,
 Дар ташаххуд ҳам буд умре тамом.
 Аз **намози** нури он дарёи роз,
 Фарз шуд бар чумлаи уммат **намоз** [Аттор, 2014, с.32].
 (Когда появился этот величественный луч,
 Перед Творцом он стал совершать *суджуд*.
 Веками он был *суджуде*,
 И всю жизнь совершал *руку`*.
 Он также годами совершал *киям*,
 И в *ташаххуде* провел всю жизнь.
 После намаза луча того моря тайн,
 Намаз стал обязательным для всех мусульман.)

Слова *куфр* и *кофир* многократно используются в маснави и встречаются в различных ситуациях:

Боз бингар Нӯхро ғарқоби кор,
 То чӣ бурд аз **кофирон** соли ҳазор [Аттор, 2014, с.26].
 (Смотри и на Ноя, утонувшего в море мучений,
 Что ему пришлось вынести от рук неверующих.)

Или:

Муъмину **кофир** ба хун оғаштаанд,
 Бо ҳама баргашта ё саргаштаанд [Аттор, 2014, с.28].
 (Как верующие, так и неверующие истекают кровью,

Со всеми повернувшиеся и отвернувшиеся.)

В маснави также использовано производное слово *кофирӣ* (кофир + й) - безбожье:

Ишқи ганчу ишқи зар аз **кофирист**,

Ҳар ки ӯ зар бут кунад ӯ **озарист**.

Зар парастӣ будан аз **кофирист**,

Нестӣ охир зи қавми **Сомирӣ** [Аттор, 2014, с.70].

(Любовь к сокровищам и к золоту от безбожности,

Тот, кто делает из золота идола, он язычник.

Поклонение золоту - это безбожие,

Ты же не из самарянского народа.)

В вышеупомянутом фрагменте также использованы три других религиозных слов: *бут* (идол), *озарӣ* (огнепоклонник) и этно-религиозное слово *сомарӣ* (самаритянин), в котором слово *бут* относится к идолопоклонству (буддизм), слово *озарӣ* к огнепоклонникам (зороастризм) и слово *сомарӣ* указывает на кораническую историю с Золотым Тельцом, согласно которой самаритянин соблазнил людей поклоняться тельцу.

Другое религиозное слово – *чаҳаннам* (ад), таджикский синоним которого является *дӯзах* (ад), в маснави использовано 16 раз. Встречается также другой арабский синоним ада - *чаҳим* (ад):

Тавқи оташ аз барои **дӯзах** аст,

Хуш тавонад кард дар оташ нишаст.

Сар бизан Намрудро хамчун қалам,

Чун Халилуллоҳ неҳ дар оташ қадам [Аттор, 2014, с.54].

(Огненный ошейник для ада,

С радостью может сидеть над огнем.

Отсеки голову Намрудру как тростнику,

И вступи в огонь подобно Ибрахим Халилуллах.)

В другом месте:

Он дигар гуфташ, ки оташ дар раҳ аст,

Марди дӯзах нест хар к-ӯ огах аст.

Гуфт: - Агар дӯзах шавад ҳамроҳи ман,

Хафт дӯзах сузад аз як охи ман [Аттор, 2014, с.98].

(И другой сказал:- “На пути твой ад”

Не попадет в ад, тот кто осведомлен.

Ответил: «Если ад присоединится ко мне»,

Семь адов горят одним моим вздохом.)

Согласно религиозным представлениям, *ҷаҳаннам* (ад) - это место, где души грешников предаются вечным мукам в Судный день, и как сказано в Толковом словаре таджикского языка (Фарханги забони тоҷикӣ) *ҷаҳаннам* (ад) - это место грешников в загробном мире, полное огня. Аттор говорит по этому поводу:

З-оташи ҳасрат дили ношоди мо

Оташи дӯзах бибурд аз ёди мо [Аттор, 2014, с.238].

(От пламени печали наше подавленное состояние,

Унесло мысли об адском пламени.)

Слово *дуо* (молитва, мольба, заклинание) тоже имеет свое применения в маснави. В словаре термин *дуо* означает просьбу, с которым верующий обращает в Всевышнему, мольба; *гл.* а) обращать с просьбой и просить Бога; б) иногда используется в переносном смысле: проститься, прощаться, покидать (какое-либо место) [ФЗТ, 1969. с.400]. Аттор использует слово *дуо* в следующем фрагменте маснави:

Чун ба осойиш расад з-ин ёдгор

Дар *дуо* гуяндаро, гӯ, ёд дор!

Гулфишонӣ кардаам з-ин бӯстон,

Ёд доредам ба хайр, ай дӯстон! [Аттор, 2014, с.319].

(Если приобретешь покой из этой книги,

Проси у молящего благословение для меня.

Я рассыпал цветы из этого сада,

Добрый словом вспоминайте меня.)

Слово рай в маснави чаще используется в его арабском варианте *чаннат*, чем его таджикский синоним *бихишт*. Например, в разделе “Во славу второго халифа амира аль-му’минина Умара” Аттор использует словосочетание *шамъи чаннат* (свеча рая):

Он ки дорад бар Сирот аввал гузар,

Ҳаст ӯ аз қавли пайғамбар – Умар...

Шамъи чаннат буду андар ҳеч чамъ

Ҳеч касро сояе набвад зи шамъ.

Чун набӣ мездид, к-ӯ месӯхт зор,

Гуфт: - Шамъи мазҳаб аст ӯ ошкор [Аттор, 2014, с.40].

(Тот кто первымпересекет мост Сират,

По словам пророка - это Умар.

Он был райской свечой и во всех собраниях,

Не было ни одного человека, которого бы не освещала свеча.

Когда пророк видел, что печально горит он,

Отметил: - “Он бесспорно свеча религии”.)

В приведенном выше примере также использовано таджикское слово *пайгамбар*(пророк),синонимами которого являются арабские слова *наби* и *расул* и оно тоже относится к группе религиозной лексики и имеет широкое применение в маснави.

Восхваляя и прославляя пророков, Аттор описывает их достоинства и качества религиозными словами:

Юсуфи сонӣ ба қавли Мустафо,

Баҳри таквову ҳаё, кони вафо.

Кори зулқурбе ба қон пардохта,

Қони худ дар кори эшон бохта [Аттор, 2014, с.40].

(Юсуф второй, по словам Мустафы,

Море благочестия, совестливости и кладезь преданности.

От души преданный близким он,

Ради них готов отдать свою жизнь.)

Религиозное слово *имон* используется в значении вера и широко распространено в разговорной речи. Автор в рассказе о добродетелях амира аль-муминина Али ибн Аби Талиба говорит следующее:

Хочаи Ҳақ, пешвои ростин,
 Кӯхи хилму боби дину илми дин.
 Сокии Кавсар, имоми раҳнамо,
 Ибни Амми Мустафа, Шери Худо [Аттор, 2014, с.41].
 (Ходжа Истинни, настоящий лидер,
 Гора терпения, врата науки и полюс религии.
 ранитель Кавсара, путеводитель молитвы,
 Сын дяди Мустафы - Лев Всевышнего.)

Одним из наиболее часто используемых слов в этом тексте является слово *шайх* (шейх). Это арабское слово широко используется в современном литературном и разговорном языке, его первоначальное значение - старик, пожилой человек, старец, а в мистико-суфийской терминологии оно означает титул опытного духовного руководителя, почетный титул суфиев и в маснави использовано в этом значении, в частности, в рассказах “Шейх Санаана и надевание им зуннара из любви к христианкой девушке” [Аттор, 2014, с.78], “Шейх Джунайд и смерть его сына» [Аттор, 2014, с.139], “Шейх Абу аль-Хасан аль-Харакани при смерти” [Аттор, 2014, с.153], “ Шейх Ахмад Гури и Султан Санджар” [Аттор, 2014, с.159] и другие.

Например:

Шайх Санъон пири аҳди хеш буд,
 Дар камолаш ҳар чи гуям беш буд.
Шайх буд андар ҳарам панҷоҳ сол,
 Бо муриде чорсад соҳибкамол... [Аттор, 2014, с.78].
 (Шейх Санаан был пиром своей эпохи,
 Его совершенство выше всяких моих слов.
 Шейхом был он пятьдесят лет в Каабе,
 Вместе четырьмя сотнями ученых муридov.)

Слово *масджид* (мечеть) по-арабски означает место земного поклонения мусульман, молитвенный дом.

В маснави также упоминается слово Кааба, мусульманская святыня, основной центр паломничества мусульман:

Гаштаанд дар **Каъба** он соҳиб қабул,
 Бутшикан бар пуштии дӯши расул.
 Дар замираш буд макнуоти ғайб,
 3-он баровардӣ яди байзо зи чайб [Аттор, 2014, с.42].
 (Был принят в Каабу этот господин,
 Плечом к плечу с пророком он идолов сокрушал.
 В его природе были скрытие тайны,
 Благодаря чему вынул из кармана руку белой.)

В первом бейте речь идёт об Ибрахиме Халилуллохе (библейский Авраам), а во втором поэт указывает на пророка Мусы (Моисей) и на его белую руку, одно из чудес, совершенных Мусой.

В целом можно сказать, что, религиозно-мистическая лексика составляет большую часть маснави-лексикона «Мантик-ут-тайр», что вполне логично, так как шейх Аттор был одним из самых известных религиозных личностей и ярчайших поэтов - мистиков своей эпохи. Поэтому естественно, что использование религиозно-мистической лексики в его произведениях, в том числе в маснави «Мантик-ут-тайр», имеет явное преимущество перед другими лексическими группами.

3.1.2. Лексика, связанная с именами пророков и исторических личностей (антропонимы)

Все произведения религиозного и мистического содержания, включая маснави «Мантик-ут-тайр», в соответствии с исламскими традициями и обычаями начинаются с восхвалением Всевышнего и пророков и их добродетелей, четырёх праведных халифов, назиданиями и нравоучениями и

упоминанием исторических личностей. В связи с этим Аттор, прежде чем переходит к основному повествованию, которое включает в себе трудного пути духовного странствования через “семи долин познания” и достижения само- и богопознания, употребляет такие образные выражения как *ҷонофарин* (творец, дающий жизнь), *подшоҳ* (падишах, царь), указывающие на всемогущество Всевышнего и божественной сущности человека:

Офарин он **ҷонофарини** покро,
Он ки чон бахшиду имон хокро [Аттор, 2014, с.18].
(Хвала Чистейшему, дающему жизнь,
Даровавшему душу и веру земле.)

Фикр кун дар санъати он **подшоҳ**,
К-ин хама бар ҳеҷ медорад нигоҳ [Аттор, 2014, с.21].
(Подумай об искусстве этого падишаха,
Который держит все в небытие.)

Аттор упоминает в маснави имена пророков Адама, Ноя, Авраама, Самуила, Иакова, Иосифа, Иова, Иону, Моисея, Соломона, Захарию, Иоанна, Иисуса, Давида. Например, после упоминания Адама поэт о Ное и других пророков говорит следующее:

Боз бингар **Нухро** ғарқоби кор,
То чӣ бурд аз кофирон соли хазор.
Боз **Иброҳимро** бин дилшуда,
Манчалику оташаш манзил шуда.
Боз **Исмоилро** бубин сӯгвор,
Кеши ӯ курбон шудан дар кӯйи ёр.
Боз дар **Яъқуби** саргардон нигар,
Чашм карда дар сари кори писар.
Боз **Юсуфро** нигар дар доварӣ,
Бандагию чоҳу зиндон бар саре.
Боз **Айюби** ситамкашро нигар,

Монда дар Гургону Кирмон пеши дар.
 Боз **Юнусро** нигар, гум карда рох,
 Омада аз маҳ ба моҳӣ чанд гоҳ [Аттор, 2014, с.26].
 (Смотри и на Нуха, утонувшего в море мучений,
 Что ему пришлось вынести от рук неверующих.
 Смотри на Ибрахима влюбленного,
 Манджанник и пламя стали его домом.
 Смотри на Исмаила печального,
 Его баран стал жертвой на улице любимого.
 И смотри на Якуба скитальца,
 Слепленного слёзами о своем сыне.
 Смотри на Айюба угнетенного,
 Оставшегося в Гургане и Кирмане у порог.
 Смотри на Юсуфа рассудительного,
 Побывавшего в рабстве, в темнице и в тюрьме.)

Как видно в вышеприведенном фрагменте, Аттор упоминает предыдущих пророков одного за другим в первой части маснави «Мантик-ут-тайр» и что касается последнего пророка Мухаммада, то ему посвящен отдельный раздел под названием “Во славу Посланника Аллаха”:

Хочаи дунёву дин ганчи вафо,
 Садру бадри хар ду олам – **Мустафо**
 Нури олам раҳматан лилоламин
 Офтоби шаръу гардуни яқин.
 Чони покони хоки чони поки ўст,
 Чон раҳо кун офариниш хоки ўст...
 Хар ду олам бастаи фитроки ў
 Аршу курсӣ қибла карда хоки ў ... [Аттор, 2014, с.30].
 (Господин мира, религии и сокровище преданности,
 Глава и полнллуние обоих миров - Мустафа.
 Свет мира – милость миров,

Солнце шариата и подленного вселенного.
 Душа чистоплотных почва его чистой души,
 Избався от души, творение - его почва...
 Два мира прикреплены его ремнем,
 Небо и земля выбрали его почву киблой...)

Имена пророков имеют место не только в самом начале вводной части маснави, но и в рассказах и сказаний всех последующих его отрывках. Например, из числа антропономов в разделе “Начало книги”, где угод обращается к соловью, Аттор упоминает пророка Давида, почитаемого в исламе:

Чанд пайванди зи рах бар нафси шум
 Хамчу Довуд охани худ кун чу мум.
 Гар шавад ин оханат чун мум нарм
 Ту шавӣ дар ишқ чун Довуд гарм [Аттор, 2014, с.49].
 (На проклятый нафс сколько ещё привяжешься ты,
 Подобно Давуду, свой железо в воск преврати.
 Если твоё железо размягнется как воск,
 Подобно Давуду согреешься в любви.)

Такие аллюзии очень часто встречаются в рассказах и притчах маснави, в которых упоминаются пророки и различные сказания, связанные с ними. В разделе “Слово о Тазарве” имя пророка Юсуфа приведено в качестве примера, которому прежде чем удостоиться высокого звания пророка и стать царем Египта пришлось пережить жизненные невзгоды, в том числе тюрьму и яму:

Хамчу **Юсуф** бигзар аз зиндону чоҳ,
 То шавӣ дар Мисри иззат подшоҳ.
 Гар чунин мулке мусаллам оядат,
Юсуфи сиддик ҳамдам оядат [Аттор, 2014, с.50].
 (Как Юсуф пройди через тюрьму и яму,
 Чтобы стать в почетном Египте царем.)

Если в подобную страну будешь править ты,
Искренний Юсуф станет твоим задушевым другом.)

Ввиду того что в маснави имеются большое количество антропонимов, связанных с именами пророков, сподвижников и исторических персонажей, мы сочли целесообразным разделить их имена на следующие группы и дать краткие комментарии:

1. Имена пророков;
2. Имена четырех праведных халифов
3. Имена религиозных лиц;
4. Имена исторических персонажей.

Как упоминалось выше, в маснави использованы имена пророков, имеющие еврейское происхождение: *Иаков* [Аттор, 2014, с.26], *Захария* [Аттор, 2014, с.27], *Давид* [Аттор, 2014, с.49]), *Моисей* [Аттор, 2014, с.35], *Иона* [Аттор, 2014, с.26], *Иисус* [Аттор, 2014, с.27], *Авраам* [Аттор, 2014, с.26], *Иосиф* [Аттор, 2014, с.50], *Соломон* и другие.

Многие из этих имен также упоминаются в Священном Коране и сейчас очень распространены в таджикской традиции именования и включены в лексический состав таджикского языка.

Маснави также упоминает имя Пророка и четырех халифов Рашидин, которые имеют арабское происхождение: *Мухаммад Мустафа* [Аттор, 2014, с.31], *Абу Бакр Сиддик* [Аттор, 2014, с.39]), *Умар Фарук* [Аттор, 2014, с.40], *Усман Зуннурейн* [Аттор, 2014, с.40], *Али ибн Абу Талиб* (настоящая форма Абу Талиб в маснави Аттора использовано в форме Абитолиб [Аттор, 2014, с.41]. Вышеупомянутые имена также вошли в лексику таджикского языка и широко и имеют широкое применение.

Имя пророка ислама также упоминается в маснави в форме Ахмада [Аттор, 2014, с.37]) и Мустафы:

Хочаи дунёву дин ганчи вафо,
Садру бадри ҳар ду олам **Мустафо**.
Нури олам раҳматан лилоламин,

Офтоби шаръу гардуни якин.
 Чони покон хоки чони поки ўст,
 Чон раҳо кун, офариниш хоки ўст.
 Хочаи кавнайну султони хама,
 Офтоби чону имони хама... [Аттор, 2014, с.31].
 (Господин мира, религии и сокровище преданности,
 Глава и полнолуние обоих миров - Мустафа.
 Свет мира – милость миров,
 Солнце шариата и подлинного вселенного,
 Душа чистоплотных, почва его чистой души,
 Избався от души, творение - его почва.
 Ходжа двух миров и повелитель всего,
 Солнце каждой души и веры.)

Следует отметить, что имена четырех праведных халифов в маснави упоминается и восхваляются каждый в отдельности. Арабское слово *халифа* (халиф, наместник) – титул исламского правителя, преемника пророка Мухаммада, как верховного главы мусульманской общины.

Амир аль-му'минин Абу Бакр был первым халифом пророка ислама, и его прозвище было Сиддик, что в “Словаре таджикского языка” (Фарханги забони тоҷикӣ) означает следующее: 1) очень честный и верный человек; 2) верующий, тот, кто верит в Бога, тот, кто полностью искренен с Аллахом и Его Посланником [ФЗТ, 1969. с.233].

Умар - второй наместник пророка Мухаммада, упомянутый в маснави как «свеча рая», а Фарук - его прозвище, который был величайшим праведником после Посланника Аллаха, умеющий отличить харам (запретного) от халяля (разрешенного) в исламе.

Кори ў аз адли дин анчом ёфт,
 Нили Миср аз зилзила ором ёфт.
 Шамъи чаннат буду андар ҳеч чамъ,
 Ҳеч касро сояе набвад зи шамъ.

Чун Набй мездид, к-ӯ месӯхт зор,
 Гуфт: -Шамъи чаннат аст ӯ ошкор! [Аттор, 2014, с.40].
 (Он дела совершал по справедливости религии,
 Нил в Египте обрел спасение от землетрясения.
 Он был райской свечой и во всех собраниях,
 Не было ни одного человека, которого бы не освещала свеча.
 Когда пророк видел, что печально горит он,
 Отметил: - “Он бесспорно свеча религии!”.)

Усман аз-Зуруннайн описывается в маснави как «Владыка двух истинных светов», указывая на то что он супруг двух дочерей Пророка:

Хочаи суннат нури мутлак аст,
 Бал худованди ду нури бархак аст.
 Он ки ғарки баҳри ирфон омадаст,
 Садри ирфон **Усмони** Аффон омадаст [Аттор, 2014, с.40]
 (Владелец Суны - абсолютный свет,
 Более того он владыка двух истинных светов.
 Тот, кто утонул в море мистики,
 Глава ирфана - Усман сын Аффана.)

Али, четвертый халиф, был двоюродным братом и зятем Пророка Ислама, в адрес которого Посланник Аллаха сказал: “О, Али, у нас ты заслуживаешь того высокого положения, что Аарон занимал у своего брата Моисей”. В нижеследующем фрагменте маснавы Аттор описал его со следующими качествами:

Хочаи ҳақ пешвои ростин,
 Кӯхи ҳилму боби илму кутби дин.
 Соқии Кавсар, имоми раҳнамо,
 Ибни амми Мустафо шери Худо.
 Муртазои Мучтабо, чуфти Батул,
 Хочаи маъсуму домоди расул... [Аттор, 2014, с.41]
 (Ходжа Истины - настоящий предводитель,

Гора терпения, врата науки и полюс религии.
 Хранитель Кавсара, путеводитель молитвы,
 Сын дяди Мустафа - Лев Всевышнего.
 Сын Муджтаба, супруг Батула,
 Безгрешный господин, зять посланника.)

В рассказах и сказаниях маснави также упоминаются имена многих известных мистиков и шейхов, в том числе: *Шейх Сан'ан* [Аттор, 2014, с.78], *Баязид* [Аттор, 2014, с.99], *Шейх Нукани* [Аттор, 2014, с.107], *Шейх Джунаид* [Аттор, 2014, с.139], *Малики Динар* [Аттор, 2014, с.123], *Рабиа* [Аттор, 2014, с.127, 189], *Мансур Халладж* [Аттор, 2014, с.139], *Абу Али Туси* [Аттор, 2014, с.194], *Шейх Абу Саид Абу аль-Хайр* [Аттор, 2014, с.148], *Шейх Абу аль-Хасан аль-Харакани* [Аттор, 2014, с.153], *Шейх Ахмад Гури* [Аттор, 2014, с.159], *Имам Ахмад Ханбал* [Аттор, 2014, с.162], *Шибли* [Аттор, 2014, с.116], *шейх Абу Бакр Нишапури* [Аттор, 2014, с.177] и другие. Эти известные религиозные персонажи часто используются для подчеркивания и подкрепления идеи бескорыстной любви к Богу.

Другая группа включает имена известных исторических личностей, которые упоминаются в маснави в отдельном рассказе или в нескольких рассказах: *Султан Махмуд* [Аттор, 2014, с.102, 174...], *Аббас* [Аттор, 2014, с.119], *Султан Санджар* [Аттор, 2014, с.159]. Например, в рассказе Султана Махмуда поэт описывает следующую историю:

Гуфт: - Рӯзе шох **Махмуд**, аз казо,
 Уфтода буд аз лашкар чудо.
 Бодтак меронд танҳо бе яке,
 Бар лаби дарё бидидаш кӯдаке ... [Аттор, 2014, с.102]
 (Сказал: - Однажды шах Махмуд, по иронии судьбы,
 Оторваший от войско свое.
 Гнал скакуна он наедине,
 На берегу реки мальчика увидел он...)

Цитируя такие истории, Аттор дает полезные советы о справедливости правосудия в управлении государством, правдивости и порядочности, которые воспроизводятся от рассказа к рассказу. Например, в одном из рассказов известная женщина - мистик Биби Рабия Басри (мурид Хасана аль-Басри, соратница Великого имама Абу Ханифы) восхваляется следующим образом:

Чун набошад ошике чун **Робиа**,
 Кай шиносад кадри сохибвокеа.
 То ту мегардй дар баҳри фусул,
 Мавҷ мехезад аз радду қабул... [Аттор, 2014, с.110].
 (Пока не станешь таким влюбленным, как Рабия,
 Не оценишь по достоинству владельца события.
 Пока ты плаваешь в этом море бушующем,
 Поднимаются волны от отрицания и принятия.)

Таким образом, опираясь на коранических сюжетах, пророческих хадисах и древних мудростях, Аттор в “Мантик-ут-тайр” выражает глубокие суфийские мысли видения весьма искусно и уместно в рассказах и сказаниях посредством выразительных художественных образов. Воззрения Аттора, изложенные в маснави на изящном и понятном языке, имеют высокое нравственно - воспитательное значение. Широкое использование религиозно-мистической лексики, а также религиозно-мистических терминов более четко отражает научную сущность произведения и создало благоприятную основу для широкого использования таких слов и терминов в трудах пост Атторных мистиков, таких как Джалолиддин Балхи и другие.

ГЛАВА II

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ “МАНТИК-УТ-ТАЙР”

2.1. Полисемические особенности слов

Современный таджикский литературный язык, являющийся неотъемлемой частью и логическим продолжением персидского дари языка, воплощает в себе лучшие традиции нашего классического языка. В этой связи высоко ценится вклад поэтов, ученых, писателей и мыслителей классической и современной литературы в становление, развитие и расширение литературного языка.

Поэтический язык это совокупность языковых средств через которых автор выражает свои мысли и идеи при создании художественного произведения. Красочное изображение и сущность художественного произведения проявляются в языке и стиле писателя, и оба являются важными условиями идейного содержания художественного произведения. Поэтому при исследовании художественной литературы нецелесообразно акцентировать внимание только на идейное содержание и не учитывать анализ языковых и стилистических особенностей произведения. Изучение языка и стиля художественного произведения, прежде всего, позволяет полностью и точно определить идейное содержание произведения, авторское своеобразие стиля и выразительности, нравственно-воспитательные, духовные и национальные аспекты произведения и художественный замысел писателя.

Кроме того, большое значение имеет изучение лексических, смысловых и стилистических особенностей классической художественной литературы для совершенствования мастерства и навыка, а также творческого роста молодых и малоопытных авторов. Огромный вклад в становление и развитие классического и современного таджикского литературного языка внесли великие мастера нашей уникальной литературы начиная с Рудаки, Фирдоуси, Низами, Носири Хусрава, Саади, Хафиза, Саная, Аттора, Мавлана Балхи,

Джами и других до известных писателей и мастеров слов современности таких как Садриддин Айни, Мирзо Турсунзода, Сотим Улугзода, Джалал Икромӣ, Фазлиддин Мухаммадиев, Мумин Каноат, Лоик Шерали, Бозор Собир, Абдулхамид Самадов, Бахманёр, Сорбон, Саиф Рахими Афарди и др. Изучение художественного мастерства, словесных и семантических нововведений, различных аспектов творчества таких поэтов и писателей, особенно изучение и анализ языка и стиля их литературных произведений чрезвычайно важно для духовного возрождения, национального самопознания и защиты духовных ценностей, знание родного языка, а также уважения государственного языка, наряду с реальной политической независимостью страны.

Анализ языка и отдельных аспектов художественного произведения не только дополняет изучение произведений, но и облегчить задачу исследователя в раскрытии многих идейных художественных аспектов произведения и его интерпретацию посредством лингвистического анализа. Язык художественного произведения анализируется и исследуется в зависимости от цели, поставленной исследователем.

Изучение языка и стиля художественной классической литературы в таджикском языкознании началось в конце 20-х - начале 30-х годов XX века. Интерес лингвистов к изучению языка художественной классической литературы был обусловлен необходимостью составления учебных пособий и первых учебников по грамматике таджикского языка. Потому что для составления таких школьных и университетских учебников была необходима научная доказательная база на основе произведений известных поэтов и писателей.

Начиная с середины 1950-х гг. в таджикском языкознании в направлении исследования языка и стилистических особенностей произведений классической литературы возник новый подход к предметному и систематическому изучению языка и стиля отдельных поэтов и писателей. Другими словами, в таджикском языкознании открылась совершенно новая

страница в деле всестороннего изучению языка произведений классической и современной литературы. Несомненно первой серьезной и углубленной научной работой в этом направлении является важное и скрупулёзное исследование известного таджикского ученого Носирджона Масуми “Очерки развития таджикского литературного языка” – “Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик” (1959). В данной работе исследуются язык и стиль повести С. Айни “Смерть ростовщика”. В этой работе Н. Масуми анализирует лексические особенности повести, включая использование исторических и устаревших слов и фраз разговорного, литературного, арабского, узбекского и русского языков, устойчивые обороты речи и выражения, а также морфологические и синтаксические особенности повести и подчеркивает мастерство устода Айни в отборе и употреблении лексики [Маъсумӣ, 1959). с.26-27].

По словам Н. Масуми, “главная особенность стиля выражения писателя является строгое соблюдение простоты и плавности синтаксиса и устод Айни стремился к тому чтобы литературные и книжные формы приобрели всеобщий характер в разговорной речи и общеупотребляемые формы разговорного языка вошли в норму литературного языка, полностью и точно отражая общее развитие таджикского языка и он ввел эти общеупотребляемые формы в литературный язык, и в совокупности с свойственным ему языку и стилю способствовал развитию и совершенствованию таджикского литературного языка, художественной прозы и ее стили” [Маъсумӣ, 1959. с. 27].

Другая книга Н. Масуми «Язык и стиль Ахмади Дониша» посвящена проблемам таджикского литературного языка в конце XIX - начале XX векови усилиям просветителей этого периода во главе с Ахмадом Донишем по упрощению таджикского языка. При обширном исследовании данного вопроса автор высоко оценивая усилия просветителей под руководством Ахмади Дониша по упрощению языка, отмечает, что эти усилия не смогли полностью решить эту проблему.

С этого времени, то есть с конца 50-х годов, на тему языка художественных произведений с точки зрения стилистики был написан ряд работ и монографий, в том числе монографии таджикских исследователей Р. Гаффорова (Язык и стиль Рахима Джалиля по роману “Бессмертные люди” (1966) и Б. Камолиддинова (Язык и стиль Хакима Карима (1967) и др.

Все слова любового языка как лексическая единица имеют смысловое значение, и «большинство слов языка могут иметь не только одно, а несколько лексических значений и способны служить для обозначения разных предметов, действий, признаков и количеств». [Мухторӣ, 2006. с.73]. Кроме того, под лексическим значением слова скрыта тональность, чувство, отношение, которое требует художественного вкуса и интуицию говорящего и слушателя. Лингвист И.В. Арнольд рассматривая столь сложную взаимосвязь значений лексических единиц, информацию речи в зависимости от ситуации и условий коммуникаций разделяет на два типа: Первый тип – информация, содержащая на уровне слов, имеющих денотативное значение, не связанных с обстановкой акта коммуникаций. Второй тип информации содержащая в словах, выражающих коннотивные значение, связанных с условиями и участниками акта коммуникаций и складывающихся из эмоционального, экспрессивного и оценочного компонентов. [Арнольд, 1973. с.105].

Фактически, эти два компонента слова во взаимодействии друг с другом способствуют расширению его лексического значения.

Среди таджикских исследователей - лингвист А. Муминов при изучении семантического феномена слов рассматривал именно эти два компонента и очень основательно и детально описывал их в своих научных исследованиях. Например, слово «сар» (голова) в таджикском языке приобрело много значений благодаря существованию такого явления [Муминов, 1972. с.7-8].

Другой таджикский ученый, профессор Х. Маджидов, изучив специфику семантических особенностей слов, справедливо отмечает: «Важным аспектом семантических слов является то, что они отражают в одном слове

разные стороны реальных событий и их значения связаны между собой».] [Мачидов, 1997. с.7]. Этот признак многозначности с разными оттенками значения слов, имеет тесную и неразрывную связь с текстом. Русский исследователь Н. Шанский также справедливо отмечает: «Для определения такого признака слова, как многозначности, большое значение имеет текст; вне текста значение слова можно определить только приблизительно [Шанский, 1964. с.35].

Раздел лингвистики, изучающий значение слова, называется семасиология. Семасиология (греч. *semasia* - значение, выражение + *logos* - учение) - это наука о значении слова. Другими словами, этот раздел лингвистики изучает законы существования и развития значений слов, взаимосвязь между значениями, взаимосвязь с понятиями, названиями и миром человеческих эмоций и желаний, как выверенная система. [Мачидов, 2007. с.8].

Семантика - раздел лингвистики, изучающий значение языковых единиц (слов, грамматических форм слов, фразеологизмы, фраз, предложений) тоже является синонимом семасиологии.

Тема, обсуждаемая в этой главы диссертации является изучение семантической структуры маснави «Мантику-т-тайр» Аттора, которая была исследована во взаимосвязи с семантическими закономерностями.

Как отмечалось в первой главе диссертации, Фаридуддин Аттор - один из самых выдающихся поэтов таджикско-персидской суфийской литературы, который занимает важное место в истории таджикской общественной мысли с его богатым наследием. Мистическо-суфийские произведения Аттора, особенно его маснави «Мантик-ут-тайр», «Илохинома», «Мусибатнома», «Мухторнома», «Асрорнома» охватывают литературные и философские вопросы и созданы в суфийской дидактической традиции. Особенности художественного стиля произведений этого великого мастера слова и ученого привлекли внимание не только литературоведов, но и лингвистов простотой, плавностью и мелодичностью языка. С этой сочки зрения

творчество шейха Аттора Нишапури, которое полно мудрых назеданий и советов, помимо литературных и философских исследований, также требует обширного лингвистического изучения и анализа.

Можно сказать, что отличительной чертой творчества Аттора является то, что он выражает большую часть своих философских и мистических идей, в том числе в “Мантик-ут-Тайр” на основе толкования аятов Корана и хадисов. Следовательно, красоту и красноречие языка Аттора можно определить, изучив стилистические и семантические особенности “Мантик-ут-тайр”. Бегло взгляд на богатое наследие мистицизма подтверждает, что авторы суфийской литературы, наряду с созданием своих ценных произведений, также внесли ценный вклад в развитие персидско-таджикского литературного языка. Другими словами, в те далёкие времена когда таджикский персидский язык из-за политических событий противостоял нашествию арабского и тюрских языков, создание таких бесценных произведений поэтами мистиками, показавшими величие и огромный научный и литературный потенциал нашего языка сам по себе является доказательством беспрецедентной службы наших легендарных мыслителей, ученых и поэтов той эпохи. Возникновение и распространение суфийских и мистических терминов в лексическом составе литературного языка связан с приобретением новых значений общеупотребительной лексики.

Прежде чем мы приступим к рассмотрению данного раздела, то есть к изучению стилистических особенностей слов, считаем необходимым в начале раздела прояснить несколько моментов относительно термина “суфизм” и самого течения суфизма, еще одним его синонимом которого является термин “мистицизм”.

С момента зарождения ислама до наших дней существует 12 основных тарикатов (братств), практикующие аскетизм, а также путь духовного совершенствования и познание истинной божественной реальности. Как было сказано выше, согласно научным источникам, “Мантик-ут-тайр” состоит из

45 рассказов и одного заключения и разные письменные варианты этого маснави состоят примерно из 4800 бейтов.

По мнению исследователей, маснави “Мантик-ут-тайр” основан на главной суфийской доктрине единства бытия (вахдат-аль-вуджуд) и Аттор простим и плавным языком, использует захватывающие и привлекательные рассказы – притчи, изложенные в беседах птиц во главе удода для выражения суфийских идей и воззрений. Помимо всего “Мантик-ут-тайр” - это первая аллегорическая и мистическая поэма, “ в которой трудности духовного пути по достижению цели описаны посредством красочных аллегорических образов” [Аттор, 2014, с.9]. По мнению таджикского философа А. Мухаммадходжаева, согласно познавательной концепции суфизма, цель творения человека – это познание Всемогущего Бога и тот, кто ступит на путь самопознания, должен прежде всего пройти этапы шариата и тариката, чтобы достичь хакиката (истины). Данная концепция также основана на священном хадисе: “Тот кто познал себя, познал своего Господа”.

Согласно Аттору, тарикат состоит из семи долин: *талаб* (искание), *шик* (любовь), *ма`рифат* (познание), *истиғно*, (удовлетворенность, состоятельность), *тавхид* (единение), *факру фана* (нищета и уничтожение). Аттор в аллегорической поэме рассказывает историю о том, как группа птиц отправилась на поиски Симурга под руководством удода. Во время путешествия в результате наводнений, дождей, молний и других припятствий и невзгод некоторые птицы гибнут, а другая часть из числа соловьи, куропатки, утки и горлицы при виде прекрасных цветочных садов, зелёных лугов и прелестных гор и обворожительных лесных массивов поддаются на соблазн отказываются от продолжения поиска Симурга. И в конце только тридцать из них достигли цели:

Сй тани беболу пар, ранчуру суст,

Дил шикаста тан шуда, чон нодуруст.

Ҳазрате диданд бе васфу сифат,

Баргар аз идроку ақлу маърифат [Аттор, 2014, с.298].

(Тридцать птиц без крыльев и перьев, слабых и истащенных,
 Разочарованных, при смерти и разбитым телом.
 Увидели господина без качеств и описаний,
 Выше всякого понимания, разума и познания.)

Когда тридцать птиц посмотрели на стороу Симурга, они увидели, что они сами все тридцать птиц и есть Симург и когда они взгляд обращали на себя, этими тридцатью птицами был Симург.

В связи с этим профессор А. Мухаммадходжаев пришел к выводу, что цель Аттора донести до адресата мысль о том что в результате самопознания, то есть очистившись от личных пристрастий и привязанностей и, украсившись всеми достойными качествами, путник (салик) осознает, что то тайное сокровище, которое он искал дневно, неделями, месяцами и годами, и изо всех сил стремился к нему – он сам. То есть именно самопознание ведет к богопознанию и оннаходитцель в своем сушетсве. [Мухаммадхочаев, 2012. с.170-171].

Таким образом, изучение лексики и семантических особенностей этого маснави в качестве текста и материала письменных источников средневекового таджикского языка поможет определить лингвистические особенности таджикской персидской суфийской литературы XI-XII веков. К тому же, изучение языка “Мантик-ут-тайр” и анализ его лексико-семантических особенностей может способствовать обогащению лексического состава и основного словарного фонда таджикского языка.

Следует отметить, что стилистические и семантические особенности “Мантик-ут-тайр” Аттора не были должным образом изучены лингвистами. В этом разделе диссертации рассматриваются полисемические особенности слов, омонимы (паронимов), антонимы, синонимы и их свойств, лексический повтор и метафора и их типы, используемых в маснави “Мантик-ут-тайр”.

2.2. Особенности омонимов

Омонимы, которые в современной таджикской лингвистике также называют *ҳамгунаҳо* (одинаковые) представляют собой группу слов, похожих по форме (написанию и произношению), но имеющих разное значение. Слово “омоним” происходит от греческого языка и состоит из двух смысловых компонентов *homos* “одинаковый, один и тот же” и *опута* “имя” [Мухаммадиев ва диг., 1997. с.19-28].

Известно, что на протяжении веков в результате длительного взаимодействия и соприкосновения языки развивались, обогащались, а иногда претерпевали изменения с точки зрения лексического состава. Этот процесс происходит в вследствие культурных контактов между народами и способствует возникновению семантических отношений в лексике близкородственных языков. В этом смысле в книге “Лексика современного таджикского литературного языка” сказано следующее: “Как и сам язык, его лексический состав является продуктом длительного исторического процесса, в результате которого возникают разные семантические отношения как и внутри отдельных слов, так и между словами определенного языка или родственных языков” [14]

Одной из важных особенностей омонимов является то, что они появляются не только в результате фонетической конвергации (совпадении) слов, но и в вследствие семантической дивергации (расхождении) значений или потери определенных значений слов. Кроме того, существуют различные способы происхождения омонимов в таджикском языке, некоторые из которых мы рассмотрим на основе лексического состав маснави “Мантик-ут-тайр” Аттора.

Например:

Аршро бар об бунёд ӯ ниҳод,

Хокиёнро умр бар **бод** ӯ ниҳод [Аттор, 2014, с.18].

(Он установил трон на воде,

Передал ветру жизнь землян.)

Во втором строке в слово *бод* (ветер) является омонимом, потому что его первоначальное и исходное значение – ветер, а в данном случае использовано в переносном значении – “разрушать”, “уничтожать” и “разрушать”. Слово “бод” (ветер) имеет и другие оттенки значения: *Зинда бод!*, *Муборак бод!*- Да здравствует! Поздравляю! (пусть - форма повелительного наклонения), *ҳар чи бодо бод!* (будь что будет) и “боду буд” - в сложной форме означают прошлое и настоящее времени, а компонент “бод” в таких композициях означает - быть, будь. Кроме того, слово *бод*, как одноименное слово во втором компоненте составных слов может также означать название болезни: *сурхбод* (краснуха), *тарбод* (ревматизм), *сиёхбод* (разновидность ракового заболевания) и так далее.

В Толковом таджикском языке описаны восемь значений слова-омонима “*бод*”: 1. поток воздуха, ветер, дуновение ветра; 2. легкий ветерок, бриз, зефир; 3. *пер.* будь (*нов.* от быть); 4. вздутие живота; 5. *пер.* ничто, никакой; 6. высокомерие, гордыня, самомнение; спесь 7. *муз.* тон, лад и 8. *нов.* сокращенная от *бошад* (пусть будет) [ФЗТ, 1969. с.189-190], которые омонимичны друг другу.

В маснави “Мантик-ут-тайр” омоним “*боз*” используется в нескольких смыслах. Например, в первых строках двух нижеследующих бейтах “*боз*” употребляется в значении опять, снова, ещё:

Ҳар кас аз ту нишоне дод **боз**,
Худ нишон нест аз ту, ай донои роз! [Аттор, 2014, с.21].
(Тот, кто подал знак от тебя снова,
Сам не твой знак, о знающий тайны.)

Боз Яҳёро нигар дар пеши чамъ,
Зор, сар бибрида дар таште чу шамъ [Аттор, 2014, с.27].
(Еще посмотри на Йахья перед сборищем,
С отрубленной головой на блюде, печальный как свеча.)

В следующем бейте слово омоним “боз” используется в значении “открытый”, “раскрытый”, “отворенный”, которое отличается от его первоначального значения:

Буд то шаб хамчунон рӯзи дароз,
 Чашм бар манзар, дахонаш монда **боз** [Аттор, 2014, с.81].
 (Просидел он весь долгий день до ночи,
 Устремил взор на горизонт, разинув рот.)

Другое значение слова “боз”, которое встречается в “Мантик-ут-тайр” - это название очень распространенной птицы - охотничий сокол.

Боз пеши чамъ омад сарфароз,
 Карда з-асрори маонӣ парда **боз** [Аттор, 2014, с.65].
 (Явился сокол на собрание с поднятой головой,
 Открыл завесу тайны смыслов.)

Как видно из вышеприведенного бейта, в первой строке “боз” означает хищную птицу с крючкообразным крюком и сильными когтями (как шахин и ястреб), которая охотится на мелких птиц и животных. Во второй строке слово “боз” использовано в значении “открытый”, и оба слова омонимичны друг другу.

Слово “дех”, который происходит от древнеперсидского **dahyu**-дай (основа настоящего времени глагола додан (давать), в первой строке следующего бейта является омонимом , потому что слово *дех* означает деревня, село, селение, хотя они одинаковы по звучанию, но оба разные по значению слова:

Заррае дардам дех, ай дармони ман,
 З-он ки бе дардат бимирад чони ман [Аттор, 2014, с.30].
 (Дай мне немного боли, о, мое исцеление,
 Ибо без твоей боли погибнет душа моя.)

Во второй строке другого бейта маснави одноименное слово омоним *назм* означает порядок, правило, первоначальное значение которого -

нанизать жемчужину; украшать, нарядить, а третье значение этого слова – поэзия, стихотворение. Имеет также значение - пар, туман [ФЗТ, 1969. с.826].

З-он ки бе кишвар бувад чун подшоҳ,
 Назму тартибе намонад дар сипоҳ [Аттор, 2014, с.52].
 (В стране, остающейся без падишаха,
 Порядка и дисциплины не будет в войсках.)

В таджикском языке также есть омонимы, которые принадлежат разным частям речи и совпадают по фонетической структуре, но их разные значения не имеют ничего общего. Например, существительное “дур(р)” – жемчуг, перл, самоцвет и прилагательное “дур” – далекий, дальний, долгий являются омонимами. И нижеследующем примере слово “дур” в сочетании с отрицательной формой глагола *бытв маснави* употреблено в значении далекий, недалёк, то есть близко.

Он ки “бисмиллох” дар минкор ёфт,
 Дур набвад, гар басе асрор ёфт [Аттор, 2014, с.52].
 (Тот, кто будет носить на клюве «бисмиллах»,
 Не за горами день, когда он узнает все тайны.)

В “Словаре таджикского языка” описаны несколько значений этого слова, которое в отдельном пятом значении обозначает “дор” (виселица) и в шестом значении – большой жемчуг, жемчужина [ФЗТ, 1969. с.389].

В двухследующих байтах Аттор использовал слово “дур”, как прилагательное в значении – далёкий, дальний, отдалённый:

Лек рохе чун дарозу дур буд,
 Ҳар касе аз рафтани рафтани буд [Аттор, 2014, с.55].
 (Но так как дорога была длинна и далека от цели,
 Всем было трудно отправиться в путь.)

Беҳтар он бошад, ки чун мурғон зи дом,
 Дур мебошем аз ҳам, вассалом! [Аттор, 2014, с.59].
 Лучше, как птицы из ловушки,

Держаться нам подальше друг от друга, и всё!

В следующем примере слово омоним «*дур!*» (удались, отойди!) относится к повелительному наклонению глагола; начальная форма *дур шудан* – удалиться, отойти:

Шайхи суфй гуфт: - Эй марди сабур,

Медихй хече ба хече? Гуфт: **Дур!** [Аттор, 2014, с.112].

/Шейх суфий спросил: - О, терпеливый человек!

Отдашь ли задаром? Прочь! - ответил он.)

В другом примере слово *кул(л)* использовано в значении полный, совершенный, абсолютный, который также имеет употребляется в значении все, всё, весь.

Гар ту хастй марди **кул**, кулро бубин,

Кул талаб, **кул** бош, **кул** шав, **кулро** гузин! [Аттор, 2014, с.60].

Если ты целостный человек, так не смотри части,

Желай целого, будь целым, стань целым, выбери целое.)

В первой строке вышеупомянутого бейта словосочетание “*марди кул*” имеет мистическое значение и означает “совершенный человек, совершенное существо, идеальный человек”. Во второй строке первое слово омоним “кул” указывает на объект познания (абсолютной Истины), а следующие повторившиеся слова “кул” с глаголом в повелительном наклонение означают “будь совершенным”, “стань совершенным” и “выбери совершенство”.

Во второй строке следующего бейта “дида”, как слово омоним означает “глаз”, другое значение которого причастие прошедшего времени “видевший”, образованное от основы глагола “*дидан*” (видеть).

Сурхминқору шафакпӯш омада,

Хуни ӯ дар **дида** аз чӯш омада [Аттор, 2014, с.62].

(С красным клювом и в ярком одеянии она прибыла,

Словно кровь в её глазах кипит.)

В приведенном ниже примере слово *хеш* использовано в своем первоначальном значении “свой”, “сам”. Оно также употребляется в значении “родственник”, “родной”, “родня”, а также означает грубая льняная ткань из которой изготавливают ковры, занавески. Другое значение этого слово -яро – деревянный хомут для упряжки рабочего рогатого скота, синонимом которого является турецкое слово “юг” (“иго”):

Аз ғуломонаш ба зинат беш дошт,
Доиман дар пеши чашми **хеш** дошт [Аттор, 2014, с.67].
(Ставил его превыше других рабов,
Постоянно перед своими глазами его держал.)

Во второй строке следующего бейта слово омоним “фарк” (существительное) означает макушку головы и пробор. Другое его значение отличие – качественное различие чего-то от своего аналога, свойство выделяющее один объект от других объектов.

З-он ки сеbero хадаф кардї мудом,
Пас ниходи себ бар **фарки** мудом [Аттор, 2014, с.67].
(Ибо он всегда вместо мишени,
Ставил яблоку на голову рабу.)

Слово *дон* основа настоящем времени глагола *донистан* (знать) в нижеследующем примере используется в значении “знай” и в другом значении *дон*- сокращенная форма существительного *дона*, означающего семя и зерно. Оно также как значимая часть слова служит для образования существительных, предназначенных для чего-либо и пространство содержащее что-то, например, *яхдон*, *чойдон*, *ширдон*... (холодильник, чайница, молочник..).

Соџи мурғони олам сар ба сар,
Соџи он аст, **дон**, ай бехабар [Аттор, 2014, с.73].
(Лиц всех птиц мира до единого,
Его тень, знай, о несведующий.)

В следующем бейте используется слово “*кашф*”. “**Кашф**” в толковых словарях означает: 1. открывать, выявлять, обнаруживать; 2. раскрывать тайны, расшифровать, разгадать будущего. В данном случае слово “кашф” использовано в значении раскрывать что-то, приоткрывать завесу, выводить наружу:

Ҳам амал ҳам илм бо ҳам бор дошт,
 Дар аён ҳам **кашфу** ҳам асрор дошт [Аттор, 2014, с.78].
 (Его деяния и знания имели плоды,
 В явном имел и раскрытие тайны.)

Слово “*кашф*” имеет и другие значения: 1. распространяться, расширяться; 2. открытость, распространненность; 3. выражать; описать; 4. веселость, радость, открытость.

В следующем бейте Аттор дважды использовал слово омоним “баст”, которое может обозначать разные по значению слова, но одинаковые по произношению и написанию: 1. прибежище, место, где люди находят убежище при опасности; 2. плотина, водораздельное сооружение; место, где распределяется речная вода; 3. *ист.* доля воды, которое распределось между людьми; 4. узел; 5. связка, вязанка; 6. узел волос; 7. ограждение вокруг города, крепость. Однако в первом строке данного бейта “баст” (начальная форма от *бастан*(завязать) – инфинитив, прошедшее время) означает “влюбиться”, “отдать сердце”. Во втором строке слово “баст” использовано в значении завязать [ФМ, 157]. Также сегодня слово “*баст*” в таджикском языке приобрело новое значение с его русским эквивалентом “смена”, означающее промежуток времени: *баст*(смена) в отдельности и *басти дувум* (вторая смена), *басти аввал* (первая смена), *басти сонӣ* (следующая смена) в составе изофетных словосочетаний:

Ҳар ки дил дар зулфи он дилдор **баст**,
 Аз хаёли зулфи ӯ зуннор **баст** [Аттор, 2014, с.79].
 (Тот, кто влюбился в кудры этой красавицы,
 Завязывал зуннар из-за ее кудры.)

Слово *савдо* – это тоже слово омоним, которое совпадает по написанию с другими словами и расходится по значению: 1. черная желчь (савда) - один из первоэлементов человеческого организма (желтая желчь, мокрота, кровь, черная желчь), который имеет черный цвет и составляет основу жизни в учениях древней медицины. 2. безумная влюбленность, любовь. 3. иметь сильное желание, несбыточное желание; потребность; 4. меланхолия, тоска, раздражительность. Другое значение слова *савдо* - это торговля, торг и купля-продажа [ФЗТ, 1969. с.168-169]. В следующем бейте, где речь идет о любви шейха Санаана к красавице христианке, слово *савдо* использовано в значении безумной влюбленности, сильного влечения:

Хар чй будаш, сар ба сар нобуд кард,
 3-оташи **савдо** дилаш пурдуд шуд [Аттор, 2014, с.80].
 (Все что имел, он уничтожил всецело,
 От пламя любви, его сердце окутолось дымом.)

В другом бейте слово омоним *савдо* имеет совсем иное значение: протестовать; возмущаться, восставать, поссориться. Этот бейт из рассказа о безумце, который промышляет о бытие и неизбежности смерти:

Хуккае, ки сар барнихода мо дар ū,
 Мезанем аз чахли худ **савдо** дар ū [Аттор, 2014, с.160].
 Штукатулка, в которой мы себя закрыли,
 От глупости мы вступаем в баталии.)

Или слово “бун” в следующем бейте означает конец, край, окраина, то есть использовано в смыслеу этого пути нет ни конца, ни начала. Омоним “бун” имеет и другие значения: 1. низ, дно, дныще; 2. основа, корень, основание; 3. нумератив при счёте растений; 4. поколение, продолжение рода (корни, родословная).

Гӯ дар ин раҳ инчунин афтад базе,
 Дар чунин раҳ, ки на **бун** дорад на сар [Аттор, 2014, с.91].
 (Скажи на этом пути такое случается часто,
 На таком пути, что не имеет ни конца и ни начала.)

Омоним “*арак*” – пот, испарина; водка, продукт перегонки (имя существительное) в следующем бейте использовано в значении пот, испарина, жидкость, выделяемая из тела:

Ҳамчу гул аз хуни дил оғашта буд,
В-аз хичолат дар **арак** гум гашта буд [Аттор, 2014, с.95].
(Словно цветокон покрылся кровью сердца,
И от стыда он весь утонул в поту.)

Слово “арак” в маснави встречалось только в трех местах и во всех трех случаях использовано в значении пота:

Васфи ӯ дар гуфт чун ояд маро,
Чун **арак** аз шарм хун ояд маро [Аттор, 2014, с.39].
(Мне трудно описать словами его,
Как пот моя кровь капает от стыда.)
Рафт ғозӣ з-ин сухан аз чойи хеш,
Дар **арак** гум дид сар то пойи хеш [Аттор, 2014, с.200].
Не по себе стал воинуот этих слов,
С головы до ног в поту, он увидел себя.)

Омоним *бор* в следующем байте в сочетании с предлогом *ба* и глаголом *орад* (начальная форма *овардан* – *приводить, приносить*) использован в значении приносить плоды, давать результаты, давать урожай:

Менадонист ӯ, ки чони бекарор,
Дар даруни ӯ чӣ тухм орад ба **бор** [Аттор, 2014, с.96].
(Не ведала она, что эта беспокойная душа,
Внутри нее что за семя приносит плод.)

Первое значение слово омонима *бор* (груз, багаж) – это объект, перевозимый кем-то и чем-то из одного места в другое. Второе значение: *пер.* тяжесть, гнёт, обуза, горе, печаль. Омоним *бор* имеет и другие значения: плод, плоды, фрукты; результат, эффект; аудиенция, в составе глагола: получить аудиенцию (короля), давать аудиенцию, быть принятым. В следующем стихе это слово означает тяжесть. Также в таджикском языке

“бор” употребляется в форме повелительного наклонения, выражающая приказ, просьбу и совет (инфинитив: *боридан – литься, лить*). Например: *Борон бибор, борон бибор, Дар дашту сахро интизор* - Лейся дождь, лейся дождь. Ждут с нетерпением степи и долины (*фолк.*). В нижеследующем бейте слово омоним “бор” использовано в значении тяжелой бремени:

Сар фурӯ бурд аз андухе, ки дошт,
 Пушт зери он **бори** кӯхе, ки дошт. [Аттор, 2014, с.212].
 Отпустил он свою голову вниз от горя,
 Под этой тяжелой ночью своей.)

Во следующем бейте слово омоним “бор” с добавлением артикля **-е** имеет другое значение, распространенное в таджикском языке и означающее раз, однажды, как-то:

Гар надорӣ шодие аз васли ёр,
 Хезу **боре** мотаму хичрон бидор [Аттор, 2014, с.212].
 (Если от воссоединения с любимым ты не рад,
 Встань и хоть раз будь трауре от разлуки.)

В другом бейте в качестве средство выразительности использовано слово *шаст*. В толковых словарях это слово описано в разных значениях: 1. шестьдесят (имя числительное). 2. большой палец руки или ноги. 3. быстро, быстрый, немедленно. В нижеследующем бейте омоним *шаст*(имя существительное) означает рыболовные снасти и это слово в Словаре таджикского языка (Фарханги забони тоҷикӣ) имеет следующие описания: металлический стреженёк с загнутым концом для рыбалки, рыболовный крючок, крючок, удочка [ФЗТ, 1969. с.571]. Омоним *шаст* в таджикском языке также означает быстрое движение, большая скорость: *бо шаст давидан* – бегать с большой скоростью; *мошин аз шасташ монд* - машина сбросила скорость:

Дар буни дарё фиканда буд **шаст**,
 Шаҳ саломаш карду дар пешаш нишаст [Аттор, 2014, с.102].
 (Бросавшего рыболовную сеть на дно реки,

Приветствовал ему шах и присел рядом с ним.)

В словаре слово *пир* (имя существительное) означает старый, старик, пожилой, а в суфизме – наставник, лидер, муршид, руководитель тариката и в использованное в нижеследующем бейте слово омоним *пир*соответствует мистическому значению:

Пир бояд рохро танхо марав,
 Аз сари амё дар ин дарё марав [Аттор, 2014, с.104].
 (Пир необходим тебе на пути, не иди один,
 Не бросайся вслепую в это море.)

В первой строке следующего бейта слово *хор* является омонимом, первое значение которого означает: колючий кустарник, заостренный вырост на стебле растений, шип, колючка, соломинка. Второе его значение: призренный, низкий, ничтожный, жалкий, несчастный, обездоленный [ФЗТ, 1969. с.493]. В этом бейте использовано его второе значение:

Буд дар кунче яке девона **хор**,
 Пеши ӯ шуд он азизи номдор [Аттор, 2014, с.110].
 (На краю дороги сидел безумец униженно,
 К нему подошел человек знатный один.)

Также “*хор*” – это форма повелительного наклонения: *хор* или *бихор* – *чеши* (инфинитив хоридан - чесать).

В приведенном ниже примере использовано слово-омоним “дам”, первоначальное значение которого – дыхание, другое его значение – дуновение, дуновение ветра, ветер, легкий ветерок. Употребляется онов значении время, пора, звук, крик, шум и ряд других значений в составе словосочетаний. Слово “дам” также означает острую часть режущего инструмента, остриё, лезвие и обладает книжным лексическим значением кровь и переносным значением красное вино. Имеет также широкое употребление в значении температуры, теплового состояния воздуха, то есть степень повышения температуры воздуха (имруз ҳаво дам шудааст - сегодня поднялась температура воздуха).

В следующем бейте во второй строке слово омоним “дам” использовано дважды, в первом случае означает молчать, не говорить, перестать говорить: *дам мазан – молчи* (повелительное наклонение, инфинитив *дам назадан – молчать*). Во втором случае “дам” означает сильная духота колодца:

Юсуфӣ, парҳез кун аз ин чоҳи жарф,

Дам мазан, к-ин чох **дам** дорад шигарф! [Аттор, 2014, с.127].

(Ты - Юсуф, избегай этой ямой глубокой,

Молчи, не возражай, в этой яме сильная духота.)

Или:

Хок бар вай гашта буду рӯзгор,

Бо ду **дам** оварда кораш сахт зор [Аттор, 2014, с.214].

(Покрыт был землей в тот момент он,

От духоты его состояние было угнетенным.)

Во второй строке приведенном выше бейте слово “дам” означает время, обстоятельство. Слово омоним “дам” в таджикском языке также имеет значение: надуваться, вздуться, подняться, наполняться воздухом. Например: “гов дам кард - корова вздулась ...”; “то ба кай шикамат варам кардагӣ мегардӣ” – “до каких пор будешь ходить с раздутым животом (без дело)”, также означает гнев, например: “Ҳа, боз дам карда нишастай, гап намезанӣ?” – “Что ты снова дуешься, сидишь и не разговариваешь?”. Кроме этого имеет значение готовить, заварить: заварить чай, пропарить плов.

В первой строке следующего бейта слово *зер* является омонимом, основное значение которого - низ, дно, под, а второе значение: *касра* – подсрочный знак в арабском графике таджикского языка, обозначающий краткий гласный звук *и*. В форме фраз и словосочетаний он выражает разные значения. Используется также в значении: тонкий, нежный звук; высокая нота в музыкальной системе. В нижеследующем бейте использовано в изъявительном наклонении *зер кард*– *придавил*, (прошедшее время от глагола *зер кардан* - давить, придавить в низ):

Ишқ омад ақро дар **зер кард**,

Бедилеро низ аз чон сер кард [Аттор, 2014, с.135].
 (Пришла любовь подчинила его разум,
 Насытила сердце влюбленного.)

Как было отмечено одной из причин появления лексических омонимов - это распад многозначного слова. Например, “дор” – “виселица” существительное (сооружение для исполнения смертной казни в прошлом); “дор” – “канат” существительное (сооружение, используемое в цирке канатоходами); “дор” – “держи” форма повелительного наклонения (от инфинитива “доштан” – “иметь”, “держат”...). Лексикограф К. Тохирова считает, что первые два примера слова «дор» первоначально семантически были связаны с повелительной формой «дор» и со временем их тождественные значения расходились.

Даст аз иктои ӯ кӯтоҳ дор,
 То набошад ӯро бо ту хеч кор! [Аттор, 2014, с.122].
 Держись подальше от его владений,
 (Чтобы ему к тебе не было дел.)

Лек марди роздори роздон,
 Кай кунад густохии ӯ, шарм дор! [Аттор, 2014, с.166].
 (Но посвященный в тайну хранитель,
 Разве проявит дерзость, ты стидись!)

В таджикском языке омоним “хар” – “осёл” имя существительное (название животного рода лошадей) и “хар” форма повелительного наклонения глаголения – купи (от глагола “харидан” – “покупать”) и в следующем примере слово омоним “хар” использовано в значении осла:

Рафт сӯи осиеву хуш бихуфт,
 Чун бихуфт он мард, холе хар бирафт.
 Гург он харро бидарриду бих(в)ард,
 Рузи дигар гашту товон хост мард. [Аттор, 2014, с.169].
 (Пошел он на мельницу и там приятно заснул,

В то время пока он спал, осёл оторвался.
 Волк задрал осла и съел его,
 На следующий день хозяин стал требовать возмещения.)

В другом бейте омоним “пул” употребляется в своем первоначальном значении, то есть сооружение из дерева, кирпича и других материалов в виде потолочной балки для перехода через реку или водоёмов и пр. Он также имеет переносные значения. Второе значение слово “пул” в словаре описано в значении: наличные деньги, золото, серебро, бумажные деньги и металлические монеты, которые выполняют функцию средства платежа и обращения и меры стоимости в торговле [ФЗТ, 1969. с.91].

Ҳар киро ӯ ҳаст, кулл ӯро бувад,
 Ҳафт дарё зери пул ӯро бувад [Аттор, 2014, с.189].
 (У кого Он есть, у того и есть целое,
 Семь морей под мостом у него.)

Иногда омоним встречается в форме словосочетания, например, во второй строке следующего бейта “мазан” в сочетании со словом дам использован в значении не говори, не открывай рот, молчи. В этом данном случае вместо отрицательной частицы “на” использовано “ма”:

Ғар ту маҷруҳи дам аз олам мазан,
 Доғ менеҳ бар ҷароҳат, дам мазан! [Аттор, 2014, с.195].
 (Если ты ранен о мире не рассуждай,
 Сожги рану и храни молчание.)

Также “мазан” как омоним в таджикском языке в форме повелительного наклонения выражает просьбу: ӯро мазан, ӯ гуноҳ надорад – не бей его, он не виноват. Другая его форма – “назан”. Также в этой форме выражает команду, приказ: Мазан! (Не бей!)

В таджикском языке “рон” (“бедро”) в основном значении обозначает верхнюю часть ноги человека или животного от тазобедренного сустава до коленного. Однако в следующем бейте Аттора слово омоним “рон” в форме повелительного наклонения (от инфинитива “рондан” – “погонять”)

использовано в значении “погонять”, “вести”, “управлять”, “привести в движение”. Другие значения глагола “**рондан**” в Словаре таджикского языка описаны следующим образом: гнать, отгонять, прогонять, ехать верхом, погонять коня; *пер.* исполнять, выполнять, осуществлять, управлять [ФЗТ, 1969. с.143]:

Сўйи Лайли **рон** рама, ман дар миён,
 То бубинам рўйи Лайли як замон [Аттор, 2014, с.205].
 (Погони стадо в сторону Лейли, я в середине,
 Чтобы я смог увидеть лицо Лейли ненадолго.)

В следующем бейте омоним “**ифлос**” используется для обозначения бедности, нужды, нужды, бедности, лишений. В классической литературе это словоупоминается только в этом значении. Но сегодня в таджикском языке слово “ифлос” приобрёл новое значение: грязный, нечистый, харам; *пер.* намёк на плохого, гнусного человека, нечистый на руку человек.

Ишқу **ифлос** аст дар ҳамсоғӣ,
 Ҳаст ин сармоёи бемоягӣ [Аттор, 2014, с.206]
 (Любовь и нищета живут в соседстве,
 Это состояние несостоятельности.)

Омоним **васл** и **висол** в следующем бейте употреблен в значении соединение, сближение, свидание.. В сочетании с глаголом кардан (делать) означает: связывать, скреплять, склеивать, закрывать, пленить [ФЗТ, 1969. с.227].

Сози **васл** аст он чи дориву бас,
 Сабр кун бо дарди ҳичрон як нафас [Аттор, 2014, с.207].
 (Довольно испытывать в гармоническое соединение,
 Потерпи и боль разлуки одно мгновение.)

Чун бинои **васли** ту бар асл буд,
 Ҳар чӣ кардам бар умеди **васл** буд.
 Васл бояд, ошноӣ ёфтад,

Чанд хоҳам дар ҷудой тофтан [Аттор, 2014, с.105].

(Соединиться с тобой было истинная цель,

Всё что, я сделал, было основано в надежде присоединиться.

Нужно единение и близость с тобой,

До каких пор мне горит в разлуке.)

Слово **висол**, описанное в значении соединиться, свидание и встреча влюбленных встретился в маснави только в трех случаях:

К-аз хушии чаннату завқи **висол**,

Ҳоли худ гӯянд, то худ чист хол [Аттор, 2014, с.237].

(Что от радости рая и восторженности соединения,

Расскажут свое состояние и что есть состояние.)

В следующем бейте для оживления повествования слово “**хокӣ**” тоже использовано как омоним, который происходит от слова “**хок**” (почва, земля) и основное значение омонима “**хокӣ**” означает земное, появившееся от почвы и цвета хаки (серовато-зелёный), но в переносном значении означает смиренный, скромный, земной. В данном случае использовано в значении серовато-зеленого цвета (хаки):

Нестӣ хокистару **хокӣ** тамом

Ҷумла оташрезие бар сар мудом! [Аттор, 2014, с.212].

(Ты ни пепла и ни следа от тебя не остался,

Огонь льется тебе постоянно на голову.)

В таджикском языке есть слова одиноковые по написанию, но имеющие разные семантические оттенки, которые проясняются в контексте. Например, в следующем бейте слово **банд** означает: 1. часть тела, сустав, но он также имеет другие значения: 2. средство соединения чего-либо; узел; верёвка, цепи, оковы. В форме фразы **банд андохтан**: а) связать, завязать, завязать узел; б) *пер.* колдовать, зачаровывать, ворожить; 3. Пленение, задержание, заключение в тюрьме; **банд сохтан**: арестовать, заключить в тюрьму. 4. препятствие, преграда, забор, стена. 5. замок, бородка ключа; 6. хитрость, обман, уловка; притворство, лицемерие. 7. оковы, путы, сеть, плетенка,

ловушка; 8. связь, зависимость, отношение, соединение; 10. *пер.* идейная зависимость; **банди тааллук**: мирская привязанность, привязанность к мирскому; 11. пояс, кушак. 12. часть, раздел, пункт, составная часть или глава произведения [ФЗТ, 1969. с.138-139]. Также в форме “банд кардан” – означает: бронировать, забронировать место.

Аз тапидан сушт шуд пайванди ӯ,
В-аз чахидан сахттар шуд **банди ӯ** [Аттор, 2014, с.217].
(От трепетания ослаблы ее суставы,
От прыжков она больше увязалась (в мёд).

В следующем бейте слово “**мот**” означает сильно изумиться, поражаться. “**Мот**” также имеет следующие значения: 1. Изумленный, удивленный. 2. получать мат, ситуация когда король находится под шахом (в шахматной партии). 3. побежденный. **Мот кардан** - победить; **мот шудан** – быть пораженным.

Гум шавад аз роҳи хайрат махву **мот**
Беҳабар аз буди худ в-аз коинот [Аттор, 2014, с.225].
(Заблудится он в сильном изумлении,
Остываясь в неведении о своем существовании и вселенной.)

Слово “**дар**” в следующем примере является омонимом и в первоначальном значении оно означает вход в помещение и фраза **дари баста** означает закрытую, запертую дверь. В сочетании с предлогами и другими частями речи он выражает другие оттенки значения: **дар кӯфтан** – сатучать вдверь (глагол); **дар ба дар** – из дома в дом, скитание; **аз дар рондан** – выставить за дверь, выгнать и т. д. Слово “**дар**” в таджикском языке также означает предлог “в” (“на”), выражающий пространственные и временные отношения:

Бар **дари баста**чу бинишинӣ басте,
Ҳеҷ шак набвад, ки бикшояд басте [Аттор, 2014, с.230].
(Если долго сидеть у закрытой двери,
Безусловно кто-то и откроет тебе дверь.)

В другом примере слово “**корам**” от корня “**кор**” (“**работа**”) с лично-притяжательным окончанием **-ам** и послелогом **-ро** означает “**моя работа**”, “**мое дело**”, а “**кор**” имеет значение **дело, работа, действие, занятие; деяние, профессия**. Слово “**кор**” также является основой настоящего времени глагола **коридан, коштан** и означает **сеять, сеять**.

Нест **корамро** на поёе, не саре,
 Не калидам буд харгиз, не даре [Аттор, 2014, с.230].
 (Нет начала и конца моих дел,
 Не было никогда у меня ни ключа и ни двери.)

Слово омоним “**айн**” в первой строке следующего бейта является мистическим термином, означающим **сущность, суть, сущность и реальность долины**, но “**айн**” также выражает: 1. **глаз, око**; 2. **источник, ключ**. 3. **название двадцать первой буквы арабо-таджикской письменности, которая по абджаду имеет цифровое значение 70**. [ФЗТ, 1969. с.50]:

Айни ин водӣ фаромӯшӣ бувад,
 Гунгиву карриву беҳушӣ бувад [Аттор, 2014, с.232].
 (Суть этой долины забвение,
 Немота, глухота и безчувствие.)

Обычно в поэзии больше используется сокращенная форма слова, как того требует система стихосложения. Например, в следующем бейте **бурд** основа прошедшего времени глагола **бурдан** (везти, нести) с существительным **рӯ** (лицо) означает **повернуться, обернуться**.

Охируламр аз миёни он сипоҳ,
 Кам касе рӯ бурд то он пешгоҳ [Аттор, 2014, с.242].
 (В итоге из этой стаи птиц,
 Мало кто добрался до порога.)

Слово омоним **бедил** в словаре означает: 1. **страстно и безумно влюбленный, очарованный; беспокойный** 2. **недружелюбный, неласковый, неохотный, ленивый**; 3. **малодушный, трусливый, робкий**. В нижеследующем

бейте **бедил** в значении любви подразумевает любовь не земную, а божественную:

Гуфт, - инам бас, ки ман – **бедил** мудом,

Гар дар ӯ нарсам, дар ӯ бирсам тамом [Аттор, 2014, с.245].

(Сказал: - Мне достаточно, что я - постоянно влюбленный,

Если и не достигну я Его, то в нем исчезну навсегда.)

В маснави “Мантик-ут-тайр” также есть паронимы, которые возникали по требованию законов поэтического искусства, например, слово **дурбош** (слуга, открывающий дорогу царю) и форма повелительного наклонения глагола “**дурбош**” (сторонись!) .

З-он бувад дар пеши шохон **дурбош**,

К-эй шуда наздики шохон **дур бош!** [Аттор, 2014, с.67]

(И потому при царей есть слуги,

И ты, кто приблизился, держись от них подальше.)

Таким образом, изучение омонимов, используемых в этом маснави, показывает, что их количество меньше, чем количество синонимов, но они имеют определенную сферу и специфические формы употребления. Омонимы в маснави встречаются как в виде таджикских слов, так и в виде арабских слов.

2.3. Особенности антонимов

Научные исследования таджикских лингвистов показывают, что лексические антонимы являются одним из наиболее развитых явлений таджикского литературного языка. Природа во всех ее проявлениях, как естественная среда обитания общества и само общество тесно связанная с ней обладают своими противоречивыми законами, которые являются объектом рассмотрения разных наук в соответствующей области. В лингвистике такая противоречивость существует в виде лексических антонимов, то есть словесных противоречий, так как язык представляет собой разнообразное и сложное явление. Можно сказать, что посредством использования антонимов выражаются различные противоположные лексические значения. Более подробная информация о лексических антонимов в таджикском языке представлена в работах М. Мухаммадиева, Х. Маджидова, Х. Талбаковой, Қ. Тохировой, Ю. Нурмухаммадова, Ш. Кабирова, Р. Раззокова.

Лексические антонимы, по мнению лингвиста Х. Талбаковой, являются одной из важнейших категорий языка и играет важную роль в прояснении понятий, описании различных противоречивых событий и явлений реальной жизни людей. В природе и обществе, в повседневной жизни людей противоречия попадают на каждом шагу. Именно эти противоречия часто выражаются через антонимы, которые являются неотъемлемой и диалектической частью природы и общества [Талбакова, 2000. с.6].

Материальный мир в основе своей состоит из противоречий и именно противоречие как внутренний источник развития способствует движению и изменению общества, противоречие – это критерия существования реальной жизни. В языкознании тоже антонимия, как феномен словесного противоречия тоже имеет место быть и значению этого термина дана научное истолкование.

Согласно словарному описанию, антонимы (производные от греческих слов *anti* «против» и *onyma* «имя») - это слова, которые используются для выражения противоречивых значений [Тохилова, 1967. с.21]. Или слова, различные по написанию и имеющие противоположные лексические значения, которые образуют часть лексического состава таджикского языка, как семантическая категория.

Другими словами, разные аспекты семантической системы языка очень глубоко выражаются в форме другого другого явления – антонимия или семантическая противоположность. Антонимия, как и явление полисемии и синонимии, охватывает все уровни языка, и поэтому в лингвистике, помимо фразеологических антонимов, существуют морфологические, синтаксические виды антонимов.

Лексические антонимы - очень развитое явление таджикского языка. По мнению профессора Х. Маджидова, они имеют прямое отношение к процессу противоречивых событий природы общества, выражаемые в законе единства и борьбы противоположностей и отражают противоречия реального мира в форме лексических средств выразительности. [Мачидов, 2007. с.82]. Это явление, то есть лексических антонимы широко используется Аггатором в зависимости от ситуации и изображаемого объекта.

В языке имеет место случаи, когда со временем одни слова сохраняют свои противоположные значения, а другие образуют новые слова с противоположными значениями. Антонимы занимают ведущее место в классической таджикской литературе, особенно в поэзии.

В связи с тем, что теория противоречия привлекала внимание ученых с древних времен, в маснави “Мантук-ут-тайр” Аггатора встречаются много антонимов и использование такого противопоставления слов придают мистическим идеям и понятиям особую яркость и выразительности.

В первый раздел этой главы рассматривалось место омонимов в маснави, и результат анализа антонимов показал, что их количество в маснави больше, чем омонимов. В этой связи выразительность и

насыщенность философских и мистических идей Аттора лишней раз доказывают, что диалектические противоречия в природе, как один из главных вопросов философии, существуют в виде антонимов и их изучает раздел языкознания - лексикология.

В маснави “Мантик-ут-тайр” есть обилие антонимов, которые противоречивы по своей сущности и противоречат друг другу.

Кроме того, в зависимости от их принадлежности к той ли иной части речи, антонимы встречаются среди существительных, прилагательных, глаголов, а также наречий. Исходя из этого, мы пытаемся классифицировать и анализировать их в этом разделе:

Существительные-антонимы: *дӯзах-биҳишт* (ад-рай), *шоҳ – гадо* (царь-нищий), *об-хушкӣ* (вода-суша), *куфр – имон* (неверие-вера), *суд-зиён* (прибыль – убыток), *шамс – қамар* (солнце-луна), *фано – бақо* (смерть-бессмертие), *ҷузв-кулл* (часть-целостность), *инкор – иқрор* (отрицание-признание), *зоҳир – ботин* (наружность-внутренность), *дӯст-душман* (друг-враг), *ҷафо-вафо* (мучение-доброжелательство), *мурда-зинда* (мертвец - живец), *бадӣ-неқӯӣ* (зло-доброе дело).

В следующем бейте Аттор использует антонимы *дузах* и *биҳишт* (ад и рай) для описания степени влюбленности влюбленного. В описании Аттора степень влюбленности от такой любви достигла такого предела, что для влюбленного нет разницы между раем и адом:

Ишқи ту бо чони ман дар ҳам сиришт,

Ман на **дӯзах** донам инчо, не **биҳишт** [Аттор, 2014, с.186].

(Твоя любовь смешалась с моей душой,

Ни о аде, ни о рае я здесь знать не хочу.)

Существительные-антонимы *шоҳ* и *гадо* (царь и нищий) использованы в следующем бейте наряду с прилагательными-антонимами *ноқис* и *комил* (неполный и полный):

Гар **гадо** в-ар **шоҳ** чумла мераванд,

Ноқисукомил дигаргун мешаванд [Аттор, 2014, с.145].

(Если отправятся все нищие и имущие,
Изменяются несовершенные и совершенные.)

В следующем бейте использованы антонимы *хона* (дом) и *вайрона* (руина), которые имеют противоположные значения, то есть первом случае в значении благоустроенного жилища, а во втором развалины:

Не нухуфте будашу не **хонае**,
Окибат мерафт то **вайронае** [Аттор, 2014, с.169].
(Ни убежища и ни дома попадалось ему,
Наконец он добрался до развалины.)

В Маснави многократно и уместно используются слова *шамс* и *камар* (солнце и луна), возникновение которых является одним из самых спорных моментов в мистицизме как противоположные друг другу небесные светила, появляются днем и ночью:

Булачаб, хаффош гуфт:-Ай бехабар,
Ман чй хохам кард ин **шамсу камар!** [Аттор, 2014, с.161]
(Забавно, О несведующий: - сказал летучая мышь.
И какое дело мне до солнца и луны!)

В следующем стихе поэт описывает состояние влюбленного для которого любовь предпочтительнее чем *куфр* и *имон* (неверие и верование) и эти слова имеют противоположные значения. Здесь речь идёт не только о земной любви, но и божественной, которая является мистическим путем к познанию:

Мункаре гар гӯяд ин, бас мункар аст,
Ишк, гӯ, аз **куфру имон** бартар аст.
Ишкро бо **куфру** бо **имон** чй кор?
Ошиқонро бо тану бо чон чй кор? [Аттор, 2014, с.77]
(Если отрицающий скажет, что это грех,
Скажи: - Любовь выше неверия и веры.
Какое дело любви до веры и неверия?
Какое дело волюбленным до души и сердца.)

При описании безудержного и безумного состояния влюблённого, Аттор также использует противоположные по значению слова *куфр* и *ислом* (неверие и ислам) и *суд* и *зиён* (прибыль и убыток, польза и вред), которые придают стиху больше выразительности и эффекта, то есть поэт использует в одной строке парные антонимы очень уместно и красиво со своеобразной яркой и красивой мистической интонацией:

Дар рахи ишки ту хар ч-ам буд, шуд,
Куфру ислому зиёну суд, шуд [Аттор, 2014, с.89].
 (На пути к твоей любви, я потреял все что имел,
 Неверие, ислам, вред и пользу.)

В другом примере в одной строке использованы две пары слов антонимы, одна *куфру дин* (неверие и вера) и *другая кофириву диндорӣ* (безбожие и набожность), которые в обоих случаях выражают противоположные значения, то есть безбожность и набожность:

Куфр кофиррову дин диндорро,
 Заррае дардат дили Атторро [Аттор, 2014, с.30].
 (Неверие неверному, вера верующему,
 Аттора душа частичка твоей боли.)

В следующем бейте использованы существительные – антонимы *чузв* и *кулл* (часть и целосность) – философские категории, выражающие единство, заключающее в себе целостность и частность:

Чун набурд аз анбиёву русул,
 Ҳеч кас як **чузв** пай аз **кулли кул** [Аттор, 2014, с.23].
 (Даже и пророки и посланники,
 Не нашли ни одной частицы целого.)

В маснави Аттор иногда использует существительные - антонимы, один из которых является результатом другого, и их противоположность есть фактором их существования. Например, когда *ахтар* (звезда, светило) гаснет, исчезнет его свет и превращается в пепел:

Мурғу ҳезум хар ду чун ахтар шаванд,

Баъди **ахтар** низ **хокистар** шаванд [Аттор, 2014, с.142].

(Птица и хворост становятся звёздами,

После этого звезды превращаются в пепел.)

Прилагательные – антонимы, как выразительное средство также занимают важное место в мистических и философских идей Аттора. Например, такие прилагательные - антонимы как *қувват -очиз* (сила-слабый), *ширинӣ – талхӣ* (сладость-горечь), *талхтар-ширинтар* (горче-слаще), *куҳна – нав* (старый-новый), *тир – барно* (старый-молодой) и т.д. исползуются в обилие и придаютоособуюисключительность и неповторимость богатому языку маснави.

Основная стилистическая функция прилагательных антонимов заключается в выражении противоречивой сущности внутреннего мира человека, предметов и явлений и в маснави встречаются в следующих примерах:

Ман надорам **қуввату** бас **очизам**,

Инчунин раҳ пеш н-ояд харгизам [Аттор, 2014, с.106].

(У меня нет сил и очень беспомощен,

И со мной такое никогда не случится.)

Лексические антонимы *қувват* и *очиз* (сила или слабый) в первой строке вышеупомянутого бейта имеют противоположные значения и выражают внутреннее состояние человека.

В своем маснави Аттор по своему ощущению бейте использует несколькопротивоположных по значению слов, которые дополняют содержание друг друга. Например, в следующем бейте слово *ширинӣ* (сладость) используется в сочетании со словом сахар, который тоже является сладким по своему качественному признаку и противопоставлено словам *талхӣ* и *туришӣ* (горечь и кислотность):

Ҳам ба **ширинӣ** шакарро кард сайд,

Ҳам ба **талхӣ** ҳар **туришро** қайд кард [Аттор, 2014, с.134].

(И по сладости слаще сахара,

И по горечи превосходит кислого вкуса.)

Или в другом бейте при сравнении вкуса воды из кувшина и воды из рекитоже используются такие антономические пары, как *ширин* и *талх* (сладкий и горкий):

То чаро **талх** аст оби хум инчунин,

В-он дигар **ширинтар** аз ангубин [Аттор, 2014, с.144].

(Почему вода в кувшине так горька

А другая, что в реке - слаще мёда?)

В другом байте прилагательные антонимы *кухна* и *нав* (старое и новое), которые соотносятся по временному признаку, связаны между собой союзом –у (**и**):

Дар фуруғи ишқ чун ночиз шуд,

Кухнаву нав рафту ӯ ҳам низ шуд [Аттор, 2014, с.176].

(Когда в сиянии любви он исчез,

И старое, и новое ушло как он сам.)

Наречия – антонимы также используются в этом маснави вместе с другими видами антонимов.

В маснави широко встречаются наречия – антонимы, выражающие временные и пространственные признаки, которые являются конструктивным элементом формирования повествования и усиления мистических идей данного произведения. Антонимы *рӯз* и *шаб* (днем и ночью) **субҳ** и **шом** (утром и вечером) - это наречия - антонимы времени, которые широко применяются в маснави:

Бист **рӯз** аз **субҳидам** то вақти **шом**,

Рақс мекардию мегуфтӣ мудом... [Аттор, 2014, с.182].

(Двадцать дней от рассвета до ночи,

Танцевал ты и постоянно повторял...)

Не қарораш буд **шаб**, не **рӯз** ҳам,

Дам назад аз гиряву аз сӯз ҳам [Аттор, 2014, с.57].

(Находился он в суете днем, и ночью,
Не переставая плакать и горевать.)

В этом случае антонимы утро - вечер и день - ночь обозначают время действия. В следующем примере в первой строке используются наречия днем и ночью, а во второй строке – наречия *пешу пас* (впереди и сзади):

Рӯзу шаб пайваста лашкар мерасад,
Яъне *ӯ* аз **пешу пас** дармерасад [Аттор, 2014, с.121].
(Днем и ночью постоянно поступают войска,
То есть они прибывают со всех сторон.)

В двух нижеприведенных бейтах также использованы антонимические пары днем и ночью, выражающие временные противопоставления:

Ту бимонда **рӯзу шаб** хайрону маст,
То дихам як зарраат з-ин лоша даст [Аттор, 2014, с.123].
(Ты днем и ночью был пьяным в изумлении,
Чтобы я дал тебе кусочек этой падали.)

или:

Варна чун ман ҳазорон хушклуб,
Мебимирад дар рахи *ӯ* **рӯзу шаб** [Аттор, 2014, с.69].
(Иначе таких как я тысячи жаждующих,
На его пути умрут днем и ночью.)

В следующем бейтеиспользованы наречия *фароз* и *фуруд* (наверху и внизу), которые имеют противоположные значения и являются антонимичными парами:

Сабзпӯшон дар **фарозу** дар **фуруд**,
Чумла пӯшиданд аз мотам кабуд. [Аттор, 2014, с.93].
(Одетые в зеленом ангелы наверху и внизу,
От скорбы переделались в синее.)

В первой строке следующего бейта антонимичные пары *боло* и *паст* (высоко и низко) использованы для контрастного изображения

расположения неба и земли, а во второй строке антонимичные пары *нест* и *хаст* (существует и не существует) для отрицания или утверждения воды:

Гуфт: Бошад ду чaxon **болову паст**,
 Катрае об аст, на **несту** на **хаст** [Аттор, 2014, с.61].
 (Эти два мира, что и наверху и внизу – ответил он,
 Будто капля воды, есть она или нет.)

В следующих бейтах вместе с антонимичными парами *баланд* и *паст* (высоко и низко) используется антонимичные пары, принадлежащие к имени существительного: *баландй* и *пастй* (высота и низина). Антонимичные пары *баландй* и *пастй* в сочетании с ключевыми понятиями суфизма *чону тан* (душа и тело) в философском смысле указывают на то что душа расположена на высоте, а тело или плотнаходится внизу на земле:

Чон **баландй** дошт, тан **пастй** зи хок,
 Мучтамеъ шуд хоки пасту чони пок [Аттор, 2014, с.24].
 (Душа находилась на высоте, а тело в низину земли,
 Соединились низкая земля и чистая душа.)

Чун **баланду паст** бо хам ёр шуд,
 Одамй уьчубаи асрор шуд [Аттор, 2014, с.24].
 (Когда подружились высокое и низкое,
 Человек стал чудом тайн.)

В первой строке нижеследующего бейта использованы антонимические пары *амну хатар* (*спокойствие, мир и опасность, угроза*), где языковым материалом являются имена существительные, а во второй строке наречия – антонимы *фарозу шеб* (наверху и внизу) носят философский смысл и указывают на жизненные невзгоды и радости:

Мавзеи **амну хатар** донистай,
 Хам **фарозу шеби** ин рах дидай [Аттор, 2014, с.100].
 (Ты узнал надежные и опасные места,
 И увидел подъёмы и спуски пути.)

В маснави наряду с другими антонимами, принадлежащими к разным частям речи, также широко использованы глагольные антонимы.

Глагольные антонимы: **пайдо шудан** (обнаружиться) - **гум шудан** (потеряться), **кабул кардан** (принимать) – **рад кардан** (отказать), **ёфтан** (найти) – **наёфтан** (не найти), **тавба кардан** (раскаиваться) – **гунаҳ кардан** (грешить), **раванда** (идуший, отходящий) – **бозоянда** (приежающий), **даромадан** (входить) – **баромадан** (выходить).

В следующем бейте Аттор использовал глагольные антонимичные пары *гум шудан* (потеряться) и *пайдо шудан* (обнаружиться, оказаться):

Гоҳ-гоҳаш ҳолате **пайдо шудӣ**,
Гум шудӣ аз худ касе, к-он чо шудӣ [Аттор, 2014, с.182].
 (Иногда у него было такое состояние,
 Потерялся бы в себе, кто там оказался.)

Противопоставлении жизни и смерти в маснави Аттора реализовано глагольными антонимичными парами *даромадан* и *баромадан* (входить и выходить), которые изображают состояние, когда душа входит в человеческое тело и покинет его и только посредством разума человек может понять суть бытия:

Гар **дароиву буруной** зи х(в)ад,
 Сӯйи маънӣ раҳ ёбӣ аз хирад [Аттор, 2014, с.51].
 (Если войдешь в себе и покинешь себя,
 Мудростью найдешь путь к понятиям.)

Глагольные антонимы, приведенные в первой строке следующего бейта с отрицательной частицы «на-» - **насӯхтан** и **насохтан** (не горить – не создать) использованы в мистическом значении и их стилистической функции являются экспрессивное выражение тернистого и трудного пути достижения чистоты посредством терпения:

То **насӯзиву насозӣ** ҳамчу шамъ,
 Дам мазан аз поксозӣ пеши чамъ [Аттор, 2014, с.155].
 (Пока не сгоришь и не создаешь как свеча,

Не говори перед толпой о самопожертвовании.)

В первой строке следующего примера поэт для создания контраста прибегает к антонимичным парам *қабул* и *рад* (принятие и отказ), выражающие противоположные действия:

Бо **қабулу рад** маро худ нест кор,
Мекашам фармони ўро интизор [Аттор, 2014, с.150].

(Мне не беспокоит принятие и отказ,

Я жду только Его повеление.)

В двух нижеследующих бейтах эти две антонимичные пары **рад** и **қабул** (принятие и отказ) указывают на своевременное познание бытия и Творца, так как после «поднятия волны», то есть в загробной жизни на принятия и отказа не будет времени и необходимости:

То ту мегардї дар баҳри фусул,
Мавч бармехезад аз **радду қабул** [Аттор, 2014, с.110].

(Пока ты плаваешь в этом море бушующем,
Волны поднимутся от отрицания и принятия.)

Или:

Ту дар ин рах не Худой не расул,
Даст кутах кун аз ин **радду қабул** [Аттор, 2014, с.46].

(Ты на этом пути ни Бог, и ни пророк,
Воздержись от отказа и принятия.)

В следующем примере с помощью отрицательной частицы «**на-**» для обозначения отрицательного действия и противопоставления из глагола *ёфтан* (обнаруживать, находить) образован глагольный антоним *наёфтан* (не обнаруживать, не находить):

Ту фароғат **ёбї** андар машғала,
Чун **наёбї**, дар ту афтад валвала [Аттор, 2014, с.125].

(Ты обретешь покоя, когда делом заняться,
Если обретешь, будешь в смятении.)

Глагольные антонимы *тавба кардан* и *гунаҳ кардан* (покаяться и грешить) выражают противоположные человеческие чувства и *тавба кардан* (покаяние) подразумевает раскаяние в совершенном грехе. Эти глагольные антонимы в втором бейте тоже указывают на то что дверь для раскаяния открыта и нужно воспользоваться этой возможностью:

Карда буд он мард бисёре **гуноҳ**,
Тавба кард аз шарму боз омад ба роҳ [Аттор, 2014, с.111].
 (Много грехов совершил некий человек,
 Покаялся он от стыда и вернулся в путь вновь.)
 Гар **гунаҳ кардӣ** дари ӯ ҳаст боз,
Тавба кун, к-ин нахоҳад шуд фароз [Аттор, 2014, с.111].
 (Если ты совершил грех, Его дверь открыта,
 Покайся, ибо эта дверь не закрывается перед тобой.)

В первой строке следующего бейта поэт использует причастия *тавбанишаста* (покаявшийся) и *гунаҳбархоста* (грехоотпущенный) для выражения противоположных значений, то есть покаяния и греха. Такой способ выражения характерно для Аттора, и иначе говоря, Аттор создал две новые слова – два сложных антонимов, что свидетельствует о мастерстве поэта:

Он ғубор акнун зи раҳ бархоста,
Тавбабиншаста, гунаҳбархоста [Аттор, 2014, с.94].
 (Теперь дорога свободна от пыли,
 Покаявшийся он и грех отпущен ему.)

Антонимы глаголов, которые использованы в следующем бейте, являются причастиями *раванда* (отходящий) и *бозоянда* (приближающийся) которые обозначают противоположное состояние моря:

Мунқалиб чизест нопоянда ҳам,
 Гаҳ **раванда** гоҳ **бозоянда** ҳам [Аттор, 2014, с.68].
 (Взволнованное оно и неустойчивое,
 То отходящее оно, то приближающееся.)

В маснави также встречаются антонимичные пары *чуфт* и *тоқ*, обозначающие четные и нечетные числа:

Қурби сад сӯроҳ дар минқори ўст,
 Нест **чуфташ**, **тоқ** будан кори ўст! [Аттор, 2014, с.141].
 (И в клюве его около сотни дырок,
 Нет пары у него, жить в одиночество его удел.)

В целом, можно сказать, что антонимы имеют широкий спектр использования в маснави “Мантиқ-ут-тайр”. Поскольку это мистическое произведение основана на суфийской доктрины “вахдат аль-вуджуд”, то Аттор в описании сути этой доктрины многократно использует антонимичные пары *джузв* и *кул* (часть и целое):

Қудсиён чумла сучудат кардаанд,
Чузву кулл ғарки вучудат кардаанд [Аттор, 2014, с.114].
 (Небесные ангелы все перед тобою склонялись,
 И целое, и часть тебе поклонялись.)

Или в других стихах поэт говорит в том же ключе:

Чисми ту **чузв** асту чонат **кулли кул(л)**,
 Хешро очиз бикун дар айни зул [Аттор, 2014, с.114].
 (Тело твое - это часть, а душа единое целое,
 Становись беспомощным в самом уничтожении.)

Чузву кулл чун уммати ў омаданд,
 Хушачини ҳиммати ў омаданд [Аттор, 2014, с.33].
 (Частное и целое прибыли как Его народ,
 Удостоились Его великодушия.)

Таким образом во многих других фрагментах маснави встречаются диаметрально противоположные по значению антонимичные пары *пешу нас* (впереди и сзади), *болову наст* (верхний и нижний), *дуру наздик* (далёкий и близкий), *дарозу дур* (длинный и далёкий), *каму беш* (мало и много), *кеху*

меҳ (млад и стар, меньший – больший), которые поэт использовал для выражения глубокого философско - мистического смысла:

Аз **кеху меҳ** ҳар ки дидаш ончунон,
 Ҳамчу борон хун гиристӣ дар ниҳон [Аттор, 2014, с.254].
 (От мало до велика, все, кто видел его таким,
 Втайне горько плакали обильными слезами.)

Чун баромад сад хазорон қарн беш,
 Қарнҳое безамон на **пас**, на **пеш** [Аттор, 2014, с.249].
 (Когда прошел более сотни тысяч веков,
 Веков без времени, ни позже и ни раньше.)

Или в следующем бейте использованы антонимичные слова “*қатра*” (капля) и “*дарё*” (река, море), которые здесь служат для описания воссоединения человека с Истиной:

Қатрае буд *ӯ* дар ин баҳри маҷоз,
 Сӯи **дарёи** ҳақиқат рафт боз [Аттор, 2014, с.97].
 (Была она каплей в этом нереальном мире,
 В сторону моря истины отправилась вновь.)

Некоторые антонимы на подобие *мард* – *номард* (мужчина – немужчина) образованы при помощи аффиксов, например:

Восифонро васфи *ӯ* дарх(в)ард нест,
 Лоиқи ҳар **марду** ҳар **номард** нест [Аттор, 2014, с.22]
 Не соответствует восхваляющим его восхваление,
 Не достоин каждого мужчину и младушного.)

Баргар аз илм асту берун аз **аён**-ст,
 3-он ки он дар қудсии худ **бенишон**-ст [Аттор, 2014, с.23].
 (Он выше знания и сверх всего явного,
 Ибо в он в своей священности бесследный.)

Антонимы, используемые в маснави «Мантик-ут-тайр», также в зависимости от их значения и сферы их использования могут быть сгруппированы следующим образом:

1. Антонимы, выражающие понятия, связанные с человеческим мышлением и его деятельностью, природными явлениями и связанными с ними предметами в целом: *суд* – *зиён* (польза-вред), *тавба* – *гунаҳ* (покаяние–грех), *гармӣ* – *сардӣ* (жара-холод), *ранҷ*, *дард* – *сиҳҳат* (страдание, боль–здоровье), *ноқис* – *комил* (несовершенный-совершенный), *зиндагонӣ* – *марг* (жизнь-смерть), *талх-ширин* (горький-сладкий), *пир-чавон*(старый-молодой), *дӯзах-биҳишт* (ад - рай), *аҳли дӯзах* – *аҳли биҳишт* (обитатель ада – обитатель рая), *фарш* – *арш* (небо – земля), *оташ-дуд* (огонь – дым), *омад* – *гурехт* (пришел-убежал), *мағз* – *пӯст* (ядро – оболочка), *аҳли ҳунар* – *аҳли айб* (мастера своего дела–люди с недостатками), *мусулмон-кофир* (мусульманин-неверный), *афтон* – *хезон* (падая – вставая), *нав-куҳна* (новый-старый), *мурдан* – *зодан* (умереть – родиться), *тарки кор* – *кор кун* (оставить работу – приступить к работе), *андак* – *бисёр* (мало – много), *шакар* – *захр* (сахар – яд), *олуда* – *пок* (запятанный – чистый), *аввал* – *охир* (начало – конец), *бақо* – *фано* (бытие – небытие) и т.д. Конечно, ограниченный объем диссертации не позволяет подробно и детально описать все антонимы, использованные в этом маснави, поэтому упомянем некоторые из них в бейтах:

Гар маро ёрӣ кунӣ, туро набвад гарон,

Ман кунам **суду** туро набвад **зиён** [Аттор, 2014, с.104].

(Если мне поможешь, ты не будешь обременен,

Мне будет на пользу, а тебе не в убыток.)

Гар **гунаҳ** кардӣ, дари ӯ ҳаст боз,

Тавба кун к-ин дар хахоҳад шуд фароз! [Аттор, 2014, с.111].

(Если ты грех совершил, Его дверь открыта вновь,

Покайся, ибо это дверь не закрывается перед тобой.)

Гар гадо в-ар шох чумла мераванд,
Ноқису комил дигаргун мешаванд.
Зиндагонӣ ҳаст ранчу **марг** ранч,
 Гар наёбӣ з-ин ду ранчи хеш ганч [Аттор, 2014, с.145].
 (Если отправятся все нищие и имущие,
 Изменяются несовершенные и свершенные.
 И жизнь, и смерть твоя - это страдание,
 Если не обретишь ты клад от этих страданий.)

Ишқ инчо **оташ** асту ақл дуд,
 Ишқ чун **омад**, **гурезад** ақл зуд! [Аттор, 2014, с.203].
 (Здесь любовь - огонь, а разум - дым,
 Когда приходит любовь, разум обращается в бегство в миг.)

Ман на **иззат** хоҳаму на **хорие**,
 Кош дар ачзи худам бигзорие [Аттор, 2014, с.216].
 (Не нужны мне ни ни честь, ни унижение,
 Лучше бы ты оставил мне беспомощным.)

Не **мусулмонам** на **кофар** чун кунам!
 Монда **саргардону музтар**, чун кунам! [Аттор, 2014, с.266].
 (Я ни мусульманин, ни неверный, как мне быть!
 Остался расстерянным и беспомощным, как мне быть!)

З-ин ҳама **олудагӣ** **покам** кунӣ,
 Дар мусулмонӣ **фурӯ** хоҳам кунӣ [Аттор, 2014, с.268].
 (Чтобы Ты очистил меня от всей грязи,
 И погрузил меня в мусульманство.)

Ин бигуфту гуфт: - Боре зуд рав,
 Ҳамчу **оташ** хезу ҳамчу **дуд** рав [Аттор, 2014, с.273].
 (Сказав это он приказал: - “Скорее отправляйся в путь”.
 Вставай как огонь, и лети, как дым.)

Следует обратить внимание на антонимы, образованные от одного корня. Это родственные слова с одинаковым корнем, имеющие общую точку пересечения. Другими словами, разные антонимы образуются от одного корня методом морфологического словообразования. В этом лексическом явлении напрямую отражается объективная реальность предметов и явлений и их противоречивость [Талбакова, 2000. с.9].

В нижеследующих бейтах слова: *бинад – набинад* (увидит-неувидит), *кун-макун* (делай-неделай), *кор – бекорӣ* (дело – безделие), *кардан – накардан* (делать – неделать), *дида – нодида* (видевший – не видевший), *хеш – бехеш* (свой – несвой):

Лаб бидӯз аз аршу в-аз курсӣ мапурс,
 Гар ҳама як зарра **мепурсӣ мапурс** [Аттор, 2014, с.25].
 (Умолчи и не спрашивай о небе и земле,
 Если даже спросишь самую малость, не спрашивай.)

Мағз бинад аз дарун, **напӯсти** он,
 Чун набинад заррае чуз дӯст ӯ [Аттор, 2014, с.211].
 (Ядро увидит изнутри, а не скорлупа,
 И не увидит даже частицы кроме друга.)

В-ар набошад **кор** дармони касе,
 Бо ту **бекорӣ** бувад он чо базе [Аттор, 2014, с.215].
 (Если дела не приносят пользу никому,
 Там было тебе достаточно праздности.)

Тарк кун он коре, ки кардӣ нахуст,

Кардану нокардани он бошад дуруст! [Аттор, 2014, с.215].

(Брось то, что делал прежде,
Сделать и не сделать значит это!)

2. Среди антонимов, использованных в маснави ивыражающих понятия времени и пространства, антонимичные пары *рӯзу шаб* (день и ночь) имеют более широкое применение и Аттор матерски использует их в разных оттенках для выражения глубоких мыслей и идей:

Дар сучудаш рӯзу шаб Хуршеду Мох,
Ҳишта пешонии худ бар хоки рох. [Аттор, 2014, с.19].
(Ему поклоняются днем и ночью Солнце и Луна,
Прикоснувшись лбом к земле.)

Рӯз аз басташ сапед афрӯхта,
Шаб зи қабзаш дар **сиёҳӣ** сӯхта [Аттор, 2014, с.19].
(День загорелся белым от Его протяжения,
Ночь в Его руках выгорела черная.)

Чархро даври шабонрӯзӣ дихад,
Шаб барад, **рӯз** оварад, рӯзӣ дихад [Аттор, 2014, с.19].
(Он вращает вселенное круглосуточно,
Уносит ночь, приносит день и хлеб насущный дает.)

Рӯзу шаб биншаста дар сад мотамам,
То шафоатхоҳ бошӣ як дамам [Аттор, 2014, с.37].
(Днем и ночью был в ста траурах,
Чтобы Ты хоть на момент встал на мою защиту.)

Хандаи гул гарчи дар хорат кашад,
Рӯзу шаб дар нолаи зорат кашад [Аттор, 2014, с.56].
(Улыбка цветка привлечет тебя к себе,

И заставит тебе рыдать днем и ночью.)

На касеро захра то чил **рӯзу шаб**,

Ки кушояд дар сухан бо шох лаб [Аттор, 2014, с.255].

(Ни у кого не хватило смелости в сорок дней,

Чтобы раскрыть рот перед шахом.)

В маснави используются и другие антонимы, выражающие временные отношения, например, *шабу субҳ* (ночь-утро), *имрӯз - фардо* (сегодня-завтра):

Бош чашму рӯйи **ӯ имрӯз** ту,

Баъд аз ин **фардо** сипандаш сӯз ту [Аттор, 2014, с.24].

(Будь его глазом и лицом ты сегодня,

А затем окури его дымом гармалы ты завтра.)

В маснави встречаются антонимы, имеющие пространственное значение: *осмон – замин* (небо-земля), *теғ – камар* (гребень горы – уступ, седловина горы):

Осмон чун хаймае бар пой кард,

Бесутун гирди **заминаш** чой кард [Аттор, 2014, с.18].

(Небо установил словно шатер,

Затем поместил его вокруг земли без опор.)

Кӯхро хам **теғ** доду хам **камар**,

То ба сарҳангии **ӯ афрохт** сар [Аттор, 2014, с.18].

(Придал горе вершины и седловины,

Чтобы над ними она возвысила голову. (

3. Третья группа - антонимы, которые в маснави выражают душевное состояние, настроение и внутренние переживания человека: *андӯҳ – шодӣ* (печаль-радость), *гунаҳ – тавба* (грех-покаяние), *беқарор-қарор* (беспокойство – спокойствие), *гамзада – шодмон* (грустный – радостный), *мотамзада-барозида* (траурный – отрадный), *ранчу дард – сиҳат* (страдание, боль – здоровье), *номуродӣ-муродӣ* (отчаяние – надежда), *нек-бад* (добрый-

злой), *некй-бадй* (добро-зло), *оқил-девона* (умный-безумный), *мастй-хушёрй* (пьянство-трезвость), *гам-шодй* (печаль – радость), *шодиву андух* (радость и печаль), *вафову бадахдй* (верность – вероломство), *дўст-душман* (друг-враг), *чанг-мадоро* (*раздор – терпимость*), *хушунат-дўстй* (грубость – дружелюбность).

Хоҳ **душман** гир инчо, хоҳ **дўст**,
 Чумларо гардан ба зери бори ўст [Аттор, 2014, с.20].
 (Будь то враг здесь или друг,
 Все находятся в повиновении у Него.)

Чун бидидандаш чунон асхобино,
 Монда дар **андўху шодй** мубтало [Аттор, 2014, с.95].
 (Когда асхабы увидели в таком состоянии,
 Впавший в уныние и радость.)

Он ки донад кард **равшанро сиёх**,
Тавба донад дод бо чандин **гунох** [Аттор, 2014, с.95].
 (Тот, кто знает как делать светлое черным,
 Принимает покаяние, даже у тебя много грехов.)

Курья бар ҳар кас фитад сарвар шавад,
 Дар миёни **кехтарон меҳтар** шавад.
 (Кому выпадет жребий, тот станет вождем,
 Станет главным среди меньших.)

Чун ба дасти куръашон афтод кор,
 Дил гирифт он **беқароронро қарор** [Аттор, 2014, с.98].
 (Когда вверили свою судьбу жребию,
 Их бееспокойные души успокоились.)

Заррае на **шарру** на **хайр**, ай ачаб,
 Буд хомӯшиву оромиш дар ӯ [Аттор, 2014, с.99].
 (Ни крупинки зла и ни добра, странно,
 Прибывал он в тишине и в полном покое.)

Баски худро чун **чароғе сӯхтам**,
 То ҷаҳонро ҳамчу **шамъ афрӯхтам** [Аттор, 2014, с.260].
 (Сжигал я себе долго, как лампа,
 Пока не зажег весь мир, как свеча.)

Фориғам з-ин зумраи **бадхоҳу нек**
 Хоҳ номам **бад** кунеду хоҳ **нек** [Аттор, 2014, с.264].
 (Мне нет дел до этих злоумышленников и добрых,
 Опорочите ли вы меня или хвалите меня.)

Чун ниҳон гардад танам дар хоку хишт,
 Бигзарӣ, аз ҳар чӣ кардам, **хубу зишт** [Аттор, 2014, с.268].
 (Когда покроется в землю мое тело кирпичом.
 Прости за все хорошее и плохое, содеянное мною.)

4. Антонимы, отражающие существенные различия однородных по своим характеристикам предметов, явлений, действий и т.д.:

Гуфт: - Чун Ҳақ медамид аз чони пок,
 Дар тани Одам, ки **обе** буду **хок** [Аттор, 2014, с.179].
 (Говорили, что когда Истина вложила чистую душу,
 В теле Адама, состоящий из глины и воды.)

З-ин ҳама **олудагӣ покам** кунӣ,
 Дар мусулмонӣ фурӯ хокам кунӣ [Аттор, 2014, с.268].
 (Чтобы Ты очистил меня от этой грязи,
 И погрузил меня в мусульманство.)

Чй гуноҳ омад зи чисму чони мо,
 Қисми ту **софию дурдӣ** они мо [Аттор, 2014, с.101].
 (В чем провинились наши души и тела,
 Что твоя доля чистота, а наша муть.)

Будат аз **кофир** вафову эминӣ,
 Кун вафодорӣ, агар ту **муъминӣ**! [Аттор, 2014, с.164].
 (Ты получил от неверного преданность и защищенность,
 Так прояви ты преданность, кол ты верующий.)

Гуфт:- Ин сағ дорад **зоҳире** палид,
Ҳаст он дар **ботини** ман **нопадид** [Аттор, 2014, с.179].
 (Сказал: - У этой собаки жуткая внешность,
 Скрыта эта внешность и внутри меня.)

Булбули шайдо даромад масти маст,
 В-аз камоли ишқ на **несту** на **ҳаст** [Аттор, 2014, с.55].
 (Явился влюбленный соловей пьяный пьяный,
 От совершенной любви словно его нет, и он здесь.)

С точки зрения строения антонимы, использованные в этом маснави, можно разделить на четыре группы:

1. Простые антонимы маснави: *муъмин-кофир* (верующий-неверующий), *арш-курсӣ* (трон – подножие трона), *чӯб-санг* (древесина –камень), *хишт – гил* (кирпич-глина), *хор-гул* (цветок – шипа), *ринд-зоҳид* (ринд, гуляка - захид, отшельник), *шоҳ – муфлис* (царь-неимущий):

Боз гардон чонам, ай чонбахши пок,
Муъмину кофир ба хун оғаштаанд [Аттор, 2014, с.28].
 (Верни мне душу, о чистый, дарующий жизнь,
 И верующие и неверующие окровавлены.)

Ҳар ду олам бастаи фитроки ӯ,
Аршу курсӣ қибла карда хоки ӯ [Аттор, 2014, с.31].
 (Два мира прикреплены его ремнем,
 Небо и земля выбрали его почву киблой.)

Кист, к-ӯ на ташнаи дидори ӯст,
 То ба **чӯбу санг** ғарки кори ӯст! [Аттор, 2014, с.36].
 (Кто не жаждает встречи с ним,
 Вплоть до деревьев и камней погружены в его дел.)

Он ки гоҳе **хишту** гоҳе **гил** кашад,
 Ин хама сахтӣ на бар ботил кашад [Аттор, 2014, с.44].
 (Тот, кто иногда носил кирпичи, а иногда глину,
 Все эти невзгоды терпеливо сносил ненасправно.)

Ҳар ки ӯ бо давлате пайваста шуд,
 Хор дар дасташ хама гулдаста шуд [Аттор, 2014, с.104].
 У того, кто растворился в богатстве,
 В его руках и шипы становятся цветами.)

Гох **риндам** гоҳ, **зохид**, гоҳ **маст**,
 Гох нафсам дар харобот афканад [Аттор, 2014, с.115].
 (То бываю гулякой, то отщельником, то пьяницей,
 То мой нафс меня в харабат заведет.)

Буд андар Миср шоҳе номдор,
Муфлисе бар **шоҳ** ошиқ гашт зор [Аттор, 2014, с.117].
 (Жил в Египте известный цар один,
 Влюбился в царя безумно некий нищий.)

2. Производные антонимы маснавы, одна часть из которых состоит из производного слова: *нишон* – **бенишон** (след – бесследный), *гавхар* – **бегавхар** (сущность, благородство – неблагородный, безнравственный), *ҳосил* – **беҳосилӣ** (урожай, результат – неурожай, безрезультатность), *мард* – **номардӣ** (мужчина, мужественный – малодушие, трусость):

То **нишоне** ёфт чони ман зи ту,
Бенишонӣ шуд нишони ман зи ту [Аттор, 2014, с.38].
 (Пока моя душа нашла какой-то след от тебя,
 Бесследность стала моим следом от тебя.)

Гавхарам бояд, ки гардад ошкор,
 Марди **бегавхар** кучо ояд ба кор? [Аттор, 2014, с.63].
 (Я должен найти драгоценности,
 Кому ты нужен ты без драгоценности?)

Чун зи аввал то ба охир ғофилист,
Ҳосили мо лочарам **беҳосилист** [Аттор, 2014, с.119].
 (Раз с начала до конца бывает невнимательность,
 Наш итог неизбежно бывает безрезультатность.)

Как видно из приведенных выше примеров, производные антонимы образованы при помощи приставкой “**бе-**” для выражения отрицательной формы слова или его антонима. В слове “нишоне” (знак, след) при замене неопределенного артикла “**е**” на суффикс “**ӣ**” образовалась отрицательная форма существительного “**бенишонӣ**” (бесследность, безымянность, безвестность). Во втором примере слово «гавхар» (“жемчуг, самоцвет) имеет переносное значение, обозначающее сущность человека, при добавлении префикса “**бе-**” указывает на отрицательное значение этого слова “лишенный сути”, “бездуховный”. В последней строке вышеупомянутого бейта Аттор использует слово “**беҳосилӣ**” (безрезультатность, бесплодность) в

мистическом смысле, указывающее на отрицательный аспект сущности человеческого бытия.

3. Сложные антонимы, состоящие из двух слов: *тавбанишаста*, *гунаҳбархоста* (покаявшийся, грехоотпущенный) :

Он ғубор акнун зи раҳ бархоста,

Тавбабиншаста, гунаҳбархоста [Аттор, 2014, с.94].

(Теперь дорога свободна от пыли,

Покаявшийся он и грех отпущен ему.)

4. Составные антонимы - антонимы, употребляемые в маснави в виде фраз: *тирагии дидаву карри гӯш* (потумнение зрения и тугоухость) *пирию нуқсонӣ ақлузаъфи хуш* (старость, оглушение, умственный дефект, умственная слабость):

Тирагии дидаву карри игӯш,

Пирию нуқсонӣ ақлу заъфи хуш [Аттор, 2014, с.121].

(Потумнение зрения и тугоухость,

Старость, оглушение и умственная слабость.)

Таблица 1.

Антонимы в маснави «Мантик-ут-тайр»
<p>Антонимы существительные: <i>дӯзах-биҳишт</i> (ад-рай), <i>шоҳ-гадо</i> (цар-нищий), <i>об-хушкӣ</i> (вода-суша), <i>кофир-муъмин</i> (неверующий-верующий), <i>куфр-имон</i> (неверие-вера), <i>суд-зиён</i> (выгода-убыток), <i>шамс-қамар</i> (солнце-луна), <i>фано-бақо</i> (смерть-вечность), <i>ҷузв-кулл</i> (частность – целостность), <i>инкор-иқрор</i> (отрицание-признание), <i>зоҳир-ботин</i> (внешность-внутренность), <i>дӯст-душман</i> (друг-враг), <i>ҷафо-вафо</i> (неверность – верность), <i>мурда-зинда</i> (мертвец – жилец) , <i>бадӣ-неқӯӣ</i> (зло – доброе дело), <i>меҳтар-кеҳтар</i> (сановник-простолодин)....</p>
<p>Антонимы прилагательные: <i>баланд-паст</i> (высокий-низкий) <i>талх-ширин</i> (горкий-сладкий), <i>куҳна-нав</i> (старый-новый), <i>пир-барно</i> (старый-</p>

молодой)...

Антонимы наречие: *субх-шом (утро – вечер), рӯз-шаб (день-ночь), пас-пеш(назад-вперёд), шеб-фароз (вниз – вверх), боло-паст(высоко-низко)...*

Антонимы числительные: *ҷуфт-тоқ (четное-нечетное)...*

Антонимы глаголы: *пайдо шудан – гум шудан (обнаружиться-потеряться), насӯхтан-насохтан (не гореть-не создать), қабул кардан – рад кардан (принимать-отвергать), ёфтан-наёфтан (найти – не найти), тавба кардан – гунаҳ кардан (раскаиваться-грешить, раванда-бозоянда (отходящий-приходящий)....*

Лингвостилистический анализ маснави “Мантик-ут-тайр” Аттора показал, что в тексте использовано большое число антонимов для выражения противоположных понятий, которыми полон реальный мир и одно из важнейших свойств антонимов - противопоставление событий, предметов и отношений человеческого бытия. Антонимы маснави были сгруппированы и описаны в зависимости от их принадлежности к той или иной части речи в группы существительных, прилагательных, наречий, числительных и глаголов. Также антонимы этого маснави делятся на следующие группы по своему значению:

1. Антонимы, выражающие человеческую деятельность, природные явления и связанные с ними объекты в целом;
2. Антонимы, обозначающие понятия времени и пространства;
3. Антонимы, выражающие душевное состояние, настроение и внутреннее переживания человека;
4. Антонимы, отражающие существенные различия однородных по своим характеристикам предметов, явлений и т.д.

С точки зрения морфологического строения, антонимы, использованные в маснави Аттора, были разделены на четыре группы: простые, производные,

сложные и составные. Простые и производные антонимы в маснави имеют более широкое использование, чем сложные и составные антонимы. Следует отметить, что наиболее распространенные пары антонимов в маснави - это слова “шаб” и “рӯз” (ночь и день), выражающие понятия времени и используются более 50 раз в маснави «Мантику-т-тайр».

2.4. Особенности синонимов

Вне всякого сомнения, синонимы являются наиболее важными лексическими категориями, и их изучение на основе материала различных произведений выдающихся представителей классической литературы, включая маснави «Мантик-ут-тайр» Аттора, будет способствовать определению потенциала лексического состава таджикского языка и анализа развития языка мистической литературы.

По мнению таджикского лингвиста М. Мухаммадиева, “синонимы в нашем языке играют важную роль в процессе восприятия и определения предметов и явлений. Знание синонимов -различающих слов с одинаковым и близким значением, а также их своевременное и правильное использование сделает речь говорящего и язык художественного произведения многогранными, образными и выразительными. Это позволяет четко сформулировать мельчайшие и самые тонкие оттенки мысли” [Мухаммадиев, 1962. с. 3].

Синонимы, как важнейшая лексическая категория имеют большое значение в “определении состояния и общей картины лексического состава языка”. Проблема изучения синонимов многие годы находится в центре внимания исследователей. Как известно, основоположник современной таджикской литературы Садриддин Айни внес значительный вклад в область лингвистики. Устод Айни видел основные источники наполнения и обогащения таджикского литературного языка в живом языке народа и языке классической литературы. По мнению М. Мухаммадиева, Устод Айни, изучавший классическую таджикскую литературу с целью сделать её доступным для читателей, при сопоставлении языка классиков с современным таджикским языком и показал наличие множества вариантов (синонимов) слов в современном таджикском языке. [Мухаммадиев, 1962. с. 8].

Синонимы играют ключевую роль в обогащении лексического состава языка и в связи с этим языковед К. Тохирова отмечает: “Таким образом, использование слов в виде синонимов - один из способов обогащения лексического состава языка. Правильное использование синонимов делает речь более разнообразной, содержательной и выразительной. Следовательно, синонимы широко используются как разговорной речи, так и в письменной речи” [Тохирова, 1967. с.20].

В литературных поэтических и прозаических произведениях наших классиков синонимы выражали разные смысловые оттенки и стилистические окраски. В этом смысле синонимы в маснави “Мантик-ут-тайр” тоже обладают богатыми смысловыми оттенками и иносказательными особенностями.

Следует отметить, что большинство синонимов, встречающихся в маснави “Мантик-ут-тайр”, помимо исконно таджикских слов, имеют еще пары арабских синонимов, что свидетельствует о богатстве языка Аттора.

Можно сказать, что в маснави есть также синонимичные группы религиозно-мистической лексики. Ряд синонимов, состоящих из религиозно-мистических терминов, наиболее тесно связан с интерпретацией мистических смыслов и символов:

Куф пеш омад чун девонае,
 Гуфт: - Ман бигзидаам **вайронае**.
 Очизам, андар **харобӣ** зода ман,
 Дар **харобӣ** меравам бе бода ман [Аттор, 2014, с.69].
 (Сова вышла на педьестал словно сумашедшая,
 “Я выбрала себя руины” – сказала она.
 Бессилная я родилась в развалинах,
 Похаживаю опяненной без вина.)

Здесь слова “*вайрона*” и “*харобӣ*” (руины и развалины) имеют одинаковое значение и являются синонимами. В следующих строках при описании величия, могущества Всевышнего использованы также слова

синомичные друг другу “*хайрон*” и “*мабхут*” (изумленный и потрясенный), которые вкуче приобрели семантико-стилистические оттенки:

Дар чалолаш аклу чон фартут шуд,
 Акл **хайрон** гашту чон **мабхут** шуд! [Аттор, 2014, с.23].
 (От Его сияния разум и душа истощались,
 Разум изумился и душа была потрясена.)

В следующем бейте слова *якдилу яккиблаву якруй*, означающие единодушный, солидарный, единая кибла, односторонний, честный, прямой в совокупности выражают духовное единство. В частности слова *яксуй* и *яккибла* (быть односторонним и быть обращенным к единой кибле) подразумевают приверженность единобожию:

Дар якй рав в-аз дуй **аксуй** бош,
Якдилу яккиблаву якруй бош! [Аттор, 2014, с.24].
 (Следуй попути единичности и избегай двойственности,
 Будь единодушным, односторонним с одной киблой.)

Синонимически *чафову ранч* (мука, угнетение, боль, страдание), выражающие тяжкие испытания и переживания изображаемого:

Боз бингар сари пайгамбарон,
 Чй **чафову ранч** дид аз кофирон [Аттор, 2014, с.27].
 (Смотри еще на историю пророков,
 Каких страданий и боли от неверных испытали они.)

Слова *изз* и *шараф* являются синонимами, и в следующем примере они означают уважение, почтение, честь, достоинство, уважение.

Буда аз **иззу шараф** зулкиблатайн,
 Зиллий бе зиллии у дар хофакайн [Аттор, 2014, с.24].
 (Была от почтения и чести обладателем двух кибл,
 Тень и не тень его на востоке и западе.)

Слово *султан* в первой строке и слово *подшоҳ* во второй строке следующего бейта означают одни и те же значения, то есть правитель, государь, цар и здесь поэт использовал для описания качеств Всевышнего:

Ўст султону туфайли Ў хама,
 Ўст дойим **шоҳу** хайли Ў хама [Аттор, 2014, с.36].
 (Он султан, а все Его поданные,
 Он всегда шах, а все Его армия.)

В следующем бейте слова **озарм** и **ҳаё** являются синонимами и означают стыд, стыдливость, застенчивость, достоинство, честь и т.д.:

Он яке дарёи **озарму** **ҳаё**,
 В-ин дигар шохи улулилму сахо [Аттор, 2014, с.39].
 (Первый море застенчивости и достоинства,
 А второй властелин науки и щедрости.)

Слова **адл** и **инсоф** также являются синонимами и означают справедливость, правдивости и честность:

Хатм карда **адлу инсофаш** ба Ҳақ,
 Дар фаросат бурда аз мардон сабақ [Аттор, 2014, с.40].
 (Осуществил справедливость и честность во имя Истины,
 В провинциальности брал пример у достойных.)

В следующем бейте близкие по значению слова **назм** и **тартиб** означают порядок, дисциплина, система и дополняют друг друга. Другое значение слова **назм** - это поэзия, стихосложение, но в этом примере оно как и слово **тартиб** использовано в значении порядок:

З-он ки бе кишвар бувад чун подшоҳ,
Назму тартибе намонад дар сипоҳ [Аттор, 2014, с.52].
 (В стране, остающейся без падишаха,
 Порядка и дисциплины не будет в войсках.)

В другом стихе Аттор, указывая на воду, как важный элемент существования всего живого, использует близкие по значению слова **зод** и **буд**, которые означают сущность, основание, происхождение, существование:

Ман наёбам дар чаҳон бе об суд,
 З-он ки **зоду буди** ман дар об буд [Аттор, 2014, с.61].
 (Не могуя в мире без воды пользу получать,

Ибо я родилась в воде и в ней живу.)

Слова *пар* и *бол* часто вкуче используются как синонимические пары, означающие крыля и перья:

Ман на **пар** дорам, на **болу** хеч чиз,
 Кай расам дар гарди Симурғ, ай азиз! [Аттор, 2014, с.71].
 (Ни перьев у меня, и ни крыля,
 Откуда мне сил дойти до Симурга, о милый!)

В большинстве случаев слова *бемислу бемисол* используются в сочетании и имеют одно и то же значение: бесподобный, несравненный, уникальный:

Подшохе буд бас сохибчамол,
 Дар чахони хусн **бемислу мисол** [Аттор, 2014, с.74].
 (Был прекрасный падишах один,
 Бесподобный в мире красоты.)

Синонимы *дард* и *хунидил* в следующем примере означают боль, печаль, тоску, страдание, недуг и страдание. В данном случае эти синонимы в совокупности выражают внутренние отрицательные эмоции ис точки зрения стилистической окраски, дополняя и разъясняя значение друг друга:

Дарду хунидил бувад ишкро,
 Қиссаи мушкил бибояд ишкро [Аттор, 2014, с.77].
 (Любовь требует боль и кровь сердца,
 Любовь – это сложная история.)

Слова *гард* и *губор*, которые приведены паре в следующем бейте, являются синонимами и означают пыль, прах, пылинка, пыльца. В данном случае эти синонимы использованы в переносном значении в функции уточнения информации Аттор указывает на существовании некой черной пыли между шейхом и Всевышним:

Дар миёни шайху Ҳақ аз дер гох,
 Буд **гардеву ғуборе** бас сиёҳ [Аттор, 2014, с.94].
 (Между шейхом и Истинной с давних пор,

Лежала пыль и прах, очень черные.)

Можно сказать, что в данном случае указанные синонимы *гарду зубор* являются устойчивыми выражениями и образуют отдельную группу синонимов таджикского языка. Как отмечает лингвист М. Мухаммадиев “таджикский язык очень богат такими фразеологическими выражениями, которые используются в языке для краткости речи и предания более эмоциональной окраски и яркого выражения мысли. Роль таких оборотов речи в языке очень важна и такие идиомы в каждом необходимом случае не воссоздаются вновь, а используются как готовые выражения” [Мухаммадиев, 1962. с.35].

В другом примере слова *хукм* и *амр* являются синонимами, потому что в основном используются в следующих одинаковых значениях: приговор, приказ, распоряжение, предписание, указ:

Ҳокими худро ба чон фармон барем,

Ҷуз ба ҳукму амри ӯ раҳ наспарем [Аттор, 2014, с.98].

(Всем сердцем будем подчиниться нашему правителю,

И не свернем с пути без его приказа.)

Слова *мулк* и *мол* в паре используются как синонимы в значении богатства, состояния и собственности, дополняя друг друга, хотя слово *мулк* отдельно может употребляться в значении территории, владении, государства, а слово *мол* - домашний скот, товар, продукция и вещь. Приведенные выше синонимы также означают добро, имущество, изобилие, множество избыток:

То нагардонӣ зи мулку мол рӯй,

Як нафас нанмоядат ин ҳол рӯй! [Аттор, 2014, с.124].

(Пока не отвернешся от имущества,

Такое с тобой не случится ни на мгновение.)

Слова *ганҷ* и *сарват* в словаре означают богатство, состояние, собственность:

Чун дар ин раҳ менағунчад муйи сар,

Кай биғунчад **ганчу сарват**, симу зар! [Аттор, 2014, с.127].

(Раз на этом пути не поместится волос,

Тем более драгоценности и богатство не поместится.)

В следующем бейте слова **зод** и **буд** означают рождение, существование, жилище, всё что есть и нет, достояние, всё состояние:

Гуфташ дигар: - дилам пуроташ аст,

З-он ки **зоду буди** ман чойи х(в)аш аст [Аттор, 2014, с.128].

(Моё сердце полно огня: - сказала другая,

Жилище мое в прекрасном место.)

В приведенном ниже примере слова **оромиқарор** являются синонимами и использованы в значении спокойствия, тишины, безмятежности и умиротворения:

Аблахеро меваи дил мурда буд,

Сабру **орому қарораш** бурда буд [Аттор, 2014, с.132].

(Плод сердца некого глупого был мертв,

Потерял терпение и не было ему ни покоя и мира.)

Эти синонимы выражают внутреннее состояние человека и относятся к семантическим видам синонимов. Помимо вышеперечисленных значений, эти слова могут также означать терпение, выносливость, самоконтроль, сдержанность, неподвижность.

В словаре слова **тезфаҳм**, **зирақ**, **бисёрдон** означают сообразительный, понятливый, проницательный, догадливый, всеведущий, расчетливый, красноречивый, искусный, умный, опытный, мастер, ученый, опытный, образованный, квалифицированный и в ниже приведенном бейте они тождественны по лексическому значению :

Буд барное бағоят кордон,

Тезфаҳму зирақу бисёрдон [Аттор, 2014, с.134].

(Был юноша весьма умелый,

Сообразительный, догадливый и всеведующий.)

В следующем стихе слова *ранч* и *дард* являются синонимами и вкуче означают боль, печаль, боль, страдание, недуг, болезнь и принадлежат к группе семантических синонимовсуществительных:

Гармии шогирди зирак гашт сард,
Омада сихат, бирафта **ранчу дард** [Аттор, 2014, с.135].

(Жар сообразительного ученика погасла,
Выздоровел и исцелился отнедуга и боли.)

То же значение выражено в другом бейте маснави Аттора:

Ганч Симурф асту боқй **ранчу дард**,
Беш аз ин беҳуда дар дунё магард! [Аттор, 2014, с.145].

Сокровище – это Симург, все остальное боль и печаль,
(Не ходи по миру больше напрасно!)

Парные слова *беболу бепар* объединенные союзом “-у” в словаре в прямом и буквальном смысле означают бескрылый, без перьев, неимующий крыльев и перьев, а в переносном смысле - беспомощный, слабый, изнуренный:

В-он гахе гуйй к-аз у бигзаштаам,
К-ин чунин **беболу бепар** гаштаам [Аттор, 2014, с.150].

(И ты говоришь, что пролетел мимо него,
От того якобы и перья, и крылья потерял.)

В другом примере слова *нок* и *соф* являются синонимами прилагательными, и в словаре дается следующие лексические значения этих слов: честный, порядочный, добропорядочный и в буквальном смысле означают чистый, ясный, свежий: *оби соф* (чистая вода), *ҳавои соф* (чистый воздух) и т.д. Во второй строке нижеследующего бейта эти синонимы использованы в переносном значении и приобрели дополнительные смысловые оттенки:

Хочае, к-аз тухмаи Аккоф буд,
Кутби олам буду **покусоф** буд [Аттор, 2014, с.152].

(Некий ходжа был из рода седельников,

Был полюсом мира, чистым и без пороков.)

В следующем примере Агтор использует слово *нок* с той же целью:

Ҳар кӣ ӯ дарбохт, хар чӣ-ш **нок** буд,

Рафту дар **покии** худ осуд **нок** [Агтор, 2014, с.154].

(Тот, кто проиграл все чистое, что имел,

Ушел и чисто успокоился в своей чистоте.)

В следующем примере слова *шамс* и *офтоб* являются синонимами существительного и одинаковые по значению. Эти два слова в словаре имеют толкование в значении солнца, светила, света и тепла излучаемое этим светилом. Они относятся к группе синонимов, полностью совпадающие по значению, являющихся синонимами названия объекта и отличающихся друг от друга художественной окраской, стилистическими оттенками и степенью употребления. Следует отметить, что исконно таджикское слово “*офтоб*” имеет более широкое применение в таджикском языке и в равной степени используется как в литературных, так и в разговорных языках по сравнению с его арабский синонимом *шамс*:

Булачаб, хаффош гуфт: - Ай беҳабар,

Ман чӣ хоҳам кард ин **шамсу** камар!

Офтоберо, ки хоҳад шуд сиёҳ,

Дар ғурубаш бар ту гум созанд роҳ [Агтор, 2014, с.161].

(Забавно, о несведующий: - сказал летучая мышь,

И какое дело мне до солнца и луны.

Солнце, что становится черным,

На его закате вводят тебя в заблуждение.)

Слова *вачд* и *завқ* являются синонимами в одном из их значений, что означает восторг, радость, удовольствие, восхищение. Слова *вачд* и *завқ* близкие по значению, но различаются в зависимости от употребления в конкретной ситуации и стилистических оттенков:

Вачду завқи ту хаёле беш нест,

Ҳар чӣ мегӯӣ, муҳоле беш нест [Агтор, 2014, с.177].

(Твоя радость и наслаждение – не что иное, как фантазия,
Все, что ты говоришь, не что иное, как невозможное.)

Или, в следующих стихах Маснави, слова *учб* и *гурур* являются синонимами и словари интерпретируют их в значении гордости, высокомерия тщеславия, надменности, которые являются отрицательные качества личности:

То ту дар *учбу ғуруре* мондай,
Аз ҳақиқат дури дуре мондай!
Учб барҳам зан, *ғуруратро* бисӯз,
Ҳозир аз нафсӣ, хузуратро бисӯз! [Аттор, 2014, с.178].
(Пока ты остаешься в надменности и высокомерии,
Ты очень далек от истины.
Брось надменность и сожги свое высокомерие,
Ты сплошь из нафса, да сожги же его!)

В следующем бейте слова “*шарм* и *озарм*” являются синонимами, означающими стыд, стыдливость, смущение, застенчивость, совестливость, достоинство:

Ай чу буз аз риши худ *шармет* не,
Баргирифта ришу *озармет* не [Аттор, 2014, с.181].
(О ты, словно козел не стыдишься своей бородой,
Схватился ты за неё, и нет в тебе некого стыда.)

Слова *туҳфа* и *ҳадя* являются синонимами и в словарях означают “подарок”, “подношение”, “дар”. Эти синонимы могут быть взаимозаменяемыми, но иногда отличаются друг от друга стилем и употребляемостью. В приведенном ниже примере синонимы *туҳфа* и *ҳадя* использованы в значении подарка, гостинца, подношения, презента, сувенира. Слово *туҳфа* имеет более широкое значение, чем его другие синонимы, и сегодня более употребительнее, чем вышеупомянутые варианты. Слова *туҳфа* и *ҳадя* являются арабскими по происхождению, их

таджикскими эквивалентами являются *роҳовард* и *пешкаш*, а их туркским синонимом *савзо*:

Пеши шоҳон **тухфае** бошад нафис,
 Мардуми **беҳадя** набвад ҷуз хасис! [Аттор, 2014, с.192].
 (Изысканного подарка достойны цары,
 Человек без подарка, никто кроме как скупой.)

В следующем примере слова *ҳашмат* и *эъзоз* являются синонимами и означают величие, пышность, великолепие, уважение, оказание чести, почитание и их стилистические окраски дополняют друг друга:

Чун Зулайхо **ҳашмату эъзоз** дошт,
 Рафту Юсуфро ба зиндон боздошт [Аттор, 2014, с.192].
 (Так как у Зулейхи было величие и честь,
 Пошла и посетила Юсуфа в тюрьме.)

Слова *ҷидд* и *ҷаҳд* являются синонимами, означающие вкуче усилие, старание имеют арабское происхождение:

Буали Тӯсӣ, ки пири аҳд буд,
 Солики водии **ҷидду ҷаҳд** буд [Аттор, 2014, с.194].
 (Пиром своей эпохи был Буали Туси,
 Путником долины был он старательным и устремленным.)

С начала и до конца маснави Аттор упоминает Бога, у которого 99 имён в Коране и Сунне, со многими именами, которые являются синонимами:

Холико, парвардигоро, мунъимо,
Подшохо, корсозо, мукримо [Аттор, 2014, с.269].
 (О Творец, о Господь, о Щедрый,
 О Падишах, о Покровитель, о Великодушный.)

Иногда в маснави синонимы объединяются союзом “у” и дополняют друг друга как синонимические пары. Например, в следующем бейте слова *ранҷ* и *беморӣ* как синонимическая пара означают боль, страдание, болезнь, недуг:

Нотавон дар бистари зорӣ фитод,

Дар балову **ранчу беморӣ** фитод [Аттор, 2014, с.272].

(Беспомощно он горько рыдал,

Впал в беду, страдания и недуги.)

Можно сказать, что количество синонимов в маснави “Мантик-ут-тайр” Аттора очень велико и область их применения очень широка: *хамрозу хамдам* - искренный друг, наперсник [Аттор, 2014, с.253], *бесару сомон* - беспорядочный, разбросанный [Аттор, 2014, с.171], *лутфу карам* - милосердие, любезность [Аттор, 2014, с.110], *пушту паноҳ* - опора, защита [Аттор, 2014, с.106], *ҳавлу бим* - страх, боязнь, ужас [Аттор, 2014, с.100], *сарвар, раҳбар* - лидер, руководитель, лидер, наставник [Аттор, 2014, с.99], *азу ниёз* - нужда, потребность [Аттор, 2014, с.95], *суҷуд, саҷда* - земной поклон при молитве [Аттор, 2014, с.19], *ганчу сарват* - сокровище, богатство [Аттор, 2014, с.127]. Упоминание всех синонимов, использованных в маснави в рамках диссертации не представляется возможным, поэтому наиболее часто употребляемые из них с описанием значений мы привели в следующей таблице:

Таблица 2

Синонимы маснави «Мантик-ут-тайр»	Описание значения	Вариант использования в современном таджикском языке
азоб, алам	мучение, страдание	азоб кашидан, алам доштан
иззу шараф	почёт, честь, уважение, почесть, почитание, достоинство, благоговение, оказание чести, высокое уважение	иззатмандӣ, киромӣ, шарафмандӣ, боэҳтиромӣ, икром
султон, шох	султан, царь, правитель,	сардор, сарвар, роҳбар,

	повелитель, владика	раис
озарму хаё	стыд, стыдливость, застенчивость, смущение, честь, достоинство	шарм, хаё, ору номус
адлу инсоф	справедливость, совесть, совестливость	адолат, хакикат, боинсофӣ
назму тартиб	порядок, система	тартиб, низом
зоду буд	суть, сущность, основа	моҳият, асл
болу пар	крылья, перья	болу пар, қанот
бемислу мисол	бесподобный, беспримерный, несравненный, выдающийся, уникальный	бемисл, беназир, беҳамто
гарду губор	пыль, пыльная мгла, прах	гарду чанг, губор
хукму амр	приказ, указ, приговор, рапоряжение, предписание, указание	амр, фармон, супориш
орому қарор	спокойный, тихий, покой, спокойствие, терпение, выдержка	сабр, бардошт, худдорӣ, тоқат, тамкин, тобоварӣ, шикебой
тезфаҳму зирак, бисёрдон	понятливый, сообразительный, догадливый, знающий, сведующий, искусный, умелый, квалифицированный, учёный	тезфаҳм, зирак
ранчу дард	очизӣ, маҳдудӣ, ноқисӣ	дармандӣ, беморӣ

поку соф (нисбат ба шахс)	честный, совестливый, чистосердечный, добросовестный, целемудренный, непорочный	бовичдон, софдил, боинсоф, халолкор
шамсу офтоб	солнце, светило, свет, сияние, тепло	Офтоб
учб, ғурур	тщеславие, выскрмерие, самодовольство, надменность	кибру ғурур, такаббур, худписандӣ, ҳавобаландӣ
туҳфа ҳадя	подарок, подношение	туҳфа, ҳадя
чидду чахд	старание, усердие	саъй, кӯшиш
ҳамрозу ҳамдам	наперсник, искренный друг, близкий друг, сотоварищ, друг, интимный друг	дӯст, ҳамроз
ганчу сарват	сокровище, богатство, клад, драгоценности, обилие богатства, изобилие	боигарӣ, давлатмандӣ, сарватмандӣ
бесару сомон	беспорядок, неорганизованность	бетартибӣ, бенизомӣ, нооромӣ
лутфу карам	милость, благодеяние, милосердие, доброта, приношение	меҳрубонӣ, илтифот
пушту паноҳ	покровитель, защитник, опора, помощник	пуштибон, дастгир, мададгор
ҳавлу бим	страх, испуг, опасение, ужас, паника	тарс, ваҳм
ачзу ниёз	беспомощность, нужда	муҳтоҷӣ, нодорӣ,

		камбағали
гарду ғубор	пыль, пыльная мгла, прах	чангу ғубор
сачдаву сучуд	земной поклон во время МОЛИТВЫ, кланяться, ПОКЛОНЯТЬСЯ	сачда кардан

Таким образом, можно сделать вывод, что синонимы в маснави «Мантик-ут-тайр» Аттора использованы для разнообразного отражения чувства глубокой любви и привязанности к Всевшнему Творцу, точного выражения мысли, создания рифмы и соблюдения других норм и требований поэтики. Также для выполнения функции стиловой организации текста маснави синонимы умело и мастерски использованы в прямом и в переносном значении с дополнительными смысловыми оттенками.

Большинство синонимов маснави являются исконно персидско-таджикскими словами, но в то же время наблюдается применение арабских заимствований, которые используются как синонимические пары в таджикском языке: *назму тартиб* (порядок, распорядок, строй), *хукму амр* (приказ, указ), *уҷбу гурур* (высокомерие и надменность) *ҳашимату эъзоз* (великолепие, величие, уважение и почитание).

Другая группа синонимов состоит из религиозных и мистических терминов: *Парвардигор - Худованд, Офардигор* (Бог - Творец), *пайгамбар - расул - набӣ* (посланник - пророк), *муъмин - мусульманин* (верующий - мусульманин), *насоро - тарсо* (христианин - крестопоклонник), *устод - пир* (учитель - наставник), *пок - соф* (чистый-прозрачный), *чаҳаннам - дӯзах* (яд - преисподня), *ҷаннат - бихишт* (рай - блаженство), *чаҳон - дунё - даҳр* (мир - земля - свет), *уқбо - охират* (загробный мир - потусторонний мир) ... Еще одна группа синонимов использована в виде синонимических пар для выражения самых разнообразных оттенков, хотя некоторые из них в отдельности могут иметь разные значения, в совокупности дополняют друг друга:

озарму хаё, бемислу мисол (бесподобный и несравнимый), *мулку мол* (богатство, состояние, собственность), *ганчу сарват* (богатство, состояние), *зоду буд* (все что есть и нет, состояние), *ранчу дард* (боль и страдание) *беболу нар* (беспомощный, изнуренный) *поку соф* (чистый, прозрачный) *ҷиду ҷаҳд* (усилие и страдание)... Подобные синонимы использованы для более полного выражения мистических идей поэта и характерны для литературно-художественного стиля.

Употребление синонимов в поэзии, по мнению лингвиста М. Мухаммадиева, имеет особые закономерности. Слова используются в поэзии на основе норм поэтического стиля (соблюдения рифмы, созвучия и позиции). Поэтому положение слова в стихотворении очень устойчиво и иногда синонимы очень близкие и одинаковые по смыслу не могут заменять друг друга [Мухаммадиев М. Синонимхо ... стр.25]. Следует отметить, что в этом смысле в аллегорическом маснави Аттора все нормы поэтического стиля в употреблении синонимов соблюдены и не утратили свои смысловые оттенки по сей день.

2.5. Лексические повторы: виды и функции повторов

Исследователи упоминают множество видов лексического повтора, которые состоят в основном из анафоры, эпифоры, кольцевой повтор, анадиплосис.

1. *Анафора* - это оборот поэтической речи состоящий из повторение одних и тех же слов. Анафора чаще встречается в начале (матлаъ), середине строк и ближе к заключительным строкам (мактаъ) стихотворения.

Анафора чаще всего выражает кульминацию, то есть наивысшего момента литературного произведения и основная цель поэта формулируется после анафорических строк или непосредственно в тех же строках. В общем, анафора усиливает любую идею, высказанную в предыдущих строках. Анафора присутствует в каждой истории и сказании маснави “Мантик-ут-тайра” Аттора. Например, в начале одного из рассказов анафора повторяется в конце обоих строк следующего бейта:

Хурд айёре бад-он дилхаста **боз**,
 Бо високаш бурд дасташ баста **боз** ... [Аттор, 2014, с.28].

(Столкнулся воин с подавленным противником,
 Отвел его в свой дом, связав ему руки.)

Также наблюдается кульминация рассказа:

Ман кй бошам то касе **бошам туро**
 Ин басам гар нокасе **бошам туро** ... [Аттор, 2014, с.30].

(Кем я должен быть, чтобы быть для тебя кем-то,
 Достаточно для меня, если я для тебя никто.)

Также наблюдается использование анафоры в конце следующих строк маснави:

Чун зи ман холй бимонад **чойи ман**
 Гар ту хамроҳам набошй, **войи ман!**
 Руйи он дорй, ки хамроҳй **кунй**
 Метавон кард,агар хоҳй **кунй** [Аттор, 2014, с.31].
 (Когда мне станет пусто мое место,

Если тебя не будет рядом, горе мне!
 Решать тебе, сопровождать мне или нет,
 Ты можешь это сделать, если хочешь.)

Или в другом примере в разделе “Восхваление Пророка”:

Чони покон хоки поки чони **ўст**,
 Чон раҳо кун, офариниш хоки **ўст** ... [Аттор, 2014, с.31].
 (Душа чистоплотных почва его чистой души,
 Избався от души, творение – его почва.)

В этом же разделе создает эффект кульминации:

Баъси **ӯ** шуд сарнигунии бутон,
Уммати ӯ бехтарини **умматон** ... [Аттор, 2014, с.34].
 (Его миссия – свергнут идолов,
 Его народ – лучший из народов.)

В конце строк следующих бейтов этого рассказа с помощью анафоры подчеркивается основная мысль:

Ҳам пасу ҳам пеш аз олам **туӣ**,
 Собику охир ба як чо ҳам **туӣ**.
 Не касе дар гарди ту ҳаргиз **расад**,
 Не касеро низ чандин **расид** [Аттор, 2014, с.37].
 (И от, и до мира – это Ты,
 Первое и второе в одном месте – это тоже Ты.
 Никто не может сравниться с Твоей пылинкой,
 И никто не смог сравниться.)

2. *Этифора* - это повторение одинаковых строк, строф и фраз в конце последовательных предложений, которых вкуче называют редиф. В маснави Аттора повторение слов и фраз в конце строк часто встречается:

И иноят бин, ки баҳри чони **ӯ**,
 Кард Ҳақ бо чоқари даргоҳи **ӯ**.
 Чоқарашро кард марди кӯйи **ӯ**,
 Дод ба наълайн роҳаш сӯйи хеш.

Мӯсии Имрон чунон рутбат **бидид**,
 Чокари ўро чунин қурбат **бидид**... [Аттор, 2014, с.35].
 (Обрати внимание на заботу о его жизни,
 Что проявляла Истина со слугой порога.
 Слугу сделал хозяином своейулицы,
 Допустил его к себе в обуви.
 Муса сын Имрана увидел это высоее положение,
 И близость слуги к нему он увидел.)

Повторение глагольных словосочетаний, как эпитафия также можно встречать в маснави “Мантик-ут-тайр”. В первой строке следующего бейта слово *дур* в сочетании с глаголом *будан* (быть) означает быть далеко, держаться подальше, а во второй строке - быть жемчужиной:

З-он бувад дар пеши шохон **дурбош**,
 К-ай шуда наздики шохон - **дур бош**! [Аттор, 2014, с.67].
 (И потому нельзя приближаться к царям,
 И ты, кто приблизился, держись от них подальше.)

3. *Кольцевой повтор (эпанадиплозис)* - это тип повтора когда слово или словосочетания повторяются в начале и конце речевого отрезка (предложения, стихотворной строки и т.д.), чтобы усилить художественную выразительность текста:

Хочае мегуфт дар вақташ намоз,
 К-ай Худо, **рахмат** куну бар ман бисоз!
 Гар чу ман як гирда **қисмат** бошадат,
 Чойи лутфу чойи раҳмат бошадат [Аттор, 2014, с.124].
 (Некий ходжа говорил во время намаза:
 - О Боже, помилуй и помоги мне!
 Если твоя доля – ломоть хлеба, как у меня,
 Будет тебе благодати и милости.)

По сути лексический повтор подчеркивает главную мысль автора.

2.6. Метафора и ее использование в тексте “Мантик-ут-тайр”

Переносное значение слов и словосочетаний имеет разные формы и типы, и многие средства художественной выразительности и поэтического искусства в некоторой степени зависят от украшения слов и фраз и их применения в разные значения. Все средства художественного выражения играют важную роль в придании речи яркости и красочности. [Зехнй, 2007. с. 60].

Метафора - одно из важнейших средств художественного выражения и один из основных способов развития значения слова. Проблема развития значения слова в русском языкознании привлекала внимание исследователей Н. Шанского, Д.Н. Шмелева и, в большой степени, Т.В. Симашко и Т.Н. Скояревской. В таджикском языкознании исследователи при рассмотрении отдельных произведений того или иного автора и их лексического состава также уделили внимание изучению проблемы переносного значения слов. В этой связи можно отметить научные работы С.Сабзаева “Таджикско-персидская лексика “Кашф-уль-махджуб”, А. Муминова “Полисимия в таджикском языке”, М. Саломийён и др., в которых переносное значение слов также подвергались глубокому анализу.

По мнению лингвиста Х. Маджидова метафора - наиболее продуктивный способ образования лексического значения. Метафорический перенос лексических значений следует отличать от других переносных значений и средств художественно-поэтической выразительности. В данном случае метафора понимается, как средство создания отдельных значений, как способ образования того или иного лексического значения. Следовательно, понятие переносного значения относится не к отдельному типу лексического значения, а к способу формирования его значений. С другой стороны, лексические метафоры следует отличать от различных типов метафор, признанных как литературный приём [Мачидов, 2007. с. 51].

Маснави “Мантук-ут-тайр” Аттора - это поэтическое произведение, написанное на языке символов и притч, поэтому использование метафор и других средств художественной выразительности можно наблюдать на протяжении всего повествования. В частности, в этом маснави некоторые слова наряду с первоначальным исходным значением также имеют переносное значение. В следующем отрезке, в первых трех строках, слово “саг” (собака) имеет прямое значение, но в четвертом стихе “шермардеро ба саг нисбат кунад” (относит отважного человека к числу собак) имеет переносное значение:

Гах **сагеро** рах дихад то пешгох,
 Гах кунад аз гурбае макшуф рох.
 Чун **сагеро** марди он курбат кунад,
 Шермардеро ба саг нисбат кунад [Аттор, 2014, с.19].
 (То собаку пустит в порог,
 То кошке открывае дверь,
 Коль хозяин приблизил собаку к себе,
 Ведь относит отважного человека к числу собак.)

Однако в другом бейте слово “саг” (собака) использовано не в прямом смысле, а в переносном значении и в данном эпизодесравнивается мальчик с собакой:

К-он ғуломонро бихонд он подшо,
 Гуфт: - Бо он **саг** чй кардед аз чафо? [Аттор, 2014, с.254].
 (Рабов призвалк себе падишах,
 “Каким пыткам подвергли ту собаку? - спросил он.)

В маснави *ташбеҳ* (сравнение) - одна из наиболее широко используемых поэтических приемов, который является один из основных видов троп. Аттор использовал метафоры, наряду со многими другими стилистическими фигурами, которые придают описанию особую образность и привлекательность. В следующем отрезке лицо царской дочери сравнивается с

восходящей луной в раю, а её брови описываются как дуги, что указывает на красоту и миловидность:

Моҳи рӯяш ҳамчу фирдавс омада,
 В-он гаҳ аз абруш ду қавс омада.
 Чун зи қавсаш тирборон омада,
 Қоби қавсайнаш санохон омада [Аттор, 2014, с.225].
 (Её луна лика открылась словно в рай поднилась,
 Затем из её бровей лукивозвышались.
 Когда лук бровей выпускал свои стрелы,
 Восхищаться ей начало царство небесное.)

В другом примере поэт в части сотворении Вселенной, основываясь на аятах Корана и хадисах Пророка, уподобляет гору гвоздём земли, что также использовано сравнение:

Кӯхро меҳи замин кард аз нахуст,
 Пас заминро рӯй аз дарё бишуст.
 Чун замин бар пушти гов истод рост,
 Гов бар моҳӣ, моҳӣ бар ҳавост [Аттор, 2014, с.20].
 (Он с самого начала сделал гору гвоздём земли,
 Затем лицо земли морем омил.
 И когда земля на спину коровы стояла,
 Корова на рыбе, а рыба в воздухе.)

Маснави Аттора пронизан мистическими идеями и основное внимание в них сосредоточено в поисках Истины:

Чӣ бувад, эй муътии бемоягон,
 Гар ниғаҳ дорӣ ҳаққи ҳамсоягон!
 Бо диле пурдаду қоне пурдареғ,
 3-иштиёқат ашк меборам чу меғ.
 Чун зи дарди хеш баргӯям туро,
 Умри ман шуд, то ба кай чӯям туро? [Аттор, 2014, с.28].
 (Что будет, о Податель бедных,

Если сохраните право соседей.
 С сердцем, полным невзгод,
 Я лью слезы, как облако от желаний к тебе.
 Как объяснить тебе о своей боли,
 Жизнь моя подошла к концу, как долго еще искать тебе?)

В вышеупомянутых бейтах поэт называет себя и людей соседями и, сравнивая свои слёзы с туманом, жалуется, что всю свою жизнь он тратил в поисках раскрытия извечной загадки, то есть познание Бога, но ему это не удалось.

Таким же образом, в других стихах, восхваляющих Творца, Аттор метафорически описывает обморок солнца и горение луны следующим образом:

Офтоб аз шавки ту рафта зи хуш,
 Хар шабе бар хок мемолад ду гӯш.
 Мох аз мехри ту дил бигдохта,
 Хар миҳ аз хайрат сипар андохта [Аттор, 2014, с.22].
 (Солнце потеря сознание от рвении к Тебе,
 Каждую ночь ушами землю трет.
 Луна расплавилась в твоей любви,
 Каждый туман бросил щит изумления.)

В своих поисках понимания мира и реализации духовно-практической деятельности Аттор образно сравнивает мир с рекой, глубины которой никто не знает, и считает мира нераскрытой:

Огаҳанд аз рӯйи ин дарё базе,
 Лек огах нест аз қаъраш базе.
 Ганҷ дар қаърасту гетӣ дар тилисм,
 Бишканад охир тилисм ин банди чисм [Аттор, 2014, с.25].
 (Они хорошо знают поверхность этого моря,
 Но никто не знает его глубину.
 Сокровище находится в глубине, а мир в колдовстве,

Разабёт наконец колдовство эти оковы тела.)

В другом примере поэт сравнил Пророка Ислама с владыкой двух миров, царем всего, солнцем жизни и веры, обладателем миража, главой вселенной, тенью Истины, обладателем солнечной сущности, что свидетельствует о его высоком художественном вкусе поэта при использовании стилистических фигур речи:

Хочаи кавнайну султони хама,
 Офтоби чону имони хама.
 Сохиби меърочу садри коинот,
 Сояи Ҳақ, хочаи хуршедзот [Аттор, 2014, с.31].
 (Ходжа двух миров и повелитель всего,
 Солнце каждой души и веры.
 Владелец мераджа и глава вселенной,
 Тень Всевышнего и обладатель солнечной сущности.)

В следующих бейтах праведный халиф Али ибн Абу Талиб сравнивается с Львом Всевышнего и короной:

Чу Алӣ Шери Ҳақ асту тоҷи сар,
 Зулм натвон кард бар шер, эй писар [Аттор, 2014, с.45].
 (Ибо Али почтенный - Лев Всевышнего,
 Невозможно угнетать льва, сын мой!)

Можно сказать, что в маснави много рассказов и сказаний, в которых женская красота уподобляется луне и для достижения большей художественной выразительности поэт использует разнообразные тропы и фигуры речи:

Шахриёре духтаре чун моҳ дошт,
 Оламе пур ошиқи гумроҳ дошт.
 Фитнаро бедории пайваст буд,
 З-он ки чашми нимахобаш маст буд [Аттор, 2014, с.56].
 (У шахрияра была дочь, подобна луне,
 Окруженной толпой ослепленных поклонников,

Не прекращалась интрига вокруг неё,
Ибо её полусонные глаза опьяняли.)

Переносные значения выражают богатство таджикского языка, и Аттор также широко использовал их в маснави, придавая лаконичность, экспрессивность и красоту своему стилю выражения. Например, в следующем примере описана красота попугая и его разноцветные перья:

Тутӣ омад бо даҳоне пуршакар,
Дар либоси фустукӣ бо тавки зар.
Боша гашта пашшае аз фарри ӯ,
Ҳар кучо сарсабзие аз парри ӯ [Аттор, 2014, с.58].
(Попугай прибыл с полным сахаром клювом,
В наряде фисташкового цвета сзолотым ожерельем.
От его сиянии и сокол стала мухой,
Вся зелень - это отражение его перьев.)

В языке метафору также называют перенос по сходству, что характерно многозначным словам. В таджикском языке много исконных многозначных слов среди лексики исконно таджикского происхождения и исследователи провели в этом отношении ценные исследования. Например, слово “сар” голова в маснави “Мантик-ут-тайр” Аттора используется, как языковая метафора в следующих случаях:

Хост то хайли малоик сар ба сар,
Не хабар ёбид аз чон, не асар [Аттор, 2014, с.197].
(Он пожелал, чтобы все ангелы до единого,
Остались в неведении о душе и не нашли следа.)

Слово сар имеет несколько значений, например, в случаях *сари хум* (голышко кувшина), *сари ангушт* (кончик пальца), *сари гӯр* (на могиле), *сарикӯҳсор* (вершина горы) оно означает верхнюю часть, начало, расположение на поверхности. Слосочетание *сар ба сар* поэт использовал в значении поголовно, полностью, без исключения. В следующем бейте слово

сарв сочетании с глаголом *ниҳодан* (класть) означает поклониться, склонить голову ниц, то есть земной поклон мусульман во время молитвы:

Сар ниҳоданд он хама бар рӯи хок,
 Лочарам як тан надид он сирри пок [Аттор, 2014, с.197].
 (Все они склонили головы ниц,
 Поэтому ни один не увидел эту чистую тайну.)

Синедокха (маҷози мурсал) - это вид фигуры речи, в основании которого лежит отношении части к целому или целое вместо части, и она близка к так называемому скрытому сравнению *-истиора*.

Созданный таким образом значение означает частное вместо целого или целое вместо частного. В тексте Аттора этот способ выражения очень распространен. Например, в следующем примере это означает:

Кудсиён чумла сучудат кардаанд,
 Чузву кулл ғарки вучудат кардаанд.
 Аз ҳақорат сӯйи худ мангар баче,
 З-он ки мумкин нест беш аз ту баче [Аттор, 2014, с.114].
 (Небесные ангелы все перед тобою склонялись,
 И целое, и часть тебе поклонялись.
 Не смотри так часто унижительно на себя,
 Ибо не кто не может быть выше тебя!)

В вышеупомянутом отрезке речь идёт об Адаме, которого сотворил Бог перед которым пали ниц все небесные ангелы, кроме Иблиса. Поэт отмечает, что невозможно представить другого создания выше человека, следовательно ему не следует смотреть на себя унижительно.

В следующем примере в строке “*қатра будам гум шудам дар баҳри роз*” (был каплей, потерянной в море тайн) мы наблюдаем переход от целого к части, имеющий глубокий философский смысл:

Маҳв гаштам, гум шудам, ҳечам намонд,
 Соя мондам, заррае печам намонд.
 Қатра будам, гум шудам дар баҳри роз,

Менаёбам ин замон он катра боз [Аттор, 2014, с.241].
 (Я уничтожен, потерен, от меня ничего не осталось,
 Я остался тенью, не осталось ни частицы извилины.
 Я был каплей, потерянной в море тайн
 Не найти мне сейчас ту каплю снова.)

Метонимия - это перенос названия с предмета на предмет, в основе которой лежит смежность. Метонимия способствует выразительностью и яркостью образов и придает речизффективность и привлекательность. По нашим наблюдениям, в маснави Аттора тоже обнаруживается такое свойство метонимии, потому что метонимия через неё можно отражать философию человеческой жизни:

Офарин **чонофарини** покро,
 Он ки чон бахшиду имон хокро [Аттор, 2014, с.18].
 (Хвала Чистейшему, дающему жизнь,
 Даровавшему душу и веру земле.)

В первой строке вышеприведенном бейтесловосочетание “*чонофарини пок*” (чистый, дающий жизнь) - это метонимия, то есть перенос названия Бога, а во втором строке слово *хок*(земля, глина) заменяет человека, то есть Адама, который создан из глины.

Или:

Осмонро бар забардастй бидошт,
 Хокро дар ғояти **пастй** бидошт [Аттор, 2014, с.18].
 (Он искусно держал небо на высоте,
 И держал землю в самом низу.)

В вышеупомянутом бейте небо используется в религиозном и мистическом смысле верхнего мира - арша, а земля нижнего мира - фарша или курси.

Или:

Мурғи гардун дар раҳаш пар мезанад,
 Бар дараш чун ҳалқа ба дар мезанад [Аттор, 2014, с.19].

(Птица вселенной движется по его пути,
И стучится в его дверь, как кольцо.)

В этом бейте словосочетание *мурғи гардун* (птица вселенной) указывает на Солнце и другие движущиеся небесные тела.

В целом, можно сказать, что в маснави «Мантик-ут-тайр» Аттора присутствует огромное количество метафор, синекдох и метонимии, которые эффективно использованы для действенности и колоритности авторского стиля выражения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании исследования лексико-семантических особенностей маснави «Мантик-ут-тайр» Фаридуддина Аттора можно сделать следующие выводы:

1. Исследования на основе языка и стиля произведений классиков, в том числе аллегорического маснави «Мантик-ут-тайр» Фаридуддина Аттора, наряду с выявлением лексико-грамматических особенностей таджикского литературного языка, а также определения различных этапов развития этого языка будут способствовать обогащению лексического состава и пополнению словарного запаса. Вместе с тем, изучение и освоение рассматриваемой темы, а также эффективное использование его результатов создают благоприятную основу для развития и распространения государственного языка в современной эпохе.

2. Шейх Фаридуддин Аттор Нишопури (1148/51-1221) - один из величайших поэтов таджикской классической литературы, бесценные произведения которого, в том числе маснави «Мантик-ут-тайр», имеют особое значение для определения предпосылок, тенденций и факторов развития таджикского литературного языка в средние века.

3. Язык и стиль «Мантик-ут-тайр» Аттора является логическим продолжением развития таджикского языка в раннем средневековье и в его языке стиле наблюдается плавность, сладкоречивость, общедоступность и неповторимая манера выражения предшествующих поэтов-мистиков, в том числе Абусаида Абулхайра, Наджмуддина Кубро, Бобо Тохира Урёна и др.

4. Лексическая состав маснави «Мантик-ут-тайр» состоит из слов, выражающих разные значения, в особенности религиозно-мистических и философских терминов, изучение которых может пролить свет на несколько вопросов:

а) лексическая состав и мистико-дидактический стиль выражения Аттора показывают характерные особенности творчества поэта;

б) углубленное изучение лексической состава маснави «Мантик-ут-тайр» может познакомить читателя с духовным миром эпохи Аттора, который описан посредством символов и средствами художественной выразительности;

в) изучение лексического состава позволяет раскрыть смысл и суть маснави, который является полностью аллегорическим произведением.

5. Лексическая состав маснави «Мантик-ут-тайр» состоит из исконно таджикско-персидских простых (*об* (вода), *хок* (почва), *замин* (земля), *бод* (ветер), *кӯҳ* (гора), *санг* (камень), *гул* (цветок), *пул* (мост), *оташ* (огонь), *рӯз* (день), *шаб* (ночь), *модар* (мать), *духтар* (дочь), *падар* (отец), *писар* (сын), *намоз* (молитва), *дил* (сердце), *Хуршед* (Солнце), *Моҳ* (Луна) ...), производных (*пастӣ* (низость), *хокиён* (земляне), *дастурӣ* (предписанный, разрешение)...), сложных (*ганҷнома* (опись сокровищ), *раҳнамо* (путеводитель), *ҷонофарин* (дающий жизнь), *хунолуд* (окровавленный ...) и иностранных заимствований.

6. Заимствования состоят из слов арабского: (*имон* (вера), *саум* (пост), *салот* (молитва), *арш* (наивысшее место), *курси* (престол), *салик* (путник), *восиф* (восхвалитель), *соҷид* (преклоняющийся), *муъмин* (верующий), *кофир* (неверный), *анбиё* (пророки), *асфиё* (избранные), *авлиё* (святые) ...), ивритского: *Иброҳим* (Авраам), *Исмоил* (Измаил), *Довуд* (Давид), *Сулаймон* (Соломон), *Таврот* (Тора), *Инҷил* (Евангелие)..., греческого (*муסיқӣ* (музыка), *қақнус* (сказочная птица), *файласуф* (философ), *магнотис* (магнетизм) ... происхождения, среди которых арабские заимствования имеют явное преимущество.

7. Арабские заимствования, в свою очередь, подразделяются на религиозно-мистическую лексику (*иман*, *салат*, *солик*, *васиф*...); лексику, относящуюся к животным (*суъбон* (змея), *ноқа* (верблюд) *анкабут* (паук)...; лексике, относящейся к птицам (*худхуд* (удод), *дурроҷ* (фазан)...; растениям (*раъно* (цветок)...; минералам и драгоценным камням (*ақик* (сердолик), *лаъл* (шпинель)..., а также на арабизированные слова таджикско-персидского происхождения (*фустук* (фисташка), *манҷаниқ* (требующе), *чуллоб* (розовая

вода)... и фразы, отрывки, предложения арабского языка, имеющие преимущественно религиозную окраску (“*бисмиллах*” (во имя Аллаха), “*ва хува хайрулхалқ фи хайр аль-қурун*” (и он лучший из творений лучших веков), “*утлубу-л-илма ва лав би-с-Син*» (ищите знание даже в Китае), “*Ана-л-Хаққ*” (Я есть Истина) “*ариҳно ё Билол*” (О, Билал дай нам отдохнуть в молитве).

8. Лексическая состав маснави “Мантик-ут-тайр” с точки зрения сферы потребления включает лексику, относящуюся к животным (птицам и животным), растениям, географическим названиям, астрономическим понятиям, минералам и драгоценным камням и др.

9. Поскольку птицы играют центральную роль в маснави “Мантик-ут-тайр”, на что и указывает его название, лексика, относящаяся к птицам занимает в нем ключевое место. Следует отметить, что в маснави наряду с названиями реально существующих птиц: *худохудо* (удод), *андалеб* (соловей), *қумрӣ* (горлинка) и др. упоминаются также имена мифических птиц, таких как симург и какнус. Использование распространенных сегодня в таджикском языке многих названий птиц, в том числе *мусича* (горлица), *саъва* (чиж) *кабк* (куропатка)... также наблюдается в маснави.

10. Использование религиозной и мистической лексики и терминологии (*дин* (религия), *суфӣ* (суфий), *кофир* (неверный), *имом* (имам), *намоз* (молитва), *арш* (престол), *курсӣ* (трон), *зот* (суть), *уммат* (народ), *масҷид* (мечеть), *маҳшар* (конец света), *ҷаннат* (рай), *тақво* (благочестие), *Каъба* (Кааба), *адн* (рай), *захид* (отшельник), *Кавсар* (один из райских рек) занимает значительное место в маснави “Мантик-ут-тайр” Аттора.

11. Широкое применение в маснави имеют слова омонимы (*бод* (ветер-пусть), *боз* (сокол-снова), *деҳ* (дай-деревня), *назм* (порядок-поэзия), пир (старик-наставник), дам (время-температура) ...), антонимы (*дӯзах-биҳишт* (ад-рай), *шоҳ-гадо* (царь-нищий), *об-хушкӣ* (вода-засуха), *куфт-имон* (неверие-вера), *суд-зиён* (польза- ущерб), *фано-бақо* (смерть-вечность), *ҷузв-кулл* (часть-целое), *инкор-иқрор* (отрицание-признание), *зоҳир-ботин*

(наружное-внутреннее), *дӯст-душман* (друг-враг), *вафо-цафо* (преданность - неверность), *мурда-зинда* (мертвый-живой), *бадӣ-некуӣ* (зло-доброе дело) и синонимы (*Парвардигор - Худованд - Офардигор* (Господь - Бог - Творец), *расул-пайгамбар-набӣ*(посланник, пророк - пророк), *муъмин-мусулмон* (верующий - мусульманин), *насоро - тарсо* (христианин - крестопоклонник), *устод - тир* (учитель - наставник), *пок - соф*(чистый - прозрачный), *чаҳаннам - дӯзах* (ад - преисподняя), *чаннат-биҳишт* (рай - эдем), *чаҳон-дунё-дахр* (мир - свет-вселенная), *уқбо - охират* (загробный мир - погосторонний мир ...).

12. Антонимы маснави делятся на следующие группы в зависимости от их значения:

- 1). Антонимы, описывающие деятельность человека, явления природы и связанные с ними объекты в целом;
- 2). Антонимы, обозначающие понятия времени и пространства;
- 3). Антонимы, выражающие душевное состояние, настроение и эмоции человека;
- 4). Антонимы, отражающие существенные различия однородных предметов, явлений и т.д..

Антонимы, встречающиеся в этом маснави, по своему морфологическому строению делятся на четыре группы: простые, производные, сложные и составные. Простые и производные антонимы в маснави имеют более широкое применение, чем сложные и составные антонимы. Следует отметить, что наиболее распространенными антонимами в маснави являются слова “шаб” (ночь) и рӯз (день), которые употреблялись более 50 раз.

13. В маснави “Мантик-ут-тайр»” также используются лексический повтор и его виды: анафора, эпифора и кольцевой повтор.

14. Метафора, синекдоха, метонимия также нашли своё применение в этом маснави, с помощью которых поэту удалось создать эффективные и красочные образы.

В целом изучение лексических и семантических особенностей маснави «Мантук-ут-тайр» Фаридиддина Аттора показывает, что этот маснави оказал большое влияние на развитие таджикского персидского литературного языка и творчество более поздних мастеров поэзии, особенно на появление бессмертного произведения Мавлоно Джалолиддина Балхи-Руми «Маснави», который написано в том же стиле выражения и стихотворном ритме, что и «Мантук-ут-тайр». Поэтому поводу сам Руми сказал следующее:

Аттор руҳ буду Саной ду чашми ӯ,

Мо аз пайи Санову Аттор омадем.

(Аттор был духом, а Санай его двумя глазами,

Мы последовали за Санай и Аттором.)

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абаев В.И. Сравнительство-историческое иранское языкознание // Очерки по истории изучения иранских языков. – М., 1962. - С.3-8.
2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.1. / В.И. Абаев. – М., – Л., 1958.
3. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, Т. 2. – Л., 1973.
4. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.3. – М. – Л., 1979.
5. Айнӣ С. Куллиёт, ҷ. 5. - Душанбе, 1963.
6. аль-Беруни. аль-Осар-уль-бакия ан-ил-курук-иль-холия. Издание Эдуарда Захава. Лейбсиг, 1923.
7. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика // Синонимические средства языка. - М.: Наука, 1974. С. 332 – 337.
8. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л.: Просвещение, 1973. – 380 с.
9. Арсеньева М.Г. Многозначность и омонимия. - Л.: ЛГУ, 1996. 131 с.
10. Аттор. Нишопурӣ. Девони қасоид ва ғазалиёт. Бо тасхеҳу муқаддимаи Саид Нафисӣ. - Техрон, 1319.
11. Аттор, Фаридуддин. Мантиқ-ут-тайр ва Асрорнома. – Душанбе: Адиб, 2014. – 480 с.
12. Байзоев А.М. Забони «Донишнома»-и Абӯалӣ ибни Сино (истилоҳот ва калимасозӣ). Дисс. ... номзади илми филология (дастхат). – Душанбе, 1992. – 203 в.
13. Баранов Х. К. Арабско – русский словарь. - М.: ГИС, 1957. 1187 с.
14. Бердиева Т. Назарияи иқтибос. - Душанбе, 1991. -128 с.

15. Бертельс Е.Э. Суфизм и суфийская литература // Избранные труды. – М.: Наука, 1965. – 523 с.
16. Бобомуродов Ш., Мухторов З. Фарҳанги истилохоти забоншиносӣ. – Душанбе, 2016. - 428 с.
17. Боголюбов М.Н. Несколько иранских этимологий // Вопросы грамматики и истории восточных языков. – М.: Изд. АН СССР, 1953. -С.102-103.
18. Болдырев А.Н. Из истории развития персидского литературного языка // ВЯ, 1955, №5, - С.78-92.
19. Брагина А. А. Синонимы в литературном языке. – М.: Наука, 1986. - 127 с.
20. Брагинский И.С. Из истории таджикской народной поэзии. – М.:1956. - 496 с.
21. Виноградов В.В.. Проблемы русской стилистики - М .: Госиздат, 1941.
22. Виноградов В.В. Вступительное слово на Всесоюзном терминологическом совещании // Вопросы терминологию – М., 1961. С. 7-12.
23. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Лексиология и лексикография. – М., 1977. - С. 120-161.
24. Виноградов В. С. Классические традиции иранской музыки, М. 1982. -184 с.
25. Гвоздарев Ю. А. Лексика и фразеология современного русского языка. - Ростов н / Д, 1989. – 184 с.
26. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ҷ.1. - Душанбе, Ирфон, 1985. -356 с.
27. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977.
28. Ефимов А.И. История русского литературного языка. -М., 1955. - 422 с.

29. Замонӣ, Карим. Шарҳи ҷомеаи маснавии “Мантиқ-ут-тайр”. Ҷ.1. – Техрон: Иттилоот, 1395.
30. Зехнӣ Т. Аз таърихи лексикаи забони тоҷикӣ. - Душанбе: Дониш, 1987. -234 с.
31. Зехнӣ, Т. Дар бораи баъзе калимаҳои маъмули устод Рӯдакӣ ва муосиронаш // Ш.С., 1958, №10.
32. Зехнӣ Т. Санъати сухан. - Душанбе: Адиб, 2007. - 400 с.
33. Камолиддинов Б. Забон ва услуби Ҳаким Карим. Душанбе, 1967, - 185с.
34. Капранов В.А. Дар бораи баъзе хусусиятҳои луғатҳои пешинаи тоҷикӣ // Шарҳи сурх, №7, 1957. - С. 86- 90.
35. Каримов Ҳ. Мухтасар дар бораи этимологияи баъзе калимаҳои тоҷикӣ // Пятая межвузовская научная конф. по иранской филологии. - Душанбе, 1966. -С. 167-168.
36. Касимов О.Х. Лексика и словообразование в «Шахнаме» Абулкасима Фирдоуси. – Душанбе: Дониш, 2016. – 346 с.
37. Кузькин Н.П. К вопросу о сущности термина // Вестник ЛГУ, серия история, языка и литературы. Вып 4, 1962. – С. 136-146.
38. Қосимова М.Н. Забони адабии тоҷик дар аҳди Сомониён // Адаб, 1998, №1-3. –С. 12 - 18.
39. Қосимова М.Н. Таърихи забони адабии тоҷик (асрҳои IX-X). Қисми 1. -Душанбе, 2003. - 490 с.
40. Қосимова М.Н. Мухтасар оид ба истилоҳоти забоншиносии пешини тоҷик. -Душанбе, 2003. – 113 с.
41. Қосимова М.Н. Чор унсур: маъниофаринӣ, калимасозӣ (дар асоси маводи «Маснавии маънавӣ»). - Душанбе: Деваштич, 2007. - 266 с.
42. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т.1. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
43. Лингвистический энциклопедический словарь. [Текст]. Главный редактор В.Н. Ярцева. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. -685 с.

44. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. – М., 1961.
45. Мачидов. Ҳ. Забони адабии муосири тоҷик. Луғатшиносӣ. Ҷ 1. - Душанбе, 2007. - 243с.
46. Мачидов Ҳ. Сермаъноии луғавӣ // Маориф. 1997, №9-12.
47. Маъсумӣ Н. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик. Сталинобод, 1959. - 294 с.
48. Маъсумӣ Н. Асарҳои мунтахаб. Ҷ.2. - Душанбе: «Адиб», 2005. 349 с.
49. Мирзоев А.М. Забони адабиёти классикӣ ва муносибати он ба забони ҳозираи тоҷик // Шарқи Сурх, 1949, №4. - С. 7-14.
50. Муминов А. Полисемия в таджикском языке. Автореферат дис.. кандидата филол. наук. - Душанбе 1972.
51. Мукулмониён Р. Назарияи адабиёт. – Душанбе: Маориф, 1990. - 334 с.
52. Муҳторӣ З. Хусусиятҳои ирфонии ғазалиёти Саной. - Душанбе: Ҳумо, 2001. - 128с.
53. Муҳторӣ. К. Хусусиятҳои луғавию услубии Рӯдакӣ. – Душанбе: Деваштич, 2006.
54. Муҳаммад Ғиёсуддин. Ғиёс-ул-луғот. Ҷ.1. - Душанбе: Адиб, 1987. 398 с.
55. Муҳаммад Ғиёсуддин. Ғиёс-ул-луғот. Ҷ.2. - Душанбе: Адиб, 1988. 390 с.
56. Муҳаммадиев М. Синонимҳо дар забони ҳозираи тоҷик. - Душанбе, 1962. - 162 с.
57. Муҳаммадиев М. Очеркҳо оид ба лексикаи забони адабии тоҷик. – Душанбе: Ирфон, 1981. – 63 с.
58. Муҳаммадиев М., Талбакова Ҳ., Нурмаҳмадов Ю. Лексикаи забони адабии ҳозираи тоҷик (маводи таълимӣ). – Душанбе, 1997. 189с.

47. Мухаммадхочаев А. Аҳвол, осор ва афкори Фаридуддин Аттор // Андешаҳо перомуни ирфон ва фалсафа. - Душанбе: Дониш, 2012. - 323 с.
59. Мухаммадхусайни Бурхон. Бурҳони котеъ. Ҷ.1. - Душанбе: Адиб. - 416 с.
60. Назарзода С. Ташаккули истилоҳоти иҷтимоӣ-сиёсии забони тоҷикӣ дар садаи XX. - Душанбе: Дониш, 2004.
61. Назарзода С. Истилоҳоти забони тоҷикӣ: таърих, гароиш ва дурнамо. - Душанбе, 2013.-148 с.
62. Низомов А. Суфизм в контексте музыкальной культуры народов Центральной Азии. – Душанбе, 2000. – 296 с.
63. Норматов М. Муқаддимаи забоншиносӣ. -Душанбе, 1989. -240 с.
64. Нурув А. Фарҳанги осори Ҷомӣ. Ҷ.1. – Душанбе, 1983. – 536 с.
65. Нурув А. Фарҳанги осори Ҷомӣ. Ҷ.2. – Душанбе, 1984. – 608 с.
66. Нурув А. Фарҳанги ашъори Рӯдакӣ. – Душанбе: Маориф, 1990. – 368 с.
67. Нурув П. Истилоҳ ва истилоҳсозӣ дар забони илмии тоҷикӣ (бо замимаи Фарҳанги мухтасари истилоҳоти физика). – Душанбе, 2006. – 222 с.
68. Нурув П.Г. Теоретический и прикладной аспекты таджикской научно-технической терминологии. – Душанбе: Дониш, 2017. – 287 с.
69. Оранский И.М. Иранские языки. - М.: Изд. -вост. лит. 1963. -203 с.
70. Орзу Сирочиддин Алихон. Чароғи хидоят. - Душанбе: Ирфон, 1992. - 288 с.
71. Основы иранского языкознания. Древноиранские языки. - М.: Наука, 1979. - 387 с.
72. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Западная группа, прикаспийские языки. -М.: Наука, 1982. -572 с.
73. Палевская М. Ф. Синонимы в русском языке. -М.: Просвещение, 1964. - 128 с.
74. Пейсиков Л.С. Лексикология современного персидского языка. -М.: Изд. МГУ, 1975. - 207 с.

75. Пумянский А. Л. О принципе языковой многозначности // ВЯ, 1983, №1. – С. 122 – 130.
76. Расторгуева В.С. Среднеперсидский язык. - М.: Наука, 1966. -160 с.
77. Расторгуева В.С. Древнеиранские языки (авестийский и древнеперсидский) // Языки Азии Африки. Т.2. -М.,1978. - С.18-58.
78. Расторгуева В.С. Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Т. III. – М., 2007. – 493 с.
79. Рахматуллозода С. (Хоркашев Сахидод) Словообразования имён существительных в южных и юго-восточных говорах таджикского языка.– Душанбе, 2016. – 239 с.
80. Реформатский А.А. Введение в языковедение. - М.: Просвещение, 1955. -268 с.
81. Реформатский А.А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. – М.,1968. – С.103-126.
82. Рубинчик Ю. А. Типы семантических изменений арабских заимствований в персидском языке // Иранское языковедение. История, этимология, ипология. - М.: Наука,1976. - С.199-209.
83. Рубинчик Ю. А. Основы фразеологии персидского языка. –М.: Наука, 1981. -274 с.
84. Сабзаев С. Забон ва сабки баёни Мавлоно Чалолуддини Румӣ. – Душанбе: Ирфон, 2014. – 520 с.
85. Саймиддинов Д. Вожашиноси забони форсии миёна. - Душанбе: Пайванд, 2001. - 310 с.
86. Саймиддинов Д. Бархе аз вожаҳои кӯҳна дар ғӯишҳои тоҷикӣ //Номаи Пажӯҳишгоҳ. №2. 2002.- С.5-20.
87. Сафо, Забехуллох. Гандчинаи сухан // Шоирони бузурги порсигӯӣ ва мунтахаби осоринон – аз Рӯдакӣ то Баҳор. – Техрон: Қақнус, 1374. – С.424-442.
88. Стеблин-Каменский И.М. Этимологический словарь ваханского языка. – Спб. Петербургское востоковедение, 1999. – 478 с.

89. Сулаймонов С. Ибни Сино-падидаи фарҳангӣ ва забони рӯзгори Сомониён // Фалсафа дар аҳди Сомониён. – Душанбе, 1999. – с. 190-199.
90. Султанов Т.И. Чингисхан и Чингисиды. Судьба и власть. - М. АСТ, 2006.
91. Султон, Мирзо Хасан. Становление и развитие персидско-таджикской научной терминологии. – Душанбе: Дониш, 2008. – 342 с.
92. Султон, Мирзо Хасан. Язык науки и терминология. – Душанбе: Дониш, 2011. – 202 с.
93. Султон, Мирзо Ҳасан. Кухантарин дастури забони форсии тоҷикӣ дар сарзамини Чин. – Душанбе: Бухоро, 2018. –130 с.
94. Султон, Мирзо Ҳасан. Мушкилоти забони илм ва истилоҳот. – Душанбе: Дониш, 2015. – 324 с.
95. Султон, Мирзо Ҳасан. Ташаккул ва тақомули истилоҳоти илмӣ форсӣ-тоҷикӣ. – Душанбе: Дониш, 2008. – 334 с.
96. Султон, Ҳасан. Забони давлати Сомониён. – Душанбе, 2020. – 586 с.
97. Султон, Ҳасан. Мухтасари зиндагиномаи Шамси Табрезӣ бо замимаи гулчине аз гулшани “Мақолоти Шамс”. – Душанбе: Эр-граф, 2019. – 151с.
98. Талбакова Ҳ. Луғати антонимҳои забони адабии тоҷик. - Душанбе, 2000. – 101с.
99. Тоҳирова Л. Лексикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. - Душанбе, Дониш, 1967. - 79 с.
100. Тураев Б.Б. Комментарий к некоторым топонимам в “Шахнаме” Фирдоуси // Суханшиноси, 2016 №2, с.36-48.
101. Унсуралмаолии Кайковус. Қобуснома. – Душанбе, 2007.
102. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷ.1. - М.: СЭ. 1969. - 951 с.
103. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷ.2. – М.: СЭ. 1969. - 949 с.
104. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷ.1. – Душанбе, 2008. – 950 с.
105. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷ.2. – Душанбе, 2008. – 945 с.
106. Фирдавсӣ. Шохнома. Ҷилди 10. – Душанбе: Адиб, 2010.
107. Хусрав, Носир. Сафарнома. - Душанбе, 1970.

108. Ҳалимов С. Таърихи забони адабии тоҷик (асри X). - Душанбе, 1978. -101 с.
109. Ҳалимов С. Таърихи забони адабии тоҷик (асрҳои XI-XII) .- Душанбе, 2002.
110. Ҳасанзода А. Қойвожаҳои қаламрави Сомониён. - Хучанд, 2018. - 560 с.
111. Ҳомидов Д. Таҳқиқи забоншиносии гидрономҳои мавзеҳои таърихии тоҷикнишин. Диссертатсия барои дарёфти дараҷаи докт. илм, 2017. - 470 с.
112. Ҳуқуқӣ, Аскар. Луғот ва таркиботи Рӯдакӣ. - Техрон, 1337.
113. Ҳусейнов Х. Шукурова К. Луғати терминҳои забоншиносӣ. Душанбе, Маориф, 1983. -255 с.
114. Шанский Н.М. В мире слов. - М.: Посвещение, 1971. -214 с.
115. Шанский Н. М.. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение. 1964.
116. Шанский Н.М., Иванов В. В. Современный русский язык. – М.: Просвещение, 1981. -370 с.
117. Шарофов Н.А. Пути развития лексики современного таджикского литературного языка: Автореф. дис... докт. филол. наук – Баку. - 1974. -68 с.
118. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. - М.: Наука, 1973. -280 с.
119. Шукуров М. Забонимо – ҳастии мо. - Душанбе: Маориф, 1991. - 231 с.
120. Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик. Ҷилди I. – Душанбе, 1988. – 544 с.
121. Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик. Ҷилди II. – Душанбе, 1989. – 560 с.
122. Энциклопедияи советии тоҷик. Ҷилди 3. – Душанбе, 1981.
123. Энциклопедияи советии тоҷик. Ҷилди 4. – Душанбе, 1983. – 634 с.

124. Эшматова И.С. Семантическая и функциональная классификация музыкальной терминологии русского и таджикского языков. – Худжанд: Нури маърифат, 2014. – 184 с.
125. ابن ندیم، الفهرست، تحقیق رضا تجدد، بی نا، 1350. 601ص.
126. البيروني، ابوالريحان محمد بن احمد. الآثارالباقية عن القرون الخالية. قد التزم نشره ادوارد زاخاو. ليبزيك، 1923
127. اميني، اميرقلي، فرهنگ عوام يا تفسير امثال و اصطلاحات زبان پارسي، اصفهان، دانشگاه اصفهان. 1354. 679ص.
128. انوري، حسن و حسن احمدی گيوي، دستور زبان فارسي 1، انتشارات فاطمي، 1367. 256ص.
129. بروجردی، سيد ابراهيم، تفسير جامع، چاپ سوم، انتشارات صدر، تهران، 1341. 500ص.
130. بهار، ملك الشعراء، سبك شناسی يا تاريخ تطور نثر فارسي. ج3. تهران، 1327، 360ص.
131. بهمنيار، احمد، داستان نامه بهمنيارى، انتشارات دانشگاه تهران، چاپ سوم، 1381. 502ص.
132. بيهقى، محمدبن حسين، تاريخ بيهقى. به كوشش خليل خطيب رهبر، سه جلد. تهران، نشر مهتاب، 1386. 1263ص.
133. حافظ، خواجه شمس الدين، ديوان، تصحيح وتوضيح پرويز نائل خانلرى، چاپ سوم، انتشارات خوارزمى، تهران، 1362. 1328ص.
134. دهخدا، على اكبر، لغت نامه دهخدا، زير نظر محمد معين و سيد جعفر شهيدى، انتشارات دانشگاه تهران، مؤسسه لغت نامه دهخدا، تهران، 1325. 19289ص.
135. الرضى، سيد الشريف ، نهج البلاغه، ترجمة محمد دشتى، چاپ دوم ، دفتر نشر نسيم حيات، قم، 1379. 212ص.
136. سعدي، مصلح الدين، بوستان، تصحيح محمد خزائلي، جاويدان، تهران، 1372. 507ص.
137. سعدي، مصلح الدين، گلستان ، تصحيح غلامحسين يوسفى، خوارزمى، تهران، 1373. 820ص.
138. سعدي، مصلح الدين، كليات، به اهتمام محمدعلى فروغى، مؤسسه انتشارات اميركبير، چاپ چهارم، تهران، 1363. 1072ص.

139. شفيعی کدکنی، محمد رضا، صور خیال در شعر فارسی، انتشارات آگاه، تهران، 1370. 345ص.
140. شهیدی، دکتر سید جعفر، ترجمه نهج البلاغه، چاپ چهارم، شرکت افست، تهران، 1372. 596ص.
141. فروزانفر، بدیع الزمان، احادیث مثنوی، انتشارات دانشگاه تهران، تهران، 1361. 115ص.
142. قریب، عبدالعظیم، کلیلہ و دمنہ، انتشارات آریا فر، بی تا. 338ص.
143. معین، محمد. فرهنگ فارسی. در 6 جلد. تهران، 1375
144. مولوی، جلال الدین محمد بلخی، مثنوی معنوی، نسخه نیکلسون، با مقدمه بدیع الزمان فروزانفر، چاپ اول، تهران، 1375. 360ص.
145. نائل خائلی، پرویز، تاریخ زبان فارسی (3جلد)، تهران، فرهنگ نشر نو، 1382. 1712ص.
146. نظامی گنجوی، الیاس بن یوسف، خمسه نظامی گنجه‌ای، ج اول، مخزن الأسرار، با مقابله دوازده نسخه تصحیح و تعلیقات همراه با واژه نامه امثال و حکم دکتر بهروز ثروتیان، چاپ اول، انتشارات توس، تهران، 1363. 696ص.
147. وحیدیان کامیار، تقی، دستور زبان فارسی، انتشارات امیرکبیر، تهران، 1388. 213ص.
148. ورامینی، سعدالدین، مرزبان نامه، تصحیح و تحشیه محمد روشن، چاپ سوم، نشر اساطیر، تهران، 1376. 389ص.
149. هجویری، ابوالحسن علی بن عثمان، کشف المحجوب، تصحیح ژوکوفسکی با مقدمه قاسم انصاری، انتشارات طهوری، تهران، 1380. 1228ص.
150. Carroll, J. B. The Study of Language, Harvardun, 1960. 178p.
151. Fuck, J. Geschichte Der Semischen SprachWissenSchft, Handbuch Der Orientatik, Leiden, 1954. 212p.
152. Halliday, M.A.K. An Introduction to Functional Grammar. London: Edward Arnold Ltd. 1985. 689 p.
153. Potter, S. Language in the Modern World, Pelican Books, 1968. 197p.
154. Garib B. Sogdian dictionary. - Tehran, 1995. - 520p.
155. Schnabel, F. Deutsche Geschichte imNeunzehntenJahrhundert, Herder Bucherei Band, 1965. 156p.

156. Lakoff, G. Metaphor and War: The Metaphor System used to Justify War in the gulf (Part 1 and 2). Viet Nam Generation Journal Online, 1991. V. 3, No. 3.
157. Lakoff, G. The Contemporary Theory of Metaphor, in Ortony, Andrew (ed.), Metaphor and Thought (2-nd edition). Cambridge: Cambridge University Press. 1992. 46p.
158. Potter, S. Language in the Modern World, Pelican Books, 1968. 197p.
159. Reddy, M. The Conduit Metaphor, A Case of Frame Conflict in our Language about Language”, in A. Ortony, (ed.) Metaphor and Thought. Cambridge: Cambridge University Press. 1979.
160. Schnabel, F. Deutsche Geschichte imNeunzehntenJahrhundert, Herder Bucherei Band, 1965. 156p.
- <https://allinweb.ru/zoologiya/7008/>